

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт

Воробьев М. Н.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Часть 2
Москва, 1999

Лекция 1

1. — Базовая литература. 2. — Оценка личности и деятельности Петра I. 3. — Из биографии. 4. — Мемуарные источники. 5. — Отрывки из воспоминаний. 6. — Петр I в оценках историков. 7. — Об органичности петровских преобразований. 8. — План курса.

Наш курс будет строиться следующим образом: первую часть мы посвятим событиям XVIII века, а вторую, более обширную, — тому, что имело место в XIX столетии, и, наконец, доберемся до начала XX столетия.

1. Базовая литература

О пособиях. В качестве основы рекомендую вам курс С. Ф. Платонова [[1. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.]], второе замечательное пособие — учебник А. А. Корнилова [[2. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.]]. Но Корнилов писал свой курс только о XIX веке, кроме того, у этого пособия есть определенные особенности — в нем излагается история государственных учреждений, реформ, социальных проблем, но крайне мало написано о внешней политике. С другой стороны, по XIX веку издано очень много книг, и они вполне доступны.

2. Оценка личности и деятельности Петра I

Мы начинаем курс XVIII века с изложения событий, которые произошли в царствование императора Петра I. Так случилось, что уже на протяжении нескольких сот лет фигура Петра заставляет наше общество (во всяком случае, тех людей, которые претендуют на знание истории) разбиваться на два лагеря. Одни, что называется, за, другие — против. «Pro» и «contra». Это чрезвычайно печально, потому что мы не можем судить прошлое. Наше дело — узнавать, анализировать, почему было так, а не иначе, вскрывать взаимосвязь событий. Это наша с вами русская история, которую мы не можем ни переписать, ни изменить, ни забыть, ни умолчать. Историография царствования Петра может сама дать ответ на вопрос о том, что такое это царствование.

Фигура Петра настолько грандиозна, настолько невероятна и необычна, что даже оппоненты его реформ и его личности как бы забывают о том, что Петр — это продолжение русской истории. Это не какое-то чужеродное тело, которое было «имплантировано» в русский организм. Петр был самым настоящим русским человеком, его отцом был русский царь Алексей Михайлович, матерью — Наталья Кирилловна Нарышкина. Биография Петра описана не раз и в научных исследованиях, и в романах. Снято несколько фильмов, существует масса популярной литературы. Для самостоятельного знакомства рекомендую вам книгу «Петр Великий» в серии «Государственные деятели России глазами современников» [[З. Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. / сост. е. В. Анисимов. М., 1993. (Государственные деятели России глазами современников).]]. Это сборник, в который вошли записки князя Куракина, датского посланника Юста Юля, герцога де Сен-Симона, который очень интересно описал визит царя в Париж, записки о России разных посланников и, наконец, то, что тогда называли анекдотами — короткие рассказы о подлинных событиях.

3. Из биографии

Вся биография этого человека, вся его жизнь поражают воображение. Прожил он 53 года, и это немало, если учесть, что царем он стал в 10-летнем возрасте, и если иметь в виду те события, которые произошли за 43 года его правления при самом непосредственном его участии. Такие люди рождаются чрезвычайно редко. Человек, который родился на троне, законно стал самодержавным монархом, вдруг низводит себя до положения рядового солдата и последовательно проходит всю лестницу чинов, исправно расписываясь за жалованье, которое он получает, — и это не проформа. Человек, который наделен такой невероятной властью, что ему достаточно слово сказать, чтобы все сразу пришло в действие, — становится плотником, кузнецом. Это очень странно, такими русские монархи в XVII веке не были, да и в XVI тоже.

4. Мемуарные источники

Начать изучение истории Петра очень интересно с воспоминаний тех, кто его знал лично. Не видел издали, а разговаривал, трудился с ним рядом, веселился. Вы будете потрясены невероятным разбросом мнений. И увидите, что люди фиксировали самые разные

стороны — и дикие выходки, и поступки настоящего государственного деятеля. В Петре все так перемешалось, что попытка отделить одно от другого заведомо обречена на неудачу: Петра надо принимать таким, каков он был. И когда вам будут говорить, что он пьяница и безбожник, то можно ответить, что в Полтавском бою он был спасен от смерти только потому, что на груди его висел крест, в который и попала шведская пуля. Скажут, что он проводил свою жизнь в беспутстве, что он казнил направо и налево — да, это правда. Но была масса противоположных случаев, и пример тому — сама смерть Петра. Он умер от воспаления легких, которое получил, когда в ноябре, стоя на берегу Невы, увидел, что тонет барка с солдатами, и поступил так, как всегда поступал в таких случаях: бросился в воду и стал спасать людей. Он страшно простудился в ледяной воде. Пожалуй, другого монарха, который умер бы при таких обстоятельствах, мы не найдем.

5. Отрывки из воспоминаний

Я приведу несколько отрывков из разных записок. В молодые годы, когда Петр не приступил еще к реформам, не съездил в Европу, когда о войне со Швецией даже и не помышляли, он учредил «Всешутейшую коллегию пьянства» — «Всешутейший собор». Те, кто это читал, говорят, что царь был безбожник. Как же: возглавлял коллегию «святейший Кир Иоаникит, архиепископ Прешбургский и всея Яузы и всего Кокуя патриарх». Такова была полная титулатура главы. У него в подчинении было 12 кардиналов в митрах, отнюдь не православных (целый конклав), одетых как католические кардиналы, причем вместо панагий висели фляги с водкой. Но на Церковь здесь пародии не было. Была пародия на некоторых {2} конкретных лиц, на некоторые крайне несимпатичные обычаи, которые Петр хорошо знал, была глумливая сатира на католичество. Происходило это в основном на святках, когда принято было давать отдых уму. «И в тех святках что происходило, то великою книгою не описать, и напишем, что знатного, а именно: от того начала ругательство началось знатым персонам и великим домом, а особливо княжеским домом многих и старых бояр: людей толстых протаскивали сквозь стула, где невозможно статья (то есть выбивали сиденье и развлекались тем, что протаскивали человека, как нитку через иголку), на многих платье одирали и оставляли нагишом... отчего один Мясной — думный дворянин умер. Иным многие другие ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуговтавливались как бы к смерти».

Почему именно бояре? Он их особенно ненавидел? Но ведь немало его сподвижников были представителями старых дворянских фамилий. И, надо сказать, Петр к старине относился с большим уважением, даже заботился о создании настоящего учебника русской истории, собирал специально книги и читал много русских летописей. Но при этом, когда какой-нибудь боярин отказывался делать что-то, по мнению Петра, разумное, например, учить своих детей, его могла постигнуть беда. В лучшем случае к нему могли приехать вот такие гости и учинить великое поношение его дому (что, впрочем, гуманно по сравнению с методами Ивана Грозного). Иных он превращал в шутов; шуты были действительно представителями знатных фамилий.

Другой отрывок:

«Петр Великий был истинный богопочитатель и блюститель веры христианския и, подавая многие собою примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, либо с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познавать должен».

Лучше, кажется, и не скажешь.

Говорят, что он трус, судил собственного сына; многих казнил, пытал и т. д. Да, он пытал стрельцов лично и лично казнил. Сын Петра был казнен по его, можно сказать, указу, после приговора Сената (понятно, что члены Сената догадывались, чего хочет государь). Страшно об этом читать и даже думать. Но вот другая картина: Петр в сильное волнение собирается плыть на лодке от своего флота на берег:

«В 1714 году государь, будучи в Финском заливе со флотом, от Гельсингфорса к Аланду претерпел великую опасность в потере самой жизни, ибо ночью поднялась жестокая буря, и весь флот находился в крайнем бедствии, и все думали, что погибнут. Его величество, увидев корабельщиков своих робость, решился сесть на шлюпку и ехать к берегу, и, зажегши там огонь, дать знать близость оною. Бывшие на корабле его офицеры, ужасаясь отважности монаршей, все пали к ногам его и просили неотступно, чтоб отменил свое губительное намерение и чтоб им сие исполнить повелел. Но государь, показывая подданным на море бесстрашие, не послушал их, сел с несколькими гребцами в шлюпку и поплыл. Рулем его величество управлял сам, а гребцы работали сильно в гребле, но, борясь долго противу ярящихся волн, начали ослабевать и уже потопления ждали. В таком их отчаянии Петр Великий встал с места своего и в ободрение им кричал: «Чего боитесь! Царя везете! Кто великий, яко Бог? Бог с нами! Ребята, прибавляйте силы!» Такая речь возобновила мужество во всех. Пробился он сквозь валы до берега, куда вышел, зажег огонь и тем дал знак флоту, что он счастливо туда прибыл и что они также недалеко от берега. Государь, весь водою измоченный, отогревался у огня с гребцами и спросил: «Есть ли на шлюпке морской сбитень и сухари?» И когда сие к нему принесено, то разогрев сбитень, выпил стакан, съел сухарь, велел выпить стакана по два матросам и потом близ огня под деревом, покрывшись парусиною, заснул».

6. Петр I в оценках историков

Научная историография Петра начинается с XIX века. Первым русским историком Н. М. Карамзиным была дана характерная для данного автора картина царствования великого монарха [[4. Например в кн.: Карамзин Н. М. Записка о старой и новой России. М., 1991.]]. Карамзин считал Петра преобразователем России и видел в нем больше величия, чем всего остального. Но Карамзин был не только историком — он был и писателем, моралистом. Следующим настоящим научным трудом, где раскрывалась и личность Петра, и его царствование, был труд С. М. Соловьева. Когда отмечалось 200-летие со дня рождения Петра, Соловьев выступил со знаменитыми публичными чтениями о Петре Великом [[5. В кн.: Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.]]. Это был цикл лекций, которые он читал в Благородном собрании о человеке, о реформаторе — благодетеле России. Так смотрел на Петра Соловьев. Ключевский недалеко отошел от этого взгляда, но, разбирая отдельные эпизоды царствования Петра,

он иногда вскрывал противоречия, иногда едко говорил о недостатках. Ключевский написал, пожалуй, лучший психологический портрет Петра. Это две лекции из его курса [[6. Лекции LIX-LX. В кн.: Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990.; Его же. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Т. 2.; Его же. Собрание сочинений в 9-и тт.]].

7. Об органичности петровских преобразований

Западное влияние на Россию началось до Петра — при его отце Алексее Михайловиче. Этот процесс набирал силу, и все, что сделал Петр, было продолжением той политики, тех целей, которые уже были поставлены предшествующими эпохами. Впервые о выходе к Балтийскому морю у нас говорили в XVI веке; Ливонская война велась именно за выход к Балтике. Не получилось. У Петра — получилось. Развитие промышленности? Это было необходимо. Развитие торговли? Это был процесс объективный, Петр его только стимулировал. Создание новой армии? Но ведь наша никуда не годилась, она себя уже изжила в том виде, в каком существовала в XVII веке. Первые солдатские полки иноземного строя {3} появились задолго до рождения Петра именно потому, что традиционно русское ополчение, дворянская конница показали себя совершенно не боеспособными. А коль скоро мы выходили к берегам моря, то нужен был и флот.

Внутренняя политика Петра — это налоги, новые тяготы, но вместе с тем — новые, достаточно хорошо продуманные государственные учреждения. Говорят, что они плохо работали, но ведь никогда новое дело сразу не ладилось. Прошло время, все гайки и винтики нового механизма притерлись друг к другу, тогда все и заработало. Во многом Петр предугадал ту структуру государственной власти, которая существует и по сей день.

И, наконец, чаще всего в вину ему ставят упразднение патриаршества и замену его Духовной коллегией, которая быстро преобразовалась в Святейший Синод. Но следует помнить, что соборы церковные, которые у нас собирались в период патриаршества, можно пересчитать по пальцам одной руки. Следовательно, можно говорить о неканоничности и такого правления, коль скоро соборы не собирались. С другой стороны, Петр, с его практическим мышлением, думал не о канонах, а скорее о той практической пользе, которую может принести новое положение. И вот, систематическое духовное образование у нас начинается именно с Духовного регламента. Духовные Семинарии и Академии у нас возникают именно после Духовного регламента, в синодальный период. Русское богословие как наука возникает именно в синодальный период. Русские церковные историки — это продукт синодального периода. Получается, что все не так просто. Я уж не говорю о том, что ругают Духовный регламент очень немногие, потому что обычно его никто не читает. Этому документу будет посвящена специальная лекция. Получается, что эти противоречия — на самом деле не противоречия, а наша обычная русская жизнь, которая благодаря таланту, энергии, темпераменту монарха приобрела более яркий, более рельефный характер. Надо понять, что Петр — результат предшествующей истории, а последующее — результат петровской, и все это так завязано воедино, что нельзя вычленивать безнаказанно для понимания русской истории один эпизод, а остальные игнорировать. Это грубая ошибка, которую делают публицисты-ниспровергатели или, наоборот, безудержные панегиристы Петра, которые считают, что вся русская история сконцентрировалась только на его царствовании.

Поэтому я бы хотел, чтобы вы, когда будете читать о Петре, относились ко всему спокойно и трезво, хотя очень трудно не попасть под обаяние личности этого человека. Два метра четыре сантиметра — рост. На Пасху, когда он со всеми христосовался, к вечеру у него начинала болеть спина, потому что, естественно, никто не доставал до царских уст. Физическая сила превосходила всякие мыслимые представления — он действительно гнул подковы. Он ковал якоря, он лил чугун. Невероятно способный к любому ремеслу, он всякое ремесло мгновенно изучал и знал в совершенстве. При этом он прочитал гору книг, говорил на многих языках.

Помню, как в Историческом музее поразил меня в свое время кафтан Петра: нацепи я его на себя, он волочился бы по полу. Вот так поражают и его деяния — какой-то богатырский размах во всем.

Для более подробного знакомства с темой я бы рекомендовал вам книгу Н. И. Павленко [[7. _Павленко_Н._И._Петр Великий. М., 1994. 3-е изд.]]. Это известный советский ученый, в его книге факты изложены вполне добротнo. «Публичное чтение о Петре Великом» Соловьева читается с трудом. Там речь идет не о каких-то деталях, отдельных фактах деятельности Петра, а скорее предлагается общая концепция, как ее понимал Соловьев.

Специальных изданий очень много: и по истории законодательства, и по истории армии, флота, по истории реформ. Специальную литературу мы будем прорабатывать на семинарах.

8. План курса.

Дальше мы разберем события в следующей последовательности.

Одна лекция будет посвящена изложению событий до начала Северной войны. Сюда относится все, что касается стрелецких бунтов, великого посольства и азовских походов — это, так сказать, московский период. Затем нужно говорить о Северной войне — именно о войне как таковой. Строго говоря, реформы были вызваны войной, и о них пойдет речь после лекции о войне. Фактически же и Северная война, и все реформы шли одновременно. Тысячи указов, самые невероятные учреждения, преобразования, походы, бои — все это так перепутано, что приходится группировать одно с другим.

После этого речь пойдет о дворцовых переворотах, потом будет большая тема: Екатерина II.

Лекция 2

_1. — Начало_первого_периода_царствования_Петра I._2. — Стрелецкое_войско._3. — Стрелецкий_бунт_1682 г._4. — Первый_период_царствования_Петра I._5. —

Стрелецкий бунт 1698 г. 6. — Русская дипломатия накануне Северной войны. 7. — Швеция накануне Северной войны. 8. — Начало Северной войны и планы сторон. 9. — Поражение под Нарвой и его последствия. 10. — Первые победы. 11. — Перелом в войне. 12. — Завершающий этап войны. 13. — Ништадтский мир и итоги Северной войны.

Сегодня мы будем разбирать первый период царствования Петра Великого — события с момента его воцарения в 1682 году до начала Северной войны. Вторая тема — обзор событий Северной войны.

1. Начало первого периода царствования Петра I

Думаю, что большинство из вас знает, что Петр был провозглашен царем в десятилетнем возрасте, после смерти своего старшего брата царя Федора Алексеевича; что тут же случился стрелецкий бунт, {4} который привел к государственному перевороту, и правительницей государства стала сестра Петра царевна Софья. Петр со своей матерью вынуждены были даже уехать из Москвы в подмосковное село Преображенское, которое стало впоследствии любимым местом пребывания Петра.

2. Стрелецкое войско

Что же такое было стрелецкое войско, почему оно бунтовало, почему Петр впоследствии так «выжигал» стрельцов из народного организма?

Стрелецкие полки — своеобразная городская придворная пехота — были учреждены в XVII веке и в сравнении с ополчением имели куда большую боеспособность. Но при этом стрельцы существовали на положении, как мы бы сейчас сказали, национальной гвардии: у них были свои дома, свои семьи, они имели право заниматься мелким ремеслом и торговлей, имели иногда земельные наделы, а потому чрезвычайно болезненно реагировали на необходимость совершать далекие походы. Это их отрывало от хозяйства, от привычной и сытой московской жизни. В Москве они стояли в караулах у городских ворот, несли стражу в Кремле. Войско это было не очень мобильным, а главное, повязанное крепкими узами с московским бытом, московской жизнью, оно уже в силу этого было чрезвычайно консервативно.

Кроме того, что стрельцы занимались каким-то промыслом и вели свое хозяйство, они получали и жалованье. Оно платилось нерегулярно, с чем и связан был бунт 1682 г. С деньгами, которые стрельцы должны были получить, вышли какие-то недоразумения, и они обвинили своих полковников в грубости по отношению к подчиненным и в финансовых злоупотреблениях, — в коррупции, выражаясь современным языком.

Еще один момент; эти неприятные события 1682 года были густо замешаны на истории с раскольниками. Расколоучители (многие из них были москвичами) в Москве были широко

известны и имели немало сторонников. Зафиксированы случаи, когда раскольники вели прямую, как сейчас бы сказали, агитацию в стрелецких полках, не то чтобы с целью бунтовать против правительства, но, во всяком случае, чтобы расположить их в свою пользу. Поэтому внутреннее неприятие, скажем, боярской аристократии, которая довольно быстро отошла от старой веры, у стрельцов было достаточно сильно.

Как смотрел на эти вещи Петр? Думаю, что когда ему было 10 лет, он не смотрел на эти вещи никак. Но он должен был уже что-то слышать, потому что история патриарха Никона была его домашней историей, это была история его отца, если хотите, семейная история. И этим очень многое объясняется в действиях Петра как в отношении стрельцов, так и в отношении вопросов, связанных с реформой церковного управления.

3. Стрелецкий бунт 1682 г.

Итак, 10-летний мальчик понимал очень мало, но очень многое запомнил. Бунт в Кремле начался с того, что раздался крик: «Царя убили!», хотя его никто, конечно же, не убивал. Стрельцы ринулись защищать царя (ворота кремлевские не были своевременно закрыты), после чего боярин Матвеев — только что возвращенный из ссылки опекун Натальи Кирилловны (матери Петра), первый человек в правительстве царя Алексея Михайловича — выводит на Красное крыльцо (то самое, которое сейчас восстановили) двух царей, двух мальчиков — царя Петра и Ивана, который еще не был провозглашен царем, и, обращаясь к толпе, где в основном стояли стрельцы, сказал: «Кто сказал, что царь убит? Вот он, смотрите».

В этот момент стрельцы еще не были перевозбуждены и, вероятно, Матвеев сумел бы успокоить их посулами денег, угощением, наградами, как всегда в таких случаях делается, но глава Стрелецкого приказа князь Долгорукий, человек крайне неумный, вместо того, чтобы успокаивать своих взбунтовавшихся подчиненных, сошел с крыльца и, войдя в толпу стрельцов, накинулся на них с грязной площадной бранью. Он не был популярен у стрельцов, а потому тут же был убит. А дальше те, кто был заранее подготовлен партией Милославских, стоявших за царевну Софью, ринулись на Красное крыльцо, и Матвеев был сброшен прямо на острия копий и разорван на куски. Предание рассказывает, что Петр вцепился в его одежду, пытаясь его как-то удержать. Но царя грубо оттолкнули. Так он увидел убийство человека, которого его мать всю жизнь считала своим благодетелем.

Дальше начался самый омерзительный погром, в котором было убито еще несколько братьев царицы Натальи Кирилловны, в живых остался только Лев Кириллович. Один из братьев спрятался в церкви, исповедался, причастился, был выдан стрельцам, они его зверски пытали и убили. В какой-то момент царская семья начала бояться за свою неприкосновенность, но посулами удалось успокоить стрельцов, которые воздвигли на Красной площади столб с выбитыми на нем проклятиями убитым боярам и восхвалениями стрельцов за ту пользу, которую они принесли государству.

Вот что с детства очень хорошо запомнил Петр: убийство родных дядьев и Матвеева, страшный погром во дворце. Подобные впечатления, естественно, остаются на всю жизнь. Поэтому стрельцы, если хотите, для него были личными врагами.

Между прочим, со стрельцами боролась и сама Софья. После бунта во главе приказа встал князь Хованский, у которого в Москве было прозвище — «тараруй», нечто вроде «балаболка». Князь этот был очень высокого мнения о себе и полагал, что, опираясь на свое лихое войско, он может фактически диктовать свою волю правительству. Но царевна Софья сумела с ним обойтись достаточно круто. Она опять вывезла семью в Троицу (Петр впоследствии шел по уже отмеренному пути), а потом пригласила Хованского к себе на именины. Пока он ехал, в селе Воздвиженское, что на Троицкой дороге, заседала боярская дума в усеченном составе; Хованского заочно приговорили к смерти. Его схватили на дороге, его сына вытащили из имения и обоим отсекали голову в Воздвиженском. Петру это было хорошо известно.

4. Первый период царствования Петра I

Вскоре после того, как Петра обвенчали с Евдокией Лопухиной, произошло событие, которое иногда называют вторым стрельецким бунтом. Это было всего лишь волнение в Москве, которое не вылилось {5} в настоящий бунт. Однако Петр, напуганный сведениями, которые ему принесли, бежал в Троице-Сергиеву Лавру. Туда же за ним приехали его семья и его окружение, пришел солдатский полк Патрика Гордона, затем пришел стрельецкий полк Леонтия Сухарева, приехал патриарх, и события повернулись так, что Софья вынуждена была оставить дела управления. Петр стал царем — уже реально.

Правда, имело место двоевластие. Вы знаете, что у Петра был брат — царь Иван, несколько старше его. Он был человек чрезвычайно болезненный и в делах управления не принимал никакого участия. Поэтому хотя Петр формально ссылался с ним письмами и формально указы писались от имени двух царей, но фактически движущей силой всех событий был, конечно, Петр.

Дальнейшие события состоят в основном в бесконечных утехх, потехах и путешествиях. К этому периоду относятся два похода на Азов, причем предварительно был выстроен огромный речной флот в Воронеже (второй поход увенчался взятием города).

Этот период венчается знаменитым посольством в западные страны — «Великим посольством», в котором участвовал и «урядник» Преображенского полка Петр Михайлов. Формально это посольство возглавляли Лефорт, Головин и Прокопий Возницын — известный дипломат старой русской школы. Посольство проехало Лифляндию, несколько германских государств, побывало в Голландии, затем в Англии, вернулось в Вену и собиралось ехать в Италию, в Венецию. Но пришло известие, что в Москве опять неспокойно, стрельцы взбунтовались. Петр сразу отложил поездку в Италию и через Польшу двинулся в Россию. И хотя в пути он получил известие, что бунт подавлен, Петр не изменил своих планов и явился в Москву.

5. Стрелецкий бунт 1898 г.

После бегства Петра в Троицу не было ни одной казни, кроме того, что казнили Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа. Но если он простил только умысел или слухи об умысле, которые имели место вскоре после его женитьбы, то в 1698 году бунт был подавлен солдатскими полками. Сражение произошло под Новым Иерусалимом, после чего боярин Шеин, который командовал верными Петру частями, начал розыск и многих повесил. Вернувшись в Москву, Петр обвинил его в том, что он вел розыск формально, и тут же издал приказ свезти в Преображенское всех арестованных стрельцов. Начались расспросы, допросы и пытки в Преображенском. Петру нужно было докопаться до тех целей, которые ставили перед собой стрельцы.

Формальный предлог у них был следующий: они-де поизносились и шли домой к своим семьям Петр же был убежден, что они шли сажать Софью на царство в то время, как его в государстве не было. Надо полагать, что Петр не ошибался. И хотя Софья на допросах категорически все отрицала, но косвенные свидетельства были налицо.

Стрельцов подвергли жесточайшим пыткам. Следствие велось по всем правилам того времени: читая записи следственных расспросных речей, невольно обращаешь внимание на примечания: «с первой виски», «со второй виски». Значит, вздергивали по несколько раз. Иногда слово «виска» заменялось выражением «с подъема». «С первого подъема» тот-то сказал то-то, а «со второго подъема» — то-то. Если кто-то запирался и не хотел говорить правду, палач обрабатывал подследственного кнутом по обнаженной спине, причем удары строго дозировались. Работали виртуозы своего дела, поэтому обычно давали три-пять ударов (с третьего удара спину при желании могли рассечь до позвоночника). Время от времени стрельцов, которые теряли сознание, снимали с дыбы, обливали водой, отпаивали водкой, и все начиналось сначала. В пытках и допросах принимал участие сам Петр, и если на дыбу он собственными руками никого не вздергивал, то у подвешенных стрельцов он лично показания снимал.

Картина, в конце концов, выяснилась, после чего почти все стрельцы были приговорены к смертной казни. Вы знаете картину Сурикова «Утро стрелецкой казни». В центре этого потрясающего полотна стрелец, сидящий на телеге и одетый в белую рубашку, держит в руках свечу (однажды в церкви художник увидел горящую свечу на фоне белой рубашки, это послужило толчком к поиску сюжета). Суриков, гениальный исторический живописец, прекрасно знал документы, поэтому картина — не плод его фантазии. Но вы должны знать, что казнили не только на Красной площади, но также у Покровских ворот, в Преображенском, у стен Белого города. Виселицы были устроены в бойницах именно Белого города, а не у кремлевских стен.

Короче говоря, после второго бунта, который был соответствующим образом расследован, стрелецкое войско физически перестало существовать. Софья была пострижена в монахини (до этого она просто жила в Новодевичьем монастыре). На этом первый период царствования Петра закончился.

6. Русская дипломатия накануне Северной войны

Я уже говорил о «Великом посольстве», и это посольство надо представлять себе достаточно основательно, потому что оно связывает первый период правления Петра со вторым, т. е. годы до войны и вовремя войны.

Есть общепринятое мнение, что Петр-де поехал за границу людей посмотреть, себя показать. Существуют трогательные рассказы о том, как он плотничал на голландских верфях, о том, как он встречался с курфюрстинами в Ганновере, как смотрел в Амстердаме анатомические театры и пьянствовал со своими приятелями в Англии. Все это расхожие факты.

Те, кто копает глубже, считают, что он поехал сколачивать союз против турок. Это мнение вошло даже в учебник Платонова, где говорится, что Петр поехал за границу, чтобы сколачивать союз против турок, потому что их надо было вытеснить из Европы, и Петр наивно надеялся, что турки будут вытеснены, когда объединятся христианские государства. Дальше обычно рассказывается, что поскольку союз против Турции не получился и обратно Петру пришлось ехать через Польшу, то польский король, он же {6} саксонский курфюрст Август II, уговорил его воевать против Швеции. Замечательно: главное — воевать. На юге, на севере — какая разница?

Все это очень интересно, но похоже на сказку. Такая концепция подразумевает, что Петр был абсолютно невежествен во всех европейских делах. Между тем, надо сказать, что дипломаты царя Алексея Михайловича были людьми чрезвычайно незаурядными, и Петр их всех унаследовал: и знаменитого дядя Посольского приказа Украинцева, и знаменитого Прокопия Возницына. Да и собственный его дядя Лев Кириллович Нарышкин, ставший главой Посольского приказа, был, видимо, человек очень неординарный. Не говоря уже о том, что Петр прекрасно был знаком с идеями Василия Васильевича Голицына, первого человека у царевны Софьи. За соучастие в ее делах тот был отправлен в ссылку, но тем не менее, его программу Петр знал хорошо.

Сравнительно недавно вышла небольшая монография об истории Северной войны. Автор ее — В. Е. Возгрин [[8. _Возгрин_В._Е._Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.]]. Она написана на огромном количестве источников, взятых из архивов посольств, дипломатической переписки и т. д. В ней рассказывается о том, что в один прекрасный день глава Посольского приказа Лев Кириллович Нарышкин пригласил датского посла к себе в имение в Кунцево, где в парке стоял храм Покрова в Филях. Очень красивое место, рядом Москва-река.

В этом идиллическом местечке он повел разговор, выражаясь крайне дипломатично, не называя ни имен, ни стран, ни государств, но смысл его был тот, что не худо было бы Дании и России объединить усилия в борьбе против общего врага. Общим врагом в данном случае могла быть только Швеция. У Дании со Швецией были отвратительные отношения, а датчане понимали, что Россия хочет выйти к берегам Балтики.

Оказывается, Великое посольство имело своеобразную двойную систему: формальную и по существу. Формально во главе посольства были Лефорт, Головин и Возницын. По существу же все переговоры вел Петр или уж во всяком случае их контролировал. Формально искали союза против Турции — по существу сколачивали союз против Швеции. И не шальной, легкомысленный авантюрист Август II предложил Петру союз против Швеции, а Петр надоумил этого искателя приключений вступить в подобную сделку.

Ключевским высказано мнение, что Петр куда удачнее вел свои дела, когда был брошен своими союзниками, чем когда он был с ними связан. Вероятно, все зависит от того, как смотреть на вещи. Если иметь в виду победы Петра, то они действительно падают на то

время, когда Петр действует один и союзники его разбиты. Если иметь в виду рост международного авторитета, то его нельзя рассматривать без анализа отношений с союзниками. И тут картина получается совсем другая.

7. Швеция накануне Северной войны

Теперь несколько слов о том, что собой являла Швеция в это время. Это была одна из самых мощных держав Европы, владевшая практически всеми берегами Балтики, получавшая хлеб и продовольствие из Лифляндии и Эстляндии и кормившаяся за счет этого, давившая на германские государства, будь то Саксония, Бранденбург или Курляндия (все они практически были полузависимыми от Швеции). Она полностью контролировала мореходство, потому что у нее был колоссальный флот, и давила на Данию, потому что Дания была на проливах, а если командуешь флотом Прибалтики, то и проливы должны принадлежать тебе. Не говоря уже о том, что процветала специальная пошлина, когда любой купец должен был платить за проход этими проливами.

Естественно, что Дания, маленькая страна, не прочь была ослабить Швецию. Того же хотел и ряд германских государств, в частности саксонский курфюрст Август II. И вот, курфюрст был сделан королем Польши. Это произошло не случайно, этого очень хотел Петр. В начале посольства, когда он был в Германии, это совпало с выборами короля в Польше, и Петр сумел сделать так, что там засел человек, ему угодный. Может быть, уже тогда у Петра возник план дальнейшей борьбы со Швецией.

8. Начало Северной войны и планы сторон

Союз был заключен в глубокой тайне, он был подписан всеми участниками друг с другом и с Россией. Петр ставил свои подписи в Преображенском. При этом шведов всячески убеждали, что войны не будет. Слухи о том, что Петр хочет с ними воевать, просочились еще тогда, когда Петр был за границей, но тем не менее, никаких формальных поводов так думать не было.

Петр не хотел начинать войну до тех пор, пока не будет заключен мир с Турцией, и его дипломаты очень активно работали в Стамбуле. Но так получилось, что Дания, отвечая на активизацию соседей, которые подчинялись шведам, напала на этих соседей. Началась война. А саксонский курфюрст осадил Ригу.

Август II был неприятной личностью, даром что создал Дрезденскую галерею (столицей Саксонии был Дрезден). Он не прочь был захватить Ригу, потому что надеялся перехватить ее у Петра, понимая, что если начнется война, то Ригу, пожалуй, может захватить и Петр. Тем более, что когда-то Курляндия зависела от Польши, и он считал это исторически справедливым. Август был законченный авантюрист и не думал о последствиях, не рассчитывал силы, а считал, что если есть возможность что-то подцепить, то это надо сделать.

Но Ригу он с налета не взял. Рига была неплохо укреплена, и ему пришлось начать осаду, на что он был, прямо скажем, не способен. Как только в Стокгольме было получено известие о том, что творится в соседних государствах, Карл, тайно посадив не то 30, не то 40 тысяч солдат на корабли, не спрашивая позволения ни у министров, ни у парламента, оказался перед Копенгагеном, куда подошел и английский флот для восстановления мира.

{7} Английский флот восстанавливал мир довольно своеобразным способом. Англичане наблюдали, как шведы бомбардировали Копенгаген, и когда дело было сделано, то датский король под угрозой высадки шведского десанта и разграбления страны тоже подписал мир. Петр об этом еще ничего не знал: известия распространялись довольно медленно.

9. Поражение под Нарвой и его последствия

В это время Петр получил известие о том, что наконец подписан мир с Турцией. На следующий день он объявил Швеции войну, а еще через день его полки выступили к Нарве. Дело было осенью, в сентябре. До Нарвы нужно было маршировать не меньше месяца. Русские войска там оказались в конце октября, начали правильную осаду, но Петр настолько был не в курсе событий, что появление армии Карла XII в 20 верстах от русского лагеря явилось для него полной неожиданностью. Шведы узнали об осаде Нарвы быстрее, чем Петр узнавал о том, что делают шведы, и, пользуясь огромным флотом, перевезли армию под Нарву, что фактически предрешило исход нарвской осады.

Петр не стал дожидаться боя и уехал в Новгород. Некоторые считают, что он трусил. Ничего подобного: Петра испугать можно было, вероятно, только один раз, когда ему было 17 лет и он бежал в Троице-Сергиеву Лавру. Здесь же он прекрасно понял, что войско, которое не очень хорошо снабжено снарядами, не очень хорошо накормлено, плохо отмотобилизовано, не сможет оказать серьезного сопротивления шведам, тем более что командовал русским войском наемник — герцог де Круи (или де Круа), который при первых же выстрелах сдался шведам вместе со своим штабом.

В этом бою покрыли себя славой Семеновский и Преображенский полки, а колоссальная дворянская конница, которая могла бы попросту растоптать шведов при своем количестве, позорно бежала. Масса солдат попала в плен (офицеров Петр потом выкупал).

Карл XII не чаял таких успехов, был ими поражен и всячески стремился к тому, чтобы как можно скорее избавиться от русских пленников и русских частей, потому что их было больше, чем его армия. Поэтому разрешали уходить и с оружием, и без оружия — только бы ушли подальше.

В Европе гремела слава юного шведского короля, которому едва ли было 17 лет. По случаю его победы была выбита такая медаль: на одной стороне царь Петр сидел у костра, и соответствующая надпись гласила: «Седе Петр у огня и греяся», а на другой он бежал — «исшед вон, плакася горько». Петра этим нельзя было удивить, но он понял, что война такой, как он ее себе представлял, кончилась, а будет что-то совершенно иное.

У Петра было драгоценное качество: в момент наибольшей опасности он предпринимал обычно безошибочные шаги. Поэтому сразу же после поражения под Нарвой он начинает

реформировать русскую армию. Он создает новую артиллерию взамен той, которая была потеряна под Нарвой, и действительно переливает на орудия какое-то количество новгородских колоколов. Троице-Сергиева Лавра дает Петру огромную сумму денег на воссоздание армии — добровольно — он не изымал эти деньги. Петр выдвигает на первые места русских военачальников, имена которых впоследствии навсегда войдут в историю русской армии и России: Шереметев, Репнин и Алексашка Меншиков — «Данилыч», который проявит себя как великолепный кавалерист и замечательный тактик, человек, создавший русскую кавалерию.

Казалось, Карл XII должен идти к Новгороду добывать русскую армию как предписывает стратегия. Но этот бесспорно одаренный тактик оказался никудышным стратегом. Он считал, что раз с Данией кончено и с Петром тоже, то дальше надо покончить с саксонским курфюрстом (он же польский король), и отправился за ним в погоню. И гонялся несколько лет — как выражался Ключевский, он надолго увяз в Польше.

Польшу наводнили шведы, Польша была разграблена всеми, кто там воевал. Был избран новый король, на этот раз уже ставленник шведов. В Польше началось разделение на шведскую и польскую партии, была и русская партия. Короче говоря, Польша полностью «демократизировалась».

10. Первые победы

А Петр времени не терял: уже в 1701–1702 годах пришли первые победы над шведами. Это были небольшие сражения, которые выиграл Шереметев в Прибалтике, а дальше медленно-медленно русские войска стали двигаться вдоль побережья Финского залива. В 1703 году был основан Петербург на острове, который сейчас называют Заячьим, там, где стоит Петропавловская крепость. Петр называл его по-голландски «мон луст эйланд» — «самый веселый остров». Вскоре Петр начинает называть это место столицей, хотя до столицы было еще далеко.

Приходят первые скромные морские победы, когда русские галеры при полном безветрии атакуют шведские корабли и берут их на абордаж. А Карл XII все еще пребывает в Польше. Оттуда он движется в Саксонию, там наносит страшное поражение Августу; тот, естественно, вступает с ним в переговоры, выходит из союза с Петром и становится союзником Швеции. А Петр потихоньку продолжает свои военные реформы. Армия увеличивается, флот начинает строиться с невероятной скоростью, Адмиралтейская верфь начинает спускать на воду все больше и больше кораблей. И тут Карл соображает, что теперь самое время нанести удар в самое сердце России, и начинает движение из Варшавы на Москву. Доходит до Могилева, русские войска отступают; он одерживает блестящие, хотя и небольшие победы, но выясняется, что армия его не слишком хорошо снабжена запасами, и он должен подождать, когда из Прибалтики подойдет вспомогательный корпус генерала Левенгаупта.

11. Перелом в войне

Вместо того чтобы идти навстречу Левенгаупту или, во всяком случае, как-то обезопасить его движение, Карл спокойно дожидается обозов, и Петр перехватывает инициативу. В сражении при деревне Лесной осенью 1708 года Левенгаупт наголову разбит, к Карлу прибегают какие-то остатки солдат, а весь обоз оказывается в руках русских. Здесь уже можно считать, что дело Карла погибло. Но он этого {8} не понимает, видимо, просто потому, что стратегическое мышление ему не дано. Поверив похвальбе украинского гетмана Мазепы, который втайне уже давно заключил с шведами союз, Карл воображает, что тот ему приведет десятки тысяч казаков, снабдит его хлебом, порохом, деньгами и т. д.

Можно до сих пор спорить о том, сколько казаков привел Мазепа. Одни считают, что полторы тысячи, другие — около десяти тысяч. Как считать: если десять тысяч, то через неделю все равно стало полторы тысячи, потому что они просто бежали, увидев, что происходит.

Петр, узнав об измене Мазепы (во что он не сразу поверил), стал действовать с невероятной энергией. В Батуриин, столицу Мазепы, был послан Меншиков, который сжег город, а все, кто оказывал сопротивление, были повешены. Запорожская сечь, гнездо украинской самостоятельности, была сожжена и разорена, а духовенство предавало Мазепу анафеме во всех церквях. Сделано это было с невероятной быстротой, и на Украине никакой поддержки Мазепа не получил.

Тогда шведы, нуждаясь абсолютно во всем, пошли к Полтаве и осадили ее. Полтава — город, в котором были какие-то запасы, — не была крепостью. Укрепления Полтавы — рвы и насыпи. Шведы даже не смогли обложить ее полным кольцом, поэтому осажденные ссылались с Петром через посыльных. Положение Полтавы все-таки становилось критическим, хотя на валах умудрялись отбивать все атаки шведов. Постепенно порох и продовольствие подходили к концу, но знаменитый начальник гарнизона полковник Келин все-таки держался. Время было выиграно, и Петр подвел всю армию к Полтаве.

И вот летом 1709 года, спустя 9 месяцев после сражения при Лесной (Петр называл эту битву матерью полтавской баталии), произошло знаменитейшее событие, о котором у нас знают, казалось бы, все, но знают далеко не достаточно. «И грянул бой, полтавский бой! Швед, русский колет, рубит, режет...» — это все знают с детских лет. До Полтавы стратегическая инициатива была в руках у шведов. А после Полтавы о Швеции можно вообще не говорить как о серьезном противнике, потому что шведская армия перестала существовать как боевая сила. Пленным шведам оставалось только мостить Петербург, и они неплохо это делали — весь Невский проспект вымощен камнем руками шведов. Огромная по тем временам армия — больше 30 тысяч человек — была уничтожена, а живые оказались в плену. И только где-то в Померании остался один шведский корпус, который погоды не делал.

Эта битва перевернула весь ход событий, всю дипломатическую ситуацию. Перевернула и представление о Петре, которое в это время сложилось в Европе. А что касается России, то битва оказала влияние и на внутренние дела: тут же были подавлены все бунты, начинавшиеся где-то в Поволжье, на Дону. Мы должны понимать, что Полтавская битва — это не просто сражение двух армий, одна из которых одерживает победу. Это сражение знаменовало решительный поворот событий. Строго говоря, война была уже выиграна, потому что воевать было больше не с кем. И Петр в ближайшие 2–3 года занимает всю Прибалтику, Карельский перешеек, доходит до Выборга; фактически часть Финляндии оказывается в руках Петра, и шведы здесь ничего сделать не могут. Шведский

король долго сидит в Турции, турки пытаются от него избавиться. Только после Прусского похода, когда Петр с известной долей авантюризма пытается разбить турок, те требуют, чтобы Петр согласился на беспрепятственный проезд Карла через европейские земли в Швецию. Петр вынужден согласиться. Карл воюет уже не с Россией, хотя состояние войны продолжается, а с Норвегией и там погибает при штурме одной из крепостей, причем историки высказывают мнение, что либо это была шальная пуля, либо его убили по приказу из Стокгольма, потому что его политика уже никого не устраивала. Во всяком случае его первый министр был тут же казнен.

12. Завершающий этап войны

С этого момента на берегах, которые получила Россия, проблем со Швецией уже нет и быть не может. Остается море, потому что там еще господствует шведский флот, но постепенно и он начинает бояться русского флота. У Петра уже немалое количество линейных кораблей, а главное — гребных судов Петр прекрасно понимал, что галеры в данной ситуации необходимы, поскольку в Балтийском море колоссальное количество островков, так называемых шхер, где большим кораблям двигаться очень сложно. В этом отношении галеры имеют ряд преимуществ. Впоследствии именно на галерах высаживались знаменитые десанты на шведскую территорию, когда русские полки разоряли окрестности Стокгольма и внушали шведам простую истину, что пора войну кончать.

Что происходит в Европе? Если в XVII веке Россия мало кого волновала — это был некий малопонятный мир, с которым можно было не без выгоды для себя торговать, то теперь «вулкан проснулся», и в орбиту его извержения вошло огромное количество европейских государств. В ту пору Мекленбурги, Брауншвейги, Голштейн-Готторпы, Курляндии, Вюртемберги и т. д. были отдельными государствами. Все они творили политику, поставляли невест и женихов во все европейские дворы, и с этим приходилось считаться. Морские державы Англия и Голландия, с одной стороны, ничего не имели против того, чтобы Швеция поубавила свои аппетиты, но с другой стороны, они не хотели, чтобы место Швеции занял кто-то еще. А Россия занимала именно место Швеции — с той разницей, что по своим ресурсам она превосходила Швецию в неизмеримое количество раз. И это тоже все понимали.

И все союзники Петра, мелкие немецкие государства, стали тоже побаиваться. Может быть, именно в те времена сложился стереотип мышления среднего европейца в отношении России, что это дикий страшный медведь, который готов своими лапами захватить всю Европу. На протяжении многих лет в европейских газетах любили печатать географическую карту, где Советский Союз, гигантская империя, выкрашенная в красный цвет, нависала над малюсенькой Западной Европой. И действительно, если представить себя на месте европейцев, покажется страшновато. Поэтому когда мы сейчас видим, {9} что нас где-то не очень любят, то началось это еще в XVIII веке, перепуганы все были уже тогда. Вся Прибалтика была в руках России со времен Петра, Екатерина прибрала к рукам часть Польши, поделившись с Германией и Австрией, плюс расширение к Черному морю (был период, когда Россия обладала островами в Средиземном море) — все это сформировало определенный исторический стереотип мышления, который очень силен.

Все американские политологи его унаследовали, а в особенности он был развит у небольших государств. Понятно, почему: в случае чего для них сопротивление было бы невозможно.

Тем временем Петр действовал очень активно. Своих племянниц он стал выдавать замуж за владетельных герцогов, тем самым втягивая новых членов своей семьи в орбиту русской политики. Катерина, дочь царя Ивана, стала герцогиней Мекленбургской, ее сестра Анна — герцогиней Курляндской. Собственная дочь Петра Анна стала герцогиней Голштинской. Получалось, что фактически вся северная Европа втянута в орбиту жизненных интересов России, а отсюда и сопротивление, которое тут же появилось на дипломатическом уровне. Война тянулась очень долго без военных действий, если не считать высадки десанта, когда шведы практически не сопротивлялись. Трудно себе представить, но русские отряды маршировали буквально в нескольких милях от Стокгольма, жгли мельницы, грабили склады, разносили оружейные заводы. Экономически Швеция была полностью истощена. Она сидела без денег, без хлеба, потому что привозить его стало неоткуда. Шведский флот боялся лишней раз нос высунуть, а русские десанты накатывали через Ботнический залив туда, куда считали нужным.

Переговоры были стимулированы очередным десантом, и Ништадтский мир был заключен. Этот мир сводился к тому, что Россия получила все свои завоевания в Прибалтике без всяких оговорок. Сначала шведы не хотели отдавать Лифляндию (современную Латвию), но не вышло. Россия получила Карельский перешеек, Ингрию (Ингерманландию). Но свои завоевания в Финляндии она отдает шведам, а за Лифляндию еще и выплачивает два миллиона ефимков. Такое вливание в экономику Швеции Петра вполне устраивало, потому что сам он приобрел гораздо больше. Эта уступка носила тактический характер, и он пошел на нее, чтобы побыстрее закончить переговоры.

13. Ништадтский мир и итоги Северной войны

Ништадтский мир показал, что в Европе появилась колоссальная страна с первоклассной армией и огромным флотом — страна, которая начала диктовать свои цели другим и втягивать многих в орбиту своей политики, которая распорядилась тронами в ряде государств. Все это в корне изменило внешнеполитическую ситуацию.

Радуюсь заключению Ништадтского мира, Петр называл Шведскую войну своей трехвременной школой, говоря о том, что хороший ученик кончает школу за семь лет, а он сидел в ней три срока — 21 год. Поэтому празднества, учиненные в Петербурге, были растянуты на целый месяц. Под конец все настолько измучились, что были несказанно рады их окончанию.

Необходимо сказать еще и о том, каким образом сам Петр участвовал в этой войне. Он взял на себя роль не очень благодарную — нечто вроде заведующего тыловым обеспечением. Он подгонял интендантов, следил за подвозом пушек, за отливкой ядер, за изготовлением пороха, шитьем мундиров, рекрутскими наборами, за обучением солдат, постройкой кораблей, комплектованием экипажей. Все это он делал, непрерывно мотаясь по России из конца в конец, заезжая и в Европу — иногда для лечения, иногда для переговоров. И только, пожалуй, его участие в осадах нескольких небольших городков, в

Полтавской битве, а также в одном морском бою, когда он лез на abordаж как простой матрос, — только это говорит о том, что он и здесь проявил свою личную отвагу. Под Полтавой формально не он возглавлял армию, хотя по существу его голос был, вероятно, решающим; однако тактические вопросы решал не он. Командовали там «и Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин, и счастья баловень безродный, полудержавный властелин» — любимый петровский «Данилыч», он же Алексашка Меншиков. Эти люди действительно проявили себя не просто грамотными генералами, выдающимися военачальниками. В Полтавской баталии шведов поставили в такие условия, когда они просто не могли победить, им навязали сражение в такой ситуации, когда они были обречены. Здесь стратегия боя просто поражает. Само сражение имело как бы две фазы. Первое столкновение началось ночью, когда шведы пытались проломить русские редуты, чтобы ударить по главным силам русской армии. Частично они проломили эти редуты, но при этом понесли невероятные потери, потеряли ряды и вынуждены были отступить для перестроения. Возникла пауза. И тут началась вторая фаза боя — знаменитая рукопашная битва, и Петр повел батальон в атаку как простой капитан. Тогда-то и была прострелена его шляпа, было прострелено и седло под ним, тогда-то в медный крест на его груди угодила шведская пуля. Петр в этом бою командовал батальоном Нижегородского полка.

Когда шведы были разбиты, а все их генералы попали в плен, Петр учинил тут же, на поле боя, пир, посадил за стол всех пленных шведских генералов и пил за них как за своих учителей.

После заключения Ништадтского мира Сенат (высшее правительственное учреждение России) собрался в полном составе и поднес в торжественной обстановке Петру титулы Императора, Великого и Отца отечества. Петр принял только один титул Императора. Но Великим его стали называть и называют — и это, вероятно, справедливо. А вот что касается Отца отечества, то это, к счастью, не прижилось.

С этого момента Россия становится империей. Международное признание началось довольно быстро, хотя и растянулось во времени. Первой, кто признал новый титул за Петром, была Венеция, тогда самостоятельное государство. Потом это подтвердили и другие государства, и это стало вполне определенным понятием: Россия оставалась империей до 1917 года.

{10}

Лекция 3

_1. — Сословные_реформы_Петра I:_1а. — Дворянство._1б. —
Население_городов._1в. — Крестьянство._2. — Реформы_армии_и_флота._3. —
Административные_преобразования:_3а. — Губернии._3б. — Сенат._4. —
Экономические_реформы._5. — Строительство_Петербурга._

В этой лекции пойдет речь о государственных реформах Петра: реформе общества, или сословий, реформе администрации, армии и флота, реформе, которую можно было бы, вероятно, назвать финансовой или хозяйственной. Итого их четыре. С. Ф. Платонов в своем «Курсе лекций» сгруппировал реформы Петра именно так — на мой взгляд,

чрезвычайно удачно, потому что в такой систематизации эти реформы легче понять и разобрать. У Ключевского замечательные лекции, но там, где речь идет именно о реформах Петра, без специальной подготовки понять что-либо очень сложно. Прекрасно владея материалом, Ключевский построил свои рассуждения приблизительно в том порядке, в каком Петр проводил свои реформы, и постичь их взаимосвязь довольно затруднительно. Если бы мы с вами вздумали хронологически выстроить все действия Петра, которые относятся к процессу реформирования страны, то получился бы невероятный винегрет. Какие-то указы полностью соответствовали российским традициям, а какие-то совсем наоборот. Некоторые документы (скажем, регламенты) фактически заимствовались за границей, но при этом использовался тот опыт административной деятельности, который был накоплен в России. Иногда Петр писал указы спонтанно, без всякого предварительного обдумывания. В некоторых указах очень ярко отразился личный темперамент Петра, а в других он старается его умирить.

Хронологически реформы охватывают практически все 1700-е годы, и Ключевский подсчитал, на какой период приходится какое количество указов, и даже выстроил, так сказать, динамику законодательной деятельности Петра, которая тоже представляет интерес. Сначала она довольно интенсивна, потом имеет место своеобразный пик, то есть указов за короткое время выходит очень много, а потом начинается некоторый спад.

1. Сословные реформы Петра I

Вы знаете, что сословия в допетровской Руси были следующие: боярство, дворянство, духовенство, купечество, городское и посадское население и, наконец, крестьяне. Крестьяне были: монастырские, вотчинные, крестьяне в поместьях, холопы и, наконец, гулящие люди — малопонятная категория. Плюс к этому еще казаки. Картина весьма пестрая и очень непростая. Налоги платили практически все категории населения, за исключением бояр, дворян и духовенства. То есть, государственное тягло раскладывалось на абсолютное большинство населения.

Эту устоявшуюся систему Петр реформировал. С какой стати? Дворянство и так было оплотом государства: дворянское ополчение, дворянская конница. Бояре и так служили царю-батюшке, духовенство занимало вполне определенное положение. Зачем же все это понадобилось реформировать? Возможно, Петр подошел к реформе общества, исходя из того опыта, который был накоплен в XVII веке, а это было время, когда шел процесс слияния боярства и дворянства. Бояр становилось все меньше, а число дворян неуклонно возрастало. Если когда-то, скажем, в государственной службе, в чиновничьей среде места принадлежали в основном выходцам из духовного звания, поповичам, то в XVII веке все постепенно переходит в руки дворянства. С учетом этого факта понятно, что Петр вел свою реформу вполне в соответствии с тем процессом, который уже имел место в XVII веке.

Что подтолкнуло его к реформам? Надо полагать, что подтолкнула его война, а конкретно — поражение под Нарвой. Смешно говорить, но русское войско превосходило численностью шведов, одна дворянская конница могла задавить армию Карла XII, но получилось наоборот: сравнительно небольшая шведская армия разгромила русскую армию, огромная дворянская конница в панике бросилась бежать и потеряла массу людей именно при бегстве, хотя ее никто не преследовал.

Петр понял, что нужно реформировать армию, но для этого оказалось необходимо реформировать сословия, а когда реформировали сословия, надо было создать новую систему управления, а эти процессы надо было финансировать, следовательно, необходимо было пополнять государственную казну, выдумывать новые налоги. В реформах Петра все было жестко связано одно с другим. Другое дело, что иногда указы противоречили друг другу. Тогда Петру время от времени приходилось вносить коррективы в то, что слишком явно не соответствовало конкретным жизненным требованиям.

1А). ДВОРЯНСТВО

По мысли Петра, дворянство становилось основным сословием. Боярство получало фактически те же права, что и дворянство, оно как бы размывалось в дворянской среде и если чем и отличалось, то только обширностью своих поместий и угодий. Вотчина и поместье слились уже в XVII веке, и дворяне получили право передавать свои поместья по наследству, как и бояре — свои вотчины. Следовательно, чисто материальная сторона дела была уже сделана. Все стали дворянами, а раз так, то обязаны были служить на государственной службе, и служить бессрочно. Пропорция устанавливалась очень жесткая: две трети фамилий должны были служить в армии и на флоте, а одна треть имела право занимать места в штатской службе, т. е. идти в бюрократию. При распределении конкретных лиц учитывалось, сколько и где членов данной семьи, данного рода, уже служат.

Духовенство Петр сразу трогать не стал, хотя, коль скоро было сокращено монастырское церковное владение и определенное число крестьян оттуда изъято, то, естественно, материальное положение Церкви стало иным.

{11}

1Б). НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

Дальше следовало городское население, к которому надо отнести и купечество. Побывав за границей, Петр понял, что города — это средоточие торговли, а торговля способствует процветанию государства. Мысль не новая, он этого не мог не знать, потому что на Руси торговые города всегда были более развиты, чем те, которые просто были наполнены обывателями. И вот, создается городской магистрат, который должен управлять жизнью городов. Города делятся на пять классов, а их население — на две категории: регулярные и нерегулярные жители. В свою очередь, регулярные делятся на две гильдии: первая гильдия — народ серьезный, вторая — послабее, аптекари, художники и проч. Что касается нерегулярных, то это в основном «подлый народ», что не было словом ругательным, а скорее указывало на отсутствие определенных социальных возможностей. Хотя современный «подлец» и происходит от этого выражения, но в те времена слово «подлый» указывало на происхождение человека, а отнюдь не на его нравственные качества.

1В). КРЕСТЬЯНСТВО

Петр пытался реформировать и крестьянство. До Петра не было так называемой подушной подати, обкладывали население со двора, с дыма, с сохи — отдельный человек не платил за себя налога. Петру срочно нужны были деньги на ведение войны, на содержание армии в мирное время, и вот, он пришел к нехитрой мысли: переписать население, определить точное количество людей на данной территории и посмотреть, скольких солдат они смогут содержать за свой счет.

Была введена подушная подать, ее должны были платить и крестьяне, и холопы, и гулящие люди, хотя непонятно, как их, в конце концов, хватили за руки и заставляли раскошелиться. Но, тем не менее, получилась следующая картина: Петр хотел, как заметил Платонов, возвысить холопа до уровня крестьянина, а на деле получилось, что в глазах помещика крестьянин опустился до уровня холопа. Петр не собирался усиливать крепостной гнет, система и так была довольно жесткой. Но на деле получилось, что именно при нем крепостное состояние крестьян стало значительно более тяжелым. Именно с Петра начинается практика продажи крестьян как холопов, т. е. они начинают фактически терять те личные права, которые имели. При этом крестьяне остаются неоднородной массой. Помимо чисто крепостных крестьян (владельческих, как их называли, потому что хоть он и крепостной, но у него был свой двор, своя земля и т. д.), были крестьяне черносошные (т. е. государственные — не принадлежавшие помещику), дворцовые, числившиеся за дворцовым ведомством, а также крестьяне-однодворцы (своеобразное переходное состояние от мелкопоместного дворянина к зажиточному крестьянину и наоборот), монастырские крестьяне, заводские (посессионные, как их называли, т. е. те, которых приписали к заводу; пожалуй, из всех видов крепостной зависимости эта была самая чудовищная). Все эти разновидности крестьянского состояния имели место.

2. Реформы армии и флота

Кроме реформы сословий Петр занялся реформированием армии и флота (на самом деле он начал с армии и флота, а это повлекло за собой все остальное).

Армия была очень плохой, и Нарва это показала; флота не было вообще (воронежский флот в счет не идет). Что же сделал Петр? Обязав все наличное дворянство служить, он заставил их служить в армии. При этом каждый дворянин к 15 годам должен был быть подготовлен к военной службе, а именно обучиться грамоте и цифири. Образование это было не ахти какое сложное, но и его дворяне бегали, не желая нести лишние тяготы, и Петр стимулировал развитие русского начального образования радикальными методами: дворянин, который не закончил такого начального курса, не имел права вступать в брак. Просто и хорошо. Причем шутки с Петром были плохи, уж если он издавал указ, то и следил за тем, как он исполняется, и ослушники могли дорого поплатиться. Так что блистательному российскому дворянству пришлось засесть за «аз, буки, веди». Высокообразованными они от этого, может быть, и не стали, но кое-что начали соображать. Так вот, после 15 лет молодой дворянин имел право стать солдатом. Заметьте: не офицером. Потому что Петр жестко следил за тем, чтобы ни один офицер не становился офицером сразу — изволь сначала потянуть солдатскую лямку.

Может быть, из всех реформ Петра эта была самая замечательная. Если бы сейчас каждый офицер побывал годиков пять солдатом, то, вероятно, наша армия очень быстро стала бы

другой. Офицер — обязательно дворянин. Все, кто добрался до офицерства, становились дворянами автоматически. В армию таким образом стал не очень сильно, но ощутимо вливаться поток свежих, энергичных людей, которые всем были обязаны собственным заслугам. Знаменитый указ Петра, сформулированный с присущей царю лаконичностью и военной прямоотой, гласил: «Отныне знатность по годности считать». Он был полностью подтвержден практикой. Офицер должен был служить уже пожизненно. В армии или на флоте — это не имело принципиального значения. Он мог быть уволен только по болезни, ранению или в крайне преклонном возрасте. Служили долго и далеко не всегда возвышались.

Если посмотреть шире, то именно с этого момента начал формироваться российский офицерский корпус, который впоследствии имел столько замечательных традиций. Именно с этого момента начала складываться та российская армия, которая поражала всех своими нравственными устоями и боевыми качествами. Рядовой крестьянин, которому забривали лоб и которого сдавали в рекруты (когда начались рекрутские наборы, то была установлена норма: одна душа с 75 дворов), тоже попадал в армию на всю жизнь. Но он прекрасно понимал, что если он тянет солдатскую ляжку, то тянет ее и его помещик, дворянин. Все они понимали, что повинны службой государю, отечеству, и это их очень крепко объединяло.

Первые советские историки могли недоумевать: как же так — армия составлена из помещиков и крепостных крестьян, а крестьяне не душат офицеров? — не понимая при этом, что все они были товарищами по оружию. А те сравнительно небольшие льготы, в основном по части мирной жизни, которые {12} были у офицеров, во время военных действий превращались в одну замечательную почетную обязанность: во главе солдат непременно шел офицер и первым падал под ударом картечи, штыков, сабель, ятаганов и т. п. Солдаты это прекрасно понимали, офицеры — тоже. Поэтому случаи проявления жестокости по отношению к офицерам были явлением исключительным и имели место скорее только во времена Николая Павловича, и то в основном на флоте, где муштра была поистине безжалостной. Необходимо также отметить, что офицеры, которые люто расправлялись с солдатами за нарушение тех или иных уставных требований, тем не менее, никогда их не обкрадывали. Офицерский дух был заложен, несомненно, Петром, и Петр действительно реформировал армию, потому что в XVII веке ничего подобного не было. При Петре армия стала армией профессионалов. Другое дело, что она создавалась на протяжении многих лет, а традиции ее выковывались в боях. Основные потери наша армия несла не столько от боевых действий, сколько от методов ее формирования: обычной неразберихи, скученности, болезней, эпидемий, безобразной еды на солдатских пересылках и т. д. Плюс чудовищное количество беглых. Бежали не из армии, а с призывных пунктов, как сейчас бы сказали.

Не случайно, поэтому, российское офицерство с благоговением вспоминало Петра: они понимали глубину преобразований, произошедших в армии, не говоря уже о том, что государь сам встал в ряды своей армии простым солдатом и последовательно прошел все ступени службы вплоть до генеральского чина.

Что касается флота, то здесь было сложнее, потому что в отличие от солдат, которые стоят на твердой земле, морякам приходится действовать на качающейся деревянной посудине, которая плывет по воле волн и ветра. А Русь, как вы сами понимаете, была все-таки сухопутной державой. Первый набор русских моряков обучали голландцы, англичане, те, кто имел какой-то опыт (один капитан, по утверждению историков, имел откровенно пиратское прошлое, но как раз этот просоленный морской волк и пользовался большим респектом у Петра, ибо знал свое дело). Тут наш народ, способный ко всему, показал себя

с лучшей стороны, и действительно вскоре в России появился настоящий морской флот, а после первых же морских стычек оказалось, что вчерашние мужики, которые ничего, кроме речушки где-нибудь под Суздалем, не видели, вполне профессионально могут распоряжаться парусами, стоять у пушек, выдерживать натиск стихии и т. д. Не говоря уже о том, что качество кораблей, которые у нас строились, было очень высоким. Петр, сам лучший плотник России, умел заставить своих подданных качественно строить огромные корабли.

3. Административные преобразования

Теперь — об управлении. Петр, не отменяя боярскую думу никакими указами, тем не менее, постепенно свел ее на нет. И коль скоро она перестала работать, то работали какие-то отдельные приказы, управляя по-старому, исходя из накопленного опыта. А вы знаете, что в XVII веке приказная система носила отчетливо выраженный территориально-отраслевой характер, т. е. наряду с отраслевым учреждением — таким, скажем, как приказ тайных дел, — существовал и Сибирский приказ с явно выраженным территориальным подходом к решению проблем, или приказ Казанского дворца, который ведал Поволжьем.

Петр хотел ввести не единоличное, а коллективное управление приказами. Однако коллегиальная система заработала не сразу, а приказная не сразу умерла. Тем не менее, мысль о преобразовании системы управления засела у Петра в голове, и он начал ее проводить в жизнь опять-таки под влиянием своих военных начинаний. Как распределить полки в мирное время? Кто будет заведовать ими?

3А. ГУБЕРНИИ

Петр ввел губернское деление. Сначала Русь была распределена на 8 губерний, потом добавилась девятая. Во главе губернии стоял губернатор, который обладал колоссальными правами: фактически он правил единовластно, ему подчинялось все и вся в губернии. А если посмотреть на карту, то можно увидеть, что территория петровской губернии — это хорошее европейское государство. В дальнейшем эта система развивалась, и уже при Екатерине счет губерний шел на десятки, и управляться они стали лучше. Так что система эта, заложенная Петром, оказалась жизнеспособной. Петр думал о том, как прокормить своего солдата. Поэтому он рассчитывал губернии чисто практически: сколько можно разместить полков на данной территории, чтобы их как-то прокормили? Кормить их лучше не стали, но начало было положено.

Затем Петр пытался преобразовать управление городов и самих губерний. В городах были введены магистраты, выборные органы, старосты и т. д. В губерниях Петр решил добавить к губернаторам выборный представительный орган — так называемые ландраты. Дворянство должно было выбирать туда своих представителей, а те должны были давать губернатору советы. Ничего путного из этого не получилось, и Петр вскоре ландраты отменил за полной их недееспособностью.

Горожанам Петр давал большие послабления, и в налоговом отношении они жили лучше, чем крестьяне, а если иметь в виду привилегии, то городских жителей в армию старались

не брать. Таким образом создавались предпосылки для развития городов, а если добавить, что горожанин имел право владеть землей и крепостными, то картина получалась любопытная: стимулировался рост городского населения. Получается, что Петр начал преобразование управления с провинции, а не с центра. К центру он перешел позже, и первое преобразование здесь было осуществлено в 1711 году, когда Петр отправился в прутский поход (как известно, неудачный).

3Б). СЕНАТ

Для частых своих отлучек государь повелел быть Сенату, который потом стали называть Правительствующим Сенатом. Он должен был управлять страной, пока государь находился в походе. Сенат состоял из сенаторов, а те назначались Петром. Когда появились коллегии, тогда стали вводить президентов коллегий, а потом Петр стал перемешивать состав: были люди, которые туда назначались, а были {13} и те, кто шел автоматически от коллегий. Количество сенаторов было непостоянным. Ближе к концу царствования во главе Сената был поставлен генерал-прокурор, которого Петр совершенно официально назвал «оком государевым». Это око должно было присматривать за тем, что творится в Сенате.

Петр, перестраивая систему управления, вводя губернии, губернаторов, коллегии и т. п., совершил коренную ошибку: он слишком сильно централизовал управление. Понять его можно. Была война, нужно было как можно больше денег, нужно было многое брать в государственную монополию, более централизованно управлять ресурсами. Но именно такая жесткая централизация влечет за собой разрастание чиновничьего аппарата, что приводит к резкому увеличению злоупотреблений. Хотите, чтобы воровали меньше — надо сокращать централизацию, должно быть меньше чиновников.

Коллегии, которые Петр завел (сначала 12, потом их бывало то меньше, то больше), возглавлялись президентом. У президента был вице-президент, ассессоры, советники. Человек пять-шесть должны были советоваться и принимать решения. Президент вел текущие дела, а управлялась коллегия на основании регламента, который списывали с соответствующих уставов госучреждений Швеции. Почему-то Петр решил позаимствовать опыт у своего заклятого врага. Судить не берусь, насколько удачно было заимствование в части именно регламента, но эта реформа в конечном итоге прижилась в России. И хотя со временем вместо коллегий в России ввели министерства, тем не менее, именно такая система управления (в основном отраслевая, а не территориальная) постепенно стала приживаться в стране. Взамен некоторых приказов сохранились канцелярии — например, аптекарские, медицинские, артиллерийские и прочие.

4. Экономические реформы.

Петру были нужны деньги. Государственный бюджет в то время, когда он начал преобразования и повел войну, составлял чуть меньше двух миллионов рублей в год. Надо, правда, помнить, что еще Ломоносов в середине XVII века мог существовать на три денежки в день, а денежка — это меньше копейки. Поэтому два миллиона — это очень большая сумма. Но начались реформы, шла война, нужно было строить флот, заводить

армию, которую надо было кормить и одевать. Словом, нужны были колоссальные деньги.

Тогда и была введена подушная подать, которая давала в казну приблизительно половину всех наличных средств. Вторую половину давали в основном косвенные налоги. Можно каждого гражданина России заставить отчислять в казну часть своей заработной платы — 12 процентов, допустим. Это будет прямой налог. А можно дать наценку на каждый батон хлеба в пользу государства. Это и будет косвенный налог, который раскладывается на всех. Так вот, вторую половину бюджета при Петре составляли косвенные налоги. Что касается фантастических налогов, которые придумали так называемые прибыльщики во главе со знаменитым Курбатовым, то это тема для анекдотов, потому что все эти бесконечные канцелярии, которые собирали налоги (с бань, с бород, с пчельников, с лодочных пристаней, с кафтанов, с мостов, по два оклада с каждого старообрядца), то все они имели свой штат чиновников, которых тоже надо было кормить, так что все эти деньги уходили как вода в песок, да и много ли их было? Рыбная канцелярия, какой-то стол, который собирал налог с каких-то пудов рыбного клея, собирал всего 700 рублей в год, и денег этих, конечно, никто не видел.

Наиболее, пожалуй, толковым был только один гербовый сбор, который придумал сам Курбатов. Смысл его очень прост, и сбор этот сохранился у нас навсегда: хотите подать или получить официальную бумагу, запрос, прошение — за отсутствием простой бумаги пишете на гербовой. За орленую бумагу, попросту говоря, за официальный бланк — плати. Резко сократилось количество бессмысленных прошений, которых Петр очень не любил, и кончились бесконечные челобитные, в которых бояре жаловались, что кто-то кого-то оскорбил, заняв место выше или оскорбив предков (Петр запретил принимать подобные челобитные). Гербовый сбор что-то давал, хотя и не очень много. Он остался навсегда, тогда как экзотические налоги на баню, на мытье, на вход в город, на бороду (мужики не платили налог на бороду, если пребывали у себя в деревне, а вот если они входили в город, то надо было платить) — все это, конечно, не прижилось

Кроме того, Петр стал практиковать систему винных откупов, а это — особая статья дохода российской казны. Когда-то было так, что варил вино, курил зелье и торговал им — кто хотел. Петр понял, что это неплохой источник пополнения государственной казны. Но монополию на алкоголь он не ввел, потому что дело это было хлопотное и грозило, надо понимать, чудовищными злоупотреблениями. Петр стал практиковать систему винных откупов — сначала осторожно, а потом все тверже, и впоследствии эта система то отменялась, то вновь вводилась в течение XVIII-XIX веков. Какой-то предприимчивый купчина, к примеру, купил у казны право на продажу водки в данной губернии на столько-то лет вперед. Приблизительная средняя цена ее известна, и купец сразу выплачивал в казну всю ее (максимум — в два-три приема). Таким образом казна сразу получала деньги, которых у нее не было. А дальше купец должен был вернуть эти деньги себе. Ясно, что он продавал некачественный алкоголь в гораздо большем количестве и дешевле. Ясно, что он набивал карман в два раза больше уплаченного, подкупив чиновников и спойив колоссальное количество народа. Но дело было сделано.

Подобные откупа — это было «пожарное» средство пополнить казну. При том, что все знали, что это страшное зло и в моральном, и в экономическом плане, потому что там, где практиковались откупа, чиновники были абсолютно все коррумпированы.

Но это было еще не все. Петр понимал, что можно много получить от торговли. В те времена наше сырье было следующее: лес, смола, пенька, кожа, сало, мед, меха. Петр пытался завести собственную {14} морскую торговлю. Выход к морю был обеспечен, и

кто, казалось бы, мешал русским купцам завозить товары? Но дело это не пошло. Вся торговля была очень прочно в английских и голландских руках, и хотя Петр строил корабли и пытался учредить компании для сбыта товаров, всячески стимулируя своих купцов, но торгового флота не получилось. Дело оставалось в руках иностранцев, и это приносило определенные убытки. Однако вывоз при Петре стал давать очень большие деньги в сравнении с прежними годами, и он стал значительно превышать ввоз, на чем казна уже стала держаться — разница была во многие сотни тысяч рублей.

Наконец, Петр решил обеспечивать страну самым необходимым без ввоза. В XVII веке покупали оружие — при Петре оружие стали делать сами. При нем родилась, собственно говоря, наша тяжелая индустрия. Начало было очень простое: нужно было отливать пушки для кораблей и армии, следовательно, нужно было найти места, богатые железной рудой, и строить горнодобывающие и обрабатывающие предприятия. При Петре возникает Екатеринбург, названный в честь императрицы Екатерины Алексеевны, жены Петра, разворачивается деятельность Тульского завода, а потом возникают Олонецкие, Петрозаводские заводы. И действительно Петр производил невероятное количество очень неплохих пушек, вооружил армию русскими ружьями, штыками и палашами. С этой поры в России стала довольно прочно на ноги горнодобывающая, железоделательная, чугунная, литейная промышленность.

Петр хотел еще одеть армию в русское сукно, но с этим было сложнее: к суконной промышленности со всех сторон примеривался Меншиков, и кроме убытков это ничего не приносило. Что-то получалось, но по-настоящему поставить дело так и не удалось. Светлейший князь был беспощаден к финансам, которые отпускались на это дело, и качество сукна было из рук вон плохим. Приходилось сукно закупать. Меншиков отделывался синяками на физиономии — Петр бил его, ломал об него дубинки, обещал повесить, но положение не менялось.

5. Строительство Петербурга

Остается добавить, что была еще одна реформа — устройство новой столицы. Петр стал называть Санкт-Петербург столицей еще в 1703 году, когда города и в помине не было. Был заложен деревянный храм в честь свв. апп. Петра и Павла, и стали строить крепость, которая контролировала бы проход шведских кораблей в устье Невы. Быстро строили насыпи, бастионы. Потом архитектор Доменико Трезини стал одевать эту крепость в камень, работы затянулись. Только к концу XVIII столетия Петропавловская крепость приобрела тот вид, который имеет сейчас. Ее-то и называли по-голландски «Санхт-Питерсбурх» (по-немецки сказали бы «Петер»), и впоследствии именно так и стали называть город — Санкт-Петербург (город Святого Петра).

Сначала город застраивался хаотически, но потом Петр пригласил из Франции знаменитого Леблона («истую диковину», как он называл этого архитектора и садовода), и вместе с Петром они создали план регулярной застройки Петербурга. Полностью он не был реализован, но в целом идеи этого плана сохранились: роскошная застройка дворцами вдоль Невы, Невская перспектива, связывающая Адмиралтейство и Александрово-Невскую Лавру, соответствующая застройка Васильевского острова (назван по имени капитана Васильева, командовавшего батареей, которая там стояла). Все это стало системой постепенно. Но уже к началу 20-х годов город приобрел регулярный вид. Дома строились

по красной линии, было много каменного строительства, построены набережные, прорыты каналы, чтобы дренировать болота, кое-где поставлены деревянные подъемные мосты, чтобы могли проходить по каналам парусные корабли. Но Нева получила мосты очень поздно — в самом конце XIX века. Летом по Неве плавали, а зимой ходили по льду, а когда начинался ледоход или ледостав, то сообщение через реку затруднялось. Короче говоря, все шло так, как сказал А. С. Пушкин: «Мосты повиснут над водами, и заведет крещеный мир на каждой станции трактир». Трактиры тоже заводили.

Первым губернатором Петербурга был, конечно, верный Данилыч, и надо сказать, что он проявил себя очень толковым распорядителем. Крал он, вероятно, не меньше обычного, но, тем не менее, строил быстро, энергично, всеми правдами и неправдами заманивал купцов, без конца появлялся то тут, то там, смотрел за тем, что делается. В глазах Петра это значило немало. Петр выстроил для себя два дворца — летний и зимний. Зимний не сохранился, а летний существует — Летний дворец в Летнем саду. Сад заложил Петр и не щадил средств для его украшения. Его переписка по этому вопросу говорит о том, что он заказывал особые сорта деревьев и цветов из Измайлова, лилии, которые особенно сильно пахнут. Покупал статуи, причем требовал от своих агентов купить в Италии хороших, добрых статуй. Называл он свой Летний сад по-московски огородом, очень о нем заботился и действительно любил там гулять.

Летний дворец очень скромный, очень прост. Да это, собственно, и не дворец, а просто большой и удобный дом. Петр хвастался, что из всех европейских государей он и прусский король — самые скромные, потому что они меньше всего тратят на содержание своего двора. И действительно он в этих вопросах доходил до скупости, хотя для того, чтобы скрыть происхождение своей супруги, он не жалел средств на ее туалеты, и это, вероятно, делает ему честь. Сам же он ходил в сапогах, а чулки ему штопала супруга. Он не любил новую одежду и чаще всего ходил без шляпы, а когда ему был нужен парик для официальной церемонии, он просто снимал его с головы какого-нибудь придворного, стоящего поблизости. Как только надобность в парике отпадала, он водружал его обратно.

Зимний дворец петровских времен не дошел до нашего времени, и то, что мы видим сейчас — это перестройки того, что создал Растрелли. План Петербурга сохранился. Теперь у нас очень любят говорить, что Петербург построен на костях, что Петр устроил сущий концлагерь, был страшный мор, погибли сотни тысяч людей и т. д. Будем смотреть на вещи реально. Население России при Петре не выросло. {15} Страшные потери во время войны были не от пуль и ядер, а от того, как шел набор. Мужики, оторванные от привычной среды, скученные в избах, болели, не имея никакой серьезной медицинской помощи (да ее и не было в то время). Эпидемии уносили очень много людей. В Европе было то же самое, если не хуже, потому что у нас все-таки были бани, чего там не было. Кроме того, у нас зимой почти все инфекции восточного происхождения просто не распространяются: перенести русскую зиму холера не в состоянии. Каждый год дезинфекция всех водоемов происходила автоматически, не требуя казенных затрат.

Сколько погибло людей на строительстве Петербурга, в точности не известно. Есть сведения иностранцев, которые говорят «По слухам...» — и приводят жуткие цифры. Но на то они и слухи, чтобы все преувеличивать. В одном случае действительно оговаривается, что где-то погибло от болезни тысяча с лишним человек (это данные из переписки Меншикова). Поскольку это была, видимо, не единственная болезнь, надо полагать, что смертность была довольно значительная.

Работали только шесть месяцев в году. Сначала сменами по два месяца, потом по три. Это говорит о том, что все было не совсем так, как у нас принято думать, и существовала

какая-то организованность. Кроме того, Петр примерно в 1718–1720 годах прекратил присылать крестьян на оброчные работы в Питер, а перевел всех на найм, что было бы невозможно, если бы высокая смертность действительно имела место.

Петр построил европейскую столицу. Она была совершенно не похожа на Москву. «И перед новою столицей померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиноносная вдова». При этом не нужно думать, что Москва перестала быть столицей, просто Россия стала иметь две столицы. Петербуржцы со временем стали своеобразным слоем нашего населения — петербургский характер, петербургские традиции. Москвичи всегда говорили, что это полицейский город, немецкий город, а петербуржцы говорили про Москву, что это огромная деревня. При этом москвичи обожают ездить в Питер, а те не прочь приехать в Москву. И очень хорошо. Может быть, в наше время, наконец, построят настоящий скоростной путь, и тогда можно будет часа за три-четыре съездить в город на Неве.

Итак, Петербург, война, новые налоги, которые сильно увеличивали бремя, давившее на людей, — все это, с одной стороны, способствовало замедлению естественного прироста (резко упала рождаемость и возросла смертность; когда говорят, что погибло столько-то населения, то имеются в виду не только те, кто умер от болезней или в бою, но еще и те, кто не родился, т. к. приблизительный процент рождаемости известен). С другой стороны, за время царствования Петра государственный бюджет вырос с двух миллионов до десяти, налицо была новая столица, армия, флот, система управления. Таковы итоги его царствования.

Лекция 4

_1. — Канонический_аспект_церковной_реформы_Петра I._2. —
Богословское_образование_на_Руси_до_Петра._3. — Славяно-Греко-
Латинская_Академия._4. — Отмена_патриаршества._5. —
Оценка_Синодального_периода._6. — «Духовный_регламент»_об_образовании._

Сегодня речь пойдет о церковной реформе Петра Великого, о Духовном регламенте, а также об оценках этой реформы и о ее последствиях.

1. Канонический аспект церковной реформы Петра I

Эту реформу можно оценивать в нескольких аспектах. Оценка реформы с чисто канонической стороны — не Моя задача. О каноничности этой реформы всерьез начали писать только в конце XIX века, и те, кто оценивал реформу, считали ее антиканонической. Но для историка сама констатация этой реформы как канонической или антиканонической, в общем-то, не имеет значения. Нам надо посмотреть, имела ли эта

реформа взаимосвязь с предшествующим периодом русской истории и каковы ее последствия.

Итак, что собой представляла церковная реформа Петра с точки зрения вообще русской жизни? Молитвенное общение, церковная практика, пастырское руководство и т. д. — в этой плоскости мало что изменилось. Русский народ ходил в церковь, причащался, исповедовался, совершал те или иные требы. Изменилось положение епископата, изменилось материальное положение Церкви, но это не затронуло сути церковной деятельности.

2. Богословское образование на Руси до Петра

Второе направление — духовное образование, которое всегда было прерогативой Церкви. Если попытаться дать краткий обзор истории развития образования в России с X по XVII век, то картина получится очень своеобразная.

В домонгольской Руси образование развивалось очень быстро, и надо полагать, что оно во многом было на уровне европейских стран (или приближалось к этому уровню). Грамотность городского населения была очень высокой, основания для такого вывода дают берестяные грамоты. Количество переводных книг, как исторических, так и богословских, светской литературы было очень велико. Складывалась солидная собственная литература, и если внимательно анализировать летописи, то можно увидеть, что в крупных городах были училища, где учили не только грамоте, но и более серьезным вещам (то есть вполне на уровне западных образовательных учреждений).

Дальше, как вы знаете, пришли татары, и все эти процессы прекратились, а если не прекратились, то шли столь медленно, подспудно, приватно, что говорить о каких-то серьезных масштабах развития духовного образования не приходится. Монастыри стали источниками просвещения, но там образованность была очень простая: те, кто был учен грамоте, читали книги, иногда кого-то учили грамоте. Хранили {16} благочестие и считали, что этого вполне достаточно. Вот что пишет по этому поводу Карташев (я думаю, авторитет этого церковного историка для нас очевиден):

«Богословская школа и новая православная литература на всем Востоке, но особенно характерно в России, не считались бесспорной церковной ценностью и не входили в сознание архиерейского и монашеского призвания и долга, далее в смысле простого честолюбия и показных заслуг в общественном мнении. Знамя новорожденного старообрядчества окружало всеобщую церковную бесшкольность ореолом какой-то традиционной добродетели и не облегчало возможным ревнителям школьности мужества пойти против этой исконной черты русского благочестия. Словом, пробудить русскую иерархию и русские монастыри к пафосу школьной активности было делом трудным, даже противоестественным. Ни уму, ни сердцу русского монаха и епископа ничего не говорил призыв к науке и школе. Не материализм, не корыстное скопидомство и эгоизм чревоугодия делали русскую иерархию глухой и не способной двинуть дело школьного богословского просвещения, но честный консерватизм и почти фанатизм бесшкольности. Последний, типично традиционный, бесшкольный и антишкольный патриарх Адриан равнодушно наблюдал, как на его глазах разрушалась во всех смыслах и сходила на нет Славяно-Греко-Латинская Академия в Москве. Чтобы создать богословскую школу в

такой до мистицизма враждебной атмосфере, неизбежна оказалась «дубинка» Петра. Но дубинка сила не творческая. Раз творческой силы не было в Москве, нужно было брать ее на стороне. Вот откуда явилось почти неизбежным то призвание извне, из Киевщины, в Великороссию школьных варягов, которые по-своему добродетельно исполнили свой исторический долг» [[9. _Карташев_А._В._Очерки по истории Русской церкви М., 1992. Т 2. С. 543–544.]].

Если внимательно прочесть книгу Флоровского «Пути русского богословия», то можно увидеть, что богословия как системы научных знаний у нас действительно не было. Было начетничество, благочестие, были какие-то отдельные послания, выступления по отдельным вопросам — и все. А народ российский пребывал в определенном смысле в невежестве. Благочестие ценилось, но знаний не было — они были не нужны. Неграмотный мужик неплохо ориентировался в утренних и вечерних молитвах, мог определить, какая икона где висит, и более или менее толково объяснить ее содержание. На этом все кончалось.

3. Славяно-Греко-Латинская Академия

Петр с его практическим умом считал, что дело надо изменять, и изменять кардинально. К началу его реформ у нас было только одно учебное заведение: Славяно-Греко-Латинская Академия. Если вспомнить о привилегии, данной царем духовной академии, то станет ясно, что это было учреждение чисто светское, а назначение его было — готовить кадры чиновников для государственной службы, т. е. людей абсолютно светских. Если посмотреть на то, как был выстроен курс Славяно-Греко-Латинской Академии, то это была типично иезуитская школа, которая к нам пришла через Киев. Программа была абсолютно точно списана с программы Киево-Могилянской Академии, а та, в свою очередь, повторяла иезуитскую коллегия, где богословие изучалось только в самых старших классах, причем невероятно формально, со всеми схоластическими вывертами, свойственными латинской традиции, и, как показала практика, это богословие изучали единицы. До старших классов доходили немногие, большинство училось год, два, четыре, шесть — и хватит. Дальше их приглашали на службу, и они с удовольствием туда шли. Шли в экспедиции, на Камчатку, в Оренбургские степи изучать восточные языки, поступали на государственную службу, продолжали образование в гимназии при учреждаемой Академии наук (вспомните Ломоносова). Десятками уходили в хирургическую академию.

И получалось, что образованного духовенства оттуда выходило очень мало. Системы подготовки духовенства так и не было, она оставалась в прежнем своем состоянии, а времена менялись. Тогда и возникла в голове у Петра (а он был равнодушен к проблеме образования) идея об изменении сложившейся ситуации. Первые попытки Петра выбрать человека, который мог бы стать на уровень запросов времени, были неудачными. Стефан Яворский не стал делать то, чего хотел Петр. Он остался консерватором, хотя и был человеком образованным.

Тогда-то и появился Феофан Прокопович, который в вопросе образования был человеком невероятно эрудированным. О Феофане говорят очень много, сейчас вышла популярная книжка о нем, полная неточностей, но лучше всего прочитать книгу Морозова. Она наиболее исчерпывающа с точки зрения подбора материала и наиболее солидна.

4. Отмена патриаршества

Дальше — вопрос об отмене патриаршества. Умирает патриарх Адриан. Это было самое первое время Северной войны, и Петр переписывался по вопросам управления Церковью из лагеря под Нарвой с теми, кто остался в Москве. Не впервые Церковь оставалась без руководителя, надо было подумать, кто станет следующим. Но Петр не видел людей, которые могли бы занять это место. Не то чтобы их не было — ряд архиереев пользовались большим расположением Петра, он чтит их как людей и честных, и достойных. Тех, кто был бы не прочь возглавить Церковь, Петр неплохо знал и понимал, что еще одного Адриана видеть на этом посту он не хочет.

Время шло. И вот, уже после Полтавы, у Петра рождается мысль о том, что надо изменить принцип управления Церковью. Замысел об этой реформе выразился в его работе, совместной с Феофаном, который написал Духовный регламент — документ, положенный в основание реформы. Реформа была проведена в 1721 году — был издан манифест о Духовной Коллегии, которая просуществовала недолго и почти сразу же была заменена Святейшим Синодом с его президентами, вице-президентами и т. д. Наступил период, который мы называем синодальным. Синод — слово чисто латинское, и пустил его в обиход тот же Феофан Прокопович — при том, что он ненавидел католицизм всеми силами своей весьма темпераментной души.

{17}

5. Оценка Синодального периода

Мысль о том, что нарушение канонов — значит, плохо, а если плохо, то и весь период никуда не годится, лежит на поверхности. Но обратимся к Карташеву:

«У читателя этих обширных и серьезных критических материалов может слагаться впечатление о периоде синодальном, как о периоде генерально дефективном, стоящем ниже уровня пережитых более благочестивых периодов в истории русской церкви. С этой абберрацией пора покончить. Вне всяких пристрастий, мы поставлены в положение уже историков действительно минувшего неповторимого прошлого. И тогда, опять-таки помимо всяких пристрастий, мы вынуждаемся видеть в пережитом периоде действительно такое количество черт положительного характера, что именно, в сравнительном сопоставлении их с прежними периодами русской церкви, мы обязуемся признавать объективно синодальный период русской церкви — периодом ее восхождения на значительно большую высоту почти по всем сторонам ее жизни в сравнении с ее древним теократическим периодом» [[10. _Карташев_А._В_. Очерки по истории Русской церкви М., 1992. Т. 2. С. 315–316.]].

«...По сравнению с предыдущим патриаршим периодом, Русская Церковь почти десятикратно возросла количественно за время синодального периода. На 21 миллион

всего населения России при Петре Великом, с приблизительно 15-ю миллионами православных, Россия времени Николая II, по последней переписи 1915 г., числила в себе 182 миллиона, из них 115 миллионов православных. В патриаршем периоде Россия имела 20 епархий с двадцатью епископами. Кончила свой императорский период Русская Церковь при 64 епархиях и приблизительно 40 викариатствах, возглавляемая более чем 100 епископами. Числилось в ней: свыше 50 тысяч церквей — 100 000 духовенства, до 1 000 монастырей с 50 000 монашествующих. Она обладала 4-мя Духовными Академиями, 55 Семинариями, со 100 Духовными Училищами, 100 Епархиальными Училищами, с 75 000 ежегодно учащихся [[11. _Карташев_А._В._Указ. соч. С 317.]]».

Вот что дал синодальный период. От себя добавлю, что наши епископы-мученики XX века, наши пастыри-мученики — все они вышли из синодального периода. Я не говорю уже о святых, которых нам дал синодальный период. Поэтому существует дилемма: или мы рассматриваем абстрактный вопрос о каноничности или неканоничности, или по плодам пытаемся определить достоинства всего дерева.

6. «Духовный регламент» об образовании

Разберем вопрос о том, что в Духовном регламенте говорится об образовании — именно о духовном образовании. Славяно-Греко-Латинская академия выпускала хоть как-то образованных людей на протяжении всего XVII века. Они были и учителями, и переводчиками, и врачами, и канцеляристами. Академия не выпускала систематически разве что кадры духовенства, и Петр не мог считать подобное положение нормальным. Не случайно в Духовном регламенте чрезвычайно тщательно был разработан вопрос именно о постановке дела духовного образования.

Самое лучшее исследование истории Духовного регламента и Духовной коллегии было напечатано в 1916 году. Автор — профессор Императорского Варшавского университета Верховской [[12. _Верховской_П._В._Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916.]]. Это чрезвычайно тщательное исследование истории создания Духовного регламента и Духовной коллегии плюс публикация документов. Духовному образованию в России посвящен ряд параграфов во второй части Духовного регламента; озаглавлен этот раздел следующим образом: «Домы училищные, в ннхже учителя, ученики, также и церковные проповедники». Преамбула:

«Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была у воинства российского, когда оное не имело праведного себе учения. И как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда державнейший наш Монарх, Его Царское Величество Петр I, обучил оное изрядными регулами. Тож разуметь и об архитектуре, и о врачевстве, и о политическом правительстве, и о всех прочих делах. И наипаче тое ж разуметь о управлении Церковью. Когда нет света учения, нельзя быть доброму в Церкви поведению и нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересям. Дурно многие говорят, что учение виновно есть в ереси. Ибо кроме древних, от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков Валентинов, Манихеев, Кафаров, Евтихов, Донатистов и прочих, которых дурости описуют Ириней, Епифаний, Августин, Феодорит и иныя; наши же русские раскольщики

не от грубости ли и невежества столь жестоко возбесновались? А хотя и от ученых человек бывают ересиархи, каков был Арий, Несторий и нецыи иные. Но ересь в оных родилась не от учения, но от скудного Священных Писаний разумения, а возросла и укрепилась от злобы и гордости, которая не допустила им переменить дурное их мнение». Так начинается вступление этого раздела, где речь идет о задачах образования.

Феофан был очень образованный человек, и по части ссылок и цитат можно только удивляться его познаниям. «И аще бо учение Церкви для государства было вредное, то не учились бы сами лучшие христианские особы и запрещали бы иным учиться. А то видим, что учились и все древние наши учителя, не токмо Священному Писанию, но и внешней философии. И кроме многих и иных славнейше столпы церковные поборствуют и о внешнем учении, а именно: Василий Великий в слове своем к учащимся младенцам, Златоустый в книгах о монашестве, Григорий Богослов в Словах своих на Юлиана Апостита. Но много бы говорить, аще бы о едином сем нарочное слово было. Ибо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и Церкви, аки корень, и семя, и основание».

Дальше он предлагает создать Духовную Академию. «...Судилось за благо, что если Царское Величество похощет основать Академию, рассуждало бы Духовное Коллегиум, — каковых сперва учителей {18} определить и каковый учения образ указать оным, дабы не вотще пошло Государское иждивение и вместо чаянной пользы не была бы тщета, смеха достойная. Не надо бе сперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили грамматику, се есть язык, правильно знать латинский, или греческий, или оба языка. На другой год и третий и проч.: поступая к большому учением, да и первого не отлагая для новых учеников большее число и учителей предастся».

Дальше речь идет о том, что надо изучать. В параграфе 7 этого раздела фактически раскрывается программа богословского образования.

«В богословии собственно приказать, чтоб учено главные догматы веры нашей и Закон Божий. Чел бы учитель богословский Священное Писание и учился бы правильно, как прямую истую знать силу и толк в Писании. И все бы догматы укреплять свидетельством Писания, а в помощь того дела чел бы святых отец книги, да таковых отец, которые прилежно писали о догматах, за нужду, распрь, в Церкви случившиеся, с подвигом на противные ереси. Ибо суть древние учителя, собственно о догматах — тот о сем, а другой о ином — писавшие. Например, о Троицкой тайне — Григорий Назианзин в Трех словах своих богословских, и Августин в книгах о Троице, о Божестве Сына Божия. Кроме оных, Афанасий Великий в пяти книгах на ариан, о Божестве Святаго Духа Василий Великий в пяти книгах на Евномия. О ипостаси Христовой — Кирилл Александрийский на Нестория, о двоице естеств в Христе довольно одно послание Леона, папы римского, да Флавиана, Цареградского патриарха. О грехе первородном, о благодати Божией — Августин во многих книгах на пелагианы и проч. К тому ж зело полезно деяния и разговоры вселенских и поместных Синодов. От таких учителей в Священном Писании не тщетно будет учение богословское. А хотя и может богословский учитель от новейших иноверных учителей помощи искать, то должен не учиться и них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от писаний и от древних учителей доводов употребляют. Наипаче в догматах, в которых с нами иноверцы согласны суть. Однако доводам их не легко верить, а посмотреть, есть ли таковое в Писании или в книгах отечественного слова и тую ли имеют силу, якую они приемлют. Многожды бо лгут господа оные, и чего не бывало в природе».

Дальше — пассаж о католиках, которых Феофан не любил. Отчасти это было вызвано его протестантскими симпатиями, отчасти тем, что он хорошо знал, что такое католическое образование, потому что подвизался в Киево-Могилянской Академии много лет. Католическую схоластику он знал, что называется, из первых рук и понимал, что это тупик.

«По случаю зде с причины мимошедшего совета вспоминается, что при школах надлежит быть библиотеке довольной, ибо без библиотеки как без души Академия, а довольную библиотеку молено купить за 2 тысячи рублей».

Он сам обладал великолепной библиотекой в несколько тысяч томов на разных языках и, конечно, толк в этом знал. «Библиотека учителям во все дни и часы к употреблению невозбранна, только бы книг по келиям не разбирали, но чли бы оные в самой библиотечной конторе, а ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в нареченные дни и часы».

Дальше — перечень дисциплин для изучения в Академии. Перечень этот очень похож на тот, что изучали в Славяно-Греко-Латинской Академии. По мнению Феофана, священник должен быть образован универсально.

«Чин учения таковый добрый кажется: 1) грамматика купно с географией и историей, 2) арифметика и геометрия, 3) логика или диалектика и едино то двоименное учение, 4) риторика купно или раздельно с стихотворным учением, 5) физика, присовокупя краткую метафизику, 6) политика краткая Пуффендорфова: аще она потребно судится, быть и может она присовокупится к диалектике (т. е. на нее упора не делается), 7) богословие. Первые шесть по году возьмут, а богословие два года, ибо хотя и всякое учение диалектического, грамматического пространна есть, обаче в школах сокращено трактовать надобно и главнейшие только части. После сам долгим чтением и практикою ем совершится, кто так доброе руководство получит. Язык — греческий и еврейский, если будут учителя, между иными учении урочное себе время примут».

Программа, прямо скажем, весьма солидная. В XIX веке в духовных академиях и семинариях все это полностью было реализовано.

Феофан думал не только о том, что надо учить, но и о том, как это организовать. Он был очень практичный человек. Дело не в том, какова система управления духовными учебными заведениями (ректоры, преподаватели, профессора и т. д. — все это подразумевается), но в том, кого брать, где учить, где заводить Академию. Некоторые пассажи вызывают, естественно, улыбку, но их тоже интересно прочитать.

«Новопришедшего ученика отвеждать память и остроумие и если покажется весьма туп, не принимать в Академию. Ибо лета потеряет, а ничему не научится, а обаче возьмет о себе мнение, что он мудрый, и от таковых несть горших бездельников. А чтоб который не притворял себе тупости, желая себе отпуску к дому, как то другие притворяют телесную немощь от солдатства, искушению ума его целый год положить, и может умный учитель примыслить способы искушения таковые, яковых он познать и ухитрить не дознается. Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив и буде через годовое время ни увещаниями, ни жестокими наказаниями одолеть его невозможно, хотя б и остроумен был, выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать».

Место Академии не в городе, но в стране, на веселом месте удобное, где несть народного шума, ниже частой оказии, которая обычно мешает учению и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать к учению не попускает».

{19}

Все осуществилось по букве этой программы. Феофан озаботился даже о том, как устраивать спальни для студентов, какой должен быть порядок в кельях, каким должен быть сад, где они будут гулять и как часто у них могут быть свидания с родственниками.

Он планировал духовные школы как закрытые учебные заведения, с тем чтобы они действительно воспитывали человека. И мы знаем, что хотя и не сразу, но программа эта была реализована: в 1814 году Духовная Академия была переведена из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру.

Не нужно думать, что как только в 1721 году регламент был опубликован, так сразу же все изменилось к лучшему. Должно было смениться несколько поколений и иерархов, и пастырей, прежде чем желание народа учиться стало более или менее нормой.

Изучая историю духовного образования XIX века, мы увидим, что это был поразительный период в истории России. Конечно, не стоит думать, что все было идеально. Если четыре академии действительно были учебными заведениями высочайшего уровня и в них работали великие русские ученые — филологи, историки и богословы, чьи труды не потеряли своего значения и по сей день, то в семинариях бывало разное. В некоторые семинариях был низкий уровень преподавания, там процветало и начетничество, и схоластика. Недаром Достоевский однажды пророчески сказал, что он знает, кто главный враг России: семинарист. Сталин, как известно — недоучившийся семинарист; Микоян тоже пытался там учиться. Чернышевский и Добролюбов прямо вышли с семинарской скамьи.

С другой стороны, семинаристом был Ключевский. Отец Соловьева был законоучителем в Коммерческом училище на Остоженке. Таким образом, духовная среда после того, как она прошла обработку в академиях и семинариях, стала давать совершенно иной тип людей. Вся русская медицина и светская наука была сделана в основном детьми священников. Поэтому, оценивая Духовный регламент, духовную реформу в этом смысле, вряд ли можно найти здесь что-либо плохое. Наоборот: мы видим удивительные последствия этой реформы. Поэтому реформу Петра надо попытаться понять во всей ее противоречивости.

Совершенно очевидно, что присяга, которую должны были давать члены Духовной коллегии, а потом Синода, — это нечто совершенно неприемлемое. С другой стороны, Петр совершенно откровенно говорил о том, что Коллегия и Сенат — это хоть какая-то соборность. Соборы на Руси можно все пересчитать по пальцам одной руки, и собирались они отнюдь не регулярно. Таким образом, каноничность церковной жизни до этого периода не совсем очевидна.

Лучше всего читать об этом Карташева, но это вовсе не означает, что вы должны соглашаться с его оценкой синодального периода.

Думаю, что если брать широко эту проблему, то мы должны отнести к синодальному периоду именно как к периоду русской истории, связать его с предшествующим временем, оценить его результаты.

Феофан готовил Регламент не один: тот текст, который я читал, весь проработан с пером в руке Петром Великим. Было ли в этом что-то протестантское? Если иметь в виду управление Церковью — безусловно. Все эти Коллегии, естественно, протестантские явления. Если же иметь в виду систему образования, то это просто хорошее образование. При этом были учтены недостатки иезуитских коллегий, схоластических традиций той же Киево-Могилянской школы.

Что было следствием реформы образования? Иногда говорят, что Славяно-Греко-Латинская Академия послужила как бы родоначальницей двух учебных заведений — Духовной Академии и Московского университета. Университет отчасти создавался при помощи М. В. Ломоносова — выпускника Славяно-Греко-Латинской Академии. Помогал ему граф Шувалов, который был сам очень образованным человеком и который взял на себя нелегкий труд продвижения всех бумаг по инстанциям: надо было докладывать императрице, а та, как известно, читать серьезные бумаги не любила. Шувалов и был первым куратором университета, и то, что его имя не часто вспоминают, говоря о создании университета, чрезвычайно несправедливо. Ломоносов действительно писал все проекты, разрабатывал планы, делал все, что от него зависело, но он не мог бы, что называется, протолкнуть эту идею, если бы не Шувалов.

Духовная Академия — это заслуга Петра Великого и отчасти Феофана Прокоповича. Другое дело, что выпускники Славяно-Греко-Латинской Академии оказались и в Духовной Академии — это вполне естественно. Я уже говорил, что ученики Славяно-Греко-Латинской Академии были нужны абсолютно везде, потому что образованных людей было недостаточно. Знаменитая попытка Петра провести мгновенный ликбез в нашей стране, хотя бы в дворянской среде, — все эти навигацкие и цифирные школы, обязанность научиться грамоте до 15 лет, посылка 50 стольников на обучение в Европу, — все это не могло сразу изменить ситуацию. Поэтому именно Славяно-Греко-Латинская Академия заполняла все брешы, которые возникали, или, вернее, пыталась заполнять, сама того, может быть, и не желая. Ректоры регулярно жаловались в Синод, что всех толковых учеников забирают на государственную службу, а в богословии никого не остается — три-четыре человека сидят в классах.

Лекция 5

_1. — Основные_особенности_периода._2. — Переворот_1725 г._3. —
Государство_после_смерти_Петра II_и_попытка_ограничения_самодержавия_в_России._
4. — Переворот_1730 г._5. — Переворот_1741 г._6. —
Личность_Петра III_и_переворот_1762 г._7. — Роль_гвардии._8. —
Внешние_успехи_России._

Сегодня пойдет речь о периоде, который принято называть эпохой дворцовых переворотов. В обычном учебнике дается достаточно точная характеристика этого периода: время, когда вследствие {20} заговоров одни властители России сменяли других; главной силой, главным двигателем этих фигур была российская гвардия.

1. Основные особенности периода

Основанием происходящего был закон о престолонаследии, который Петр подписал 5 февраля 1722 года. Закон этот гласил: каждый монарх имеет право распорядиться относительно своего преемника, т. е. фактически завещать престол тому, кому он сочтет нужным. Странный закон. На Руси престол традиционно переходил от отца к сыну, а если монарх был бездетным, то к его брату. Это была, если хотите, неписаная традиция, которую Петр нарушил. Почему?

Единственным объяснением (и об этом писал Ключевский) является следующее: Петр, боясь, что его дело будет развалено уже не сыном, который был казнен, а внуком, решил этим законом создать юридическую базу для устранения людей, которые могли разрушить то, что он пестовал всю жизнь, на что он положил жизнь собственную и не жалел жизней чужих: российскую государственность. Бесспорно, им руководили, как ему казалось, благие и дальновидные намерения. Но получилось все абсолютно наоборот, и эта история лишней раз является иллюстрацией знаменитого выражения: человек предполагает, а Бог располагает.

Итак, закон о престолонаследии был издан 5 февраля 1722 года. Петр умер в январе 1725 года и не успел, по иронии судьбы, оставить распоряжение о том, кому все передать. Последними его словами якобы были слова: «Отдайте все...», а кому — сказать он не успел. Так оно было или это присочинили — не в этом дело. Короче говоря, он не оставил никакого распоряжения, следовательно, его собственный указ не был реализован. Возник весьма любопытный прецедент — и юридический и государственный, возникла коллизия, которую необходимо было разрешить. Страна была монархией, империей, власть была самодержавной, а теперь оказалось, что во главе ее никого нет. Что делать?

Единственной силой, которая могла что-то решить, оставался Сенат — тот самый Сенат, который и должен был управлять государством в случае отлучки государя. Петровский Сенат представлял собой собрание людей, бесспорно, очень способных. Петр, как известно, знатность считал в зависимости от годности. Но часто так бывает, что способности не идут рука об руку с нравственными достоинствами, а власть развращает людей. Трудно было предполагать, что Меншиков в такой ситуации способен думать о чем бы то ни было, кроме собственной выгоды. Все остальные в этом ничуть от него не отличались. Налицо оказалось столкновение представителей двух русских аристократий — старой, боярской, и новой, которая еще недавно ваксила сапоги, торговала блинами и т. д. Меншиков, Ягужинский, Остерман и ряд других, менее знаменитых, прекрасно понимали, что если к власти придет старая аристократия и возобладает старая традиция наследования власти, то им придется чрезвычайно солоно. Поэтому они начали действовать как люди, способные абсолютно на все.

Здесь сразу же проявилось полное пренебрежение к тому, о чем заботился Петр. Он считал, что интересы государства превыше его собственных интересов. Здесь же, наоборот, личные интересы представителей новой знати оказались выше, чем интересы государства и заветы их благодетеля Петра. На месте закона сразу возникло беззаконие, и это стало прецедентом на многие годы вперед.

Попытаемся сначала разобраться в чисто формальной стороне дела, а именно в том, в какой последовательности происходила смена российских императоров и императриц на троне.

Было два брата: царь Иван Алексеевич и царь Петр Алексеевич. Иван Алексеевич прожил недолго, был женат один раз на Прасковье Салтыковой, считался царем вполне старообразным. У него было две дочери: Екатерина (она была замужем за герцогом Мекленбургским, поэтому напомним: Мекленбургская) и Анна (Курляндская). И Мекленбург, и Курляндия были очень небольшими герцогствами. Курляндия — это район вокруг Риги, а современная Елгава, тогдашняя Митава, была столицей Курляндии. Мекленбург тоже был весьма незначительным государством. Тогда Германия была не единой страной, а состояла из колоссального количества герцогств, королевств, княжеств. В некоторых из них нельзя было стрелять из пушек, потому что ядра улетали к соседям, но, тем не менее, все они имели свои владетельные фамилии. Петр в свое время, желая оказывать влияние на германские дела, устраивал своих племянниц замуж за герцогов этих немецких местечек. У Петра от первого брака был сын, царевич Алексей, у которого тоже был сын Петр (вошедший в нашу историю как Петр II). Это прямая линия от первого брака с Евдокией Лопухиной («монахиней», как выражался Петр). Но мы знаем, что Петр был женат второй раз — по одним сведениям, на прачке, по другим на вдове, если не на жене, какого-то курляндского или шведского кирасира. Достоверно известно, что она была в услужении у пастора Глюка.

Екатерина Алексеевна, вторая супруга Петра, имела 11 человек детей, из которых в живых остались только две дочери: Анна (Голштинская) и Елизавета (которую хотели выдать замуж за французского короля, за прусского короля, еще за кого-то, а впоследствии попытались выдать замуж даже за собственного ее племянника, который был моложе ее).

2. Переворот 1725 г.

Петр умер в 1725 году. Кто должен управлять государством? Заседания Сената начались еще в тот момент, когда Петр агонизировал в соседних покоях. И вот, в комнату, где заседал Сенат, прошли офицеры гвардейских полков и громогласно заявили, что они разобьют голову любому, кто отважится что-нибудь сказать против законной императрицы Екатерины Алексеевны.

Сенат понял, что с гвардией шутить не следует — ни с офицерами, ни тем более с полками. Поэтому императрицей была провозглашена Екатерина Алексеевна — вторая супруга Петра Великого.

Она не была человеком государственных способностей. Щедро угощала водкой гвардейских офицеров и солдат, любила, как пишет Ключевский, проводить время в застольях, а государством вертел фаворит {21} времен ее молодости — Александр Данилыч Меншиков, который, как известно, и пристроил в свое время эту прачку или горничную Петру Алексеевичу. Они хорошо понимали друг друга. Но у Меншикова были проблемы: будучи президентом военной коллегии, он очень плохо ладил с Сенатом. Сенат не желал ему подчиняться, и это можно понять. Если иметь в виду невероятную заносчивость Меншикова и его крайнюю мздоимчивость, то станет ясно, почему светлейший князь за короткое время нажил чрезвычайно много врагов. А поскольку покровителя его в живых больше не было, то они пытались как-то укротить его совершенно непомерные аппетиты, которые разыгрались в особенности в отношении казны.

Тогда-то и возникает Верховный тайный совет — своеобразный орган, который должен был как-то уравнивать Сенат. Он был устроен в 1726 году и состоял всего из шести лиц, пять из которых принадлежали к новой аристократии. На деле к новой аристократии принадлежали четверо, пятым был немец Остерман, который заключил Ништадтский мир, и только шестой был представителем старой знати — бывший киевский губернатор Дмитрий Михайлович Голицын. Совет должен был управлять государством, объяснять Сенату, что он должен делать, исполнять волю государыни — короче говоря, задачи его были очерчены не вполне конкретно, но вместе с тем очень широко.

Кто должен был наследовать императрице? Ее попытка обнародовать свой закон на эту тему не имела успеха и осталась лишь в памяти законоведов. Было очевидно, что у нее остается либо Елизавета, которая была не замужем, либо Петр II. Меншикову нужно было что-то предпринимать, и в результате очень сложной интриги сошлись на том, что Меншиков будет поддерживать кандидатуру Петра II, который женится на дочери Меншикова.

Петра II, правда, об этом не спрашивали. Ему было всего 12 лет, и сложные умозаключения светлейшего князя он оценить не мог.

В 1727 году умерла Екатерина, и престол, вследствие ее предсмертного распоряжения, перешел к Петру II. Такой получился любопытный зигзаг. Петр II оказался императором в 14 лет и достойно правил страной два с половиной года. В 1730 году он умер от оспы. Но за это время произошло немало событий.

Светлейший князь Меншиков был сослан в Рязань, потом арестован. У него было конфисковано не то 6, не то 12 миллионов золотом (больше, чем государственный бюджет России), не считая всего остального, и он был отправлен вместе с семьей — женой, дочерьми и сыном — в Березов. Надо сказать, что он держал себя достойно. Своими руками срубил избу, а когда умерла жена, сам выкопал могилу и похоронил ее. Картина Сурикова «Меншиков в Березове» — удивительное проникновение в суть этой трагической ситуации.

Пока Меншиков некоторое время еще был у власти, он почти успел женить Петра II на своей дочери, но когда Меншикова свалили, этот брак разладился. Новые фавориты юного императора, Долгорукие, не стали изобретать велосипед и пошли проторенной дорогой: Петра стали готовить к свадьбе, но уже с Екатериной Долгорукой. И опять совсем уже было все получилось, но Петр II внезапно умирает, естественно, не оставив никаких распоряжений. Долгорукие, правда, пытались повернуть веселую, я бы сказал, попытку объявить наследницей престола княжну Екатерину, дочь и сестру двух, пожалуй, главных деятелей этой интриги, но Верховный тайный совет отверг это предложение как непристойное, несмотря на то, что было даже сострепано подложное завещание, которое якобы назначало невесту Петра княжну Долгорукую наследницей престола.

3. Государство после смерти Петра II и попытка ограничения самодержавия в России

Но Верховный тайный совет на этот раз уже не состоял из пяти нуворишей и одного представителя старой знати. Пропорция изменилась на прямо противоположную: теперь

там заседала исключительно старая знать (Долгорукие и Голицыны) и один-два человека из новой, которые не играли никакой роли. Количественно совет тоже изменился и состоял теперь не из шести, а из восьми персон. Эта-то своеобразная организация, состоявшая фактически из представителей только двух старых боярских фамилий, стала решать проблему: кому теперь быть российским императором?

У Ключевского есть замечательный рассказ о том, кто такой был Дмитрий Михайлович Голицын — главный изобретатель и виновник последующих событий: очень начитанный человек, он в свое время был послан Петром за границу, изучал историю, право, политические науки, владел колоссальной библиотекой на разных языках, неплохо знал историю английского законодательства, читывал какие-то конституции. Короче говоря, он замыслил избавиться от самодержавия и заменить его чем-то вроде конституционной монархии. Поскольку в таком случае полагалось выбирать самого ничтожного из всех ничтожных кандидатов на престол, то он обратил свой взгляд в ту сторону, откуда никак нельзя было ожидать никакого зла.

Герцогиня Курляндская в это время овдовела. Ей было 37 лет, она дурнела, хирела в своей курляндской трущобе, окруженная немцами, имея фаворитом своего бывшего кучера. Но она была представительницей старой династии в чистом виде: царь Иван Алексеевич был женат по христианскому обычаю, все было законно. И она тоже была законной дочерью, в то время как Елизавета родилась на свет Божий еще до того, как ее родители обвенчались. Следовательно, о каких правах тут можно говорить? А учитывая то, что она долго прожила в Курляндии и плохо представляла себе, что творится на родине, ее можно было поставить в соответствующие условия. И вот Верховный тайный совет начинает обсуждать эти кандидатуры и под давлением Голицына выносит решение пригласить герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну («женщину доброго нрава», как говорил Голицын), на российский престол. Но при этом он говорит, что «надобна только воля ваша», обращаясь к своим коллегам, но только «надо бы себе {22} полегчить». «Как полегчить?» — спрашивает его Верховный совет. — «А так, чтобы воли прибавить». Такой свободолюбивый был князь Голицын. — «Надо написать и послать ее величеству пункты».

Тогда и состоялись эти знаменитые пункты, или, как их называли, кондиции, которые весьма любопытны. Бумага была составлена так, будто написана от лица самой Анны Иоанновны: она обещает по принятии русской короны во всю свою жизнь ни в брак не вступать, ни преемника по себе не назначать, а также править вместе с верховным тайным советом в восьми персонах и без его согласия войны не начинать, мира не заключать, подданных новыми податями не отягощать, в чины выше полковника не жаловать и к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением верховного тайного совета. А кроме того, у шляхетства (то есть у дворян) жизни, имения и чести без суда не отнимать, вотчин и деревень не жаловать, в придворные чины ни русских, ни иностранцев без Верховного тайного совета не производить и государственные доходы в расход не употреблять без согласия совета. «А буде чего по сему обещанию не исполню или не додержу, то лишена буду короны российской [[13. Кондиции // С пером и шпагой. М., 1986.]]». Такая бумага посылается в Митаву, и Анна, казалось бы, стоит перед выбором: какая-то там Курляндия — и Россия. Выбирать нечего, все ясно. Она соглашается, и уверенность ее в том, что она поступает правильно, подкрепляется вот чем. Ягужинский (петровский генерал-прокурор Сената) был обижен, что его не пригласили в Верховный тайный совет, и, с одной стороны он яростно поддерживает эти амбиции, громогласно заявляя, что надо все это сделать и что все это очень хорошо. С другой стороны, он посылает своего человека в Митаву с письмом, где абсолютно откровенно пишет: ваше величество, вы не думайте, все это затеяли несколько человек, а гвардия и

дворянство не желают ограничения монархии, ограничения самодержавия, они хотят, чтобы ты, матушка императрица, правила самодержавно.

4. Переворот 1730 г.

Поскольку Анна успела получить депешу Ягужинского вовремя, то она легко согласилась. Потребовав 10 тысяч на подъем, она приехала в Москву и воцарилась. Правда, она тут же в каких-то мелочах нарушила обещанные кондиции, но дальше ей поднесли проекты дворянства об устройстве самых разных проблем, и она очень быстро сообразила, что дворяне действительно не желают никакого ограничения самодержавия. Объяснялось это не любовью к Анне Иоанновне, которую никто не знал, а большой неприязнью к Голицыным и остальным «верховникам».

Дворянство полагало, что из двух зол выберет меньшее, и откровенно говорило, что лучше один самодержавный монарх, чем восемь. Анна быстро все сообразила и разыграла комедию, что вот-де она согласилась, думая, что это воля всего народа, а оказывается, это не так... А дальше она сказала знаменитую фразу, обращаясь к Долгорукому: «Ты обманул меня, Василий Лукич». Взяла эти кондиции и разорвала. В таком виде они и хранятся до сих пор в архиве древних актов. А дальше она, естественно, стала самодержавной царицей. Поэтому ей присягали дважды: один раз на условиях Тайного совета, а другой раз — без всяких условий.

Итак, Анна Иоанновна стала российской императрицей и была ею до 1740 года. Это десятилетнее царствование наши предки вспоминают как десятилетний кошмар. Во-первых, планомерно вытеснялись русские люди со всех сколько-нибудь серьезных постов и заменялись немцами, курляндцами, которых она привезла с собой. Дело не в родovitости и даже не в человеческих качествах. Россией стали править немцы. Во главе всего стоял ее фаворит Бирон (на самом деле Бирон — с ударением на «и»; с ударением на «о» его стали называть с тех пор, как ему сварганили фальшивую генеалогию, в соответствии с которой он стал потомком какого-то древнего французского рода. На самом деле он был кучером). Он был возлюбленным Анны Иоанновны и фактически управлял страной, естественно, в интересах собственной личности, потому что стремился только к одному — к обогащению своей персоны. Были и другие немцы — два брата Левенвольды (один гофмаршал, другой — командир вновь созданного гвардейского Измайловского полка) и т. д., и т. д. Внешней политикой управляла сама Анна при помощи Остермана.

Долгорукие расплатились за свою «затейку», как ее стали называть, своими жизнями. Некоторые из них были казнены, остальные сосланы. То же самое произошло и с Голицыными.

А дальше обнаружилось, что казна пуста, и надо ее наполнить, чтобы жить, как подобает. Расходы двора в это время возросли во много раз, а денег не было. Поэтому стали взыскивать недоимки, т. е. недоданные подати. Если крестьянин не мог уплатить недоимку, то ее взыскивали с помещика. Если тот не мог уплатить, то взыскивали с местной власти и т. д. Была введена своеобразная круговая порука. В тюрьмы сажали мужиков, помещиков, а администраторов наказывали, конфисковывали их имущество. Гвардейцы стали выходить с карательными экспедициями из Петербурга в те губернии,

где с недоимками было плохо. Начались голодные годы, начались моры и безобразия, а ропот был прекращен при помощи тайной канцелярии: система доносов в это время расцвела. И поскольку каждый мог заявить на кого угодно (формула для этого была известна: «Слово и дело государево»), то это зло и распространилось. Причем доносители имели и материальную заинтересованность — им полагалось что-то получить от доли имущества тех, кто попадал в тайную канцелярию.

Это продолжалось 10 лет: обнищание страны, бесовская пляска вокруг престола. А сама Анна Иоанновна, «добрая женщина», услаждала себя дикими сценами, любила карлиц и карликов, устраивала языческие празднества (история с Ледяным домом — не выдумка), а одним из любимых ее занятий был довольно своеобразный способ стричь ногти на ногах: у нее была любимая карлица, которая эта ногти обгрызала, что доставляло императрице большое удовольствие.

{22}

Она умерла осенью 1740 года и перед смертью, недолго думая завещала регентство (управление страной) Бирону. Назначить императором его она все-таки не смогла. Но кого-то надо было назначить — и она вспомнила, что у нее есть племянница, а у той сын. Племянницей ее была Анна Леопольдовна — дочь Екатерины Мекленбургской. Она была замужем за герцогом Брауншвейгским. У этой Анны Леопольдовны был сын Иван в возрасте нескольких месяцев от ее брака с Антоном Ульрихом Брауншвейгским. В пользу своего внучатого племянника Анна Иоанновна и распорядилась.

Поскольку Иван Антонович править никак не мог, то регентом стал Бирон. Но Анны Иоанновны не было, а Бирона не любили, и бравый фельдмаршал Миних, тоже немец, но боевой генерал, сапер по образованию, военный инженер, очень быстро произвел переворот. Бирона солдаты схватили и отправили в Сибирь, а регентом при своем сыне стала Анна Леопольдовна. Правда, от этого ничего не изменилось: немцы по-прежнему творили все то, что творилось и до этого. Ключевский так и пишет, что Анна Леопольдовна была «принцесса совсем дикая». Если Анна Иоанновна не отличалась деликатностью обхождения, то что было дальше, трудно себе вообразить. Тут уже русское национальное чувство, что называется, дошло до точки кипения. Стало понятно, что хватит курляндских, мекленбургских, брауншвейгских, хватит биронов, минихов и т. д.

5. Переворот 1741 г.

И тогда гвардейцы вспоминают, что есть еще природная дочь Петра — Елизавета Петровна. А то, что она была рождена до того, как ее родители обвенчались, после всех событий не имело никакого значения. Поэтому осенью 1741 года произошел новый государственный переворот. Я помечу дату: 1741 год, хотя Иван Антонович был убит гораздо позже — в 60-е годы — в Шлиссельбурге, при попытке его освобождения офицером Мировичем. Он единственный, кто ни в чем не был виноват и расплачивался за грехи всех своих предшественников. Он был заключен в крепость с детства, вырос в результате этого психически неполноценным и был убит офицерами охраны, поскольку была совершена попытка его освобождения. Мирович не знал, что охрана получила соответствующие инструкции. Такова была ужасная судьба этого ребенка.

Итак, произошел переворот в пользу Елизаветы Петровны. Веселая это была царица. Она, конечно, была наиболее законна из тех, кто ей предшествовал. Официально она была не замужем, а на самом деле ее мужем был Разумовский, бывший черниговский казак, угодивший за свой голос в певчие. Елизавета была очень набожной, она слушала этих певчих во время богослужения, и один из них ей страшно понравился. Разумовский был произведен в графы. Он был добрый человек, не лез в большую политику, отличался хлебосольством. Его родной брат стал президентом Академии наук, и именно ему Академия обязана своим первым уставом. Они были неглупые люди. Такой морганатический брак не считался официальным в глазах людей того времени, и о нем мало кто знал. Детей у Елизаветы не было. Она должна была думать о том, кто станет ее наследником.

6. Личность Петра III и переворот 1762 г.

Тогда-то и вспомнили, что у ее родной сестры Анны Голштинской тоже есть сын. И незадолго до своей смерти, которая последовала в 1761 году, императрица успела назначить своего преемника вполне законно. Немец по происхождению, он был перевезен в Петербург еще при жизни своей тетки и крещен в Православие с именем Петр Федорович. Правил он с декабря 1761 по июнь 1762 года, когда его свергла его собственная супруга Екатерина II. Учитывая некоторые качества Петра III, это событие можно только приветствовать. Русским императором оказалась такая личность, о которой можно говорить как о клиническом случае. Даже сама Елизавета называла своего племянника уродом и при этом не очень прилично ругалась и плакала от общения с ним. Он был от природы недалеким и даже недоразвитым, его, видимо, били в Голштинии, когда воспитывали, а потом в России приучили пить, и к 16 годам этот человек так ничему и не научился. Россию он не любил и поклонялся Пруссии и Фридриху Великому, с которым у Елизаветы была семилетняя война. В этой войне Фридрих был разбит, но когда Елизавета умерла, ее племянник возвратил Фридриху абсолютно все, а русской гвардии стали ставить его в пример. У Ключевского вы прочтете знаменитые эпизоды из личной жизни императора. У него были игрушечные пушки с веревочками, за которые он дергал. Солдатики маршировали, на столах была расставлены целые армии и картонные крепости. Однажды Екатерина увидела следующую картину: в полной генеральской форме ее супруг стоял в комнате, а с потолка свешивалась на веревке дохлая крыса. Он объяснил, что крыса совершила преступление, караемое по законам военного времени: она съела часового, сделанного из крахмала. Преступница была осуждена трибуналом, и приговор приведен в исполнение. Такой человек стал российским императором, и вряд ли впоследствии кому-то приходило в голову жалеть о том, что императрицей стала его супруга. Она была человеком совершенно другого сорта, и говорить о ней нужно отдельно, потому что 33 года ее царствования были годами русской славы.

Она правила с 1762 по 1796 год и вошла в русскую историю под двумя титулами — как Екатерина II и как Екатерина Великая. По происхождению она была чистокровной немкой: София-Августа-Фридерика, принцесса Ангальт-Цербская — ее полное имя. Ее сын — Павел Петрович. Происхождение его несколько загадочно: сказать точно, кто его отец, нельзя. Петр III и Екатерина жили совершенно врозь. Петр III был алкоголиком. Когда родился Павел Петрович, он громогласно заявлял: как интересно, что у его супруги рождаются дети. Впоследствии стало известно письмо Екатерины II, очень личное, где она намекает на то, кто был отцом Павла Петровича. Ее выписали в Россию и выдали замуж за

Петра для того, чтобы она произвела на свет наследника престола. Когда она прожила некоторое время в Москве и стала великой княгиней, а наследник все не появлялся, ей сказали, что она плохо себя ведет, и ее могут отослать обратно. Она возразила, что она ни при чем — ее супруг слишком много пьет. Тогда ей сказали: экая беда, {24} вокруг так много красивых придворных. В письме она упоминает некоего Сергея Салтыкова, придворного красавца, который, может быть, и был действительно отцом ее первого ребенка (потом она родила еще нескольких детей от разных своих фаворитов и по-своему заботилась о своих детях — все они получили громкие фамилии и были богаты). Эту генеалогическую историю можно закончить следующим, если хотите, анекдотом. Прямой потомок Павла, мудрый и могучий русский император Александр III, однажды поинтересовался: а кто же все-таки был отцом императора Павла? Архивисты подготовили справки, из которых было ясно что отцом Павла был не Петр III, а Салтыков или еще кто-то из придворных. Когда Александру донесли об этом, он встал из-за стола, подошел к иконе, перекрестился и сказал: «Благодарю тебя, Господи, за то, что во мне есть хоть капля русской крови!» Ведь его мать, бабка, прабабка — все были немки.

Этот фантастический зигзаг, который мы нарисовали, и есть прямое следствие указа 5 февраля 1722 года. Это — политическая канва событий. А что же было внутри всей этой истории?

7. Роль гвардии

Внутри была российская гвардия. До Петра было боярство, дворянство, богатое и не очень, и все эти тонкости Петр, как известно, перемешал. Дворянином становился любой, кто дослужился до офицерского чина, любой же дворянин должен был быть офицером. При этом было неважно, боярин ты или не боярин, дворянин или не дворянин. Ты офицер — и все. Это сословие Петр объединил, уплотнил, сбил в кучу, а поскольку гвардейские полки комплектовались только дворянами и все рядовые были тоже дворянами, то их положение у трона значило очень много. В первый раз их использовали в 1725 году. Затем не без участия гвардии воцарился Петр II. Екатерина этого хотела и Меншиков, управлявший Военной коллегией, этого хотел — так что гвардия пусть не прямо, но и здесь участвовала. Затем гвардия устранила «верховников», и правила царица Анна. Затем гвардия арестовала Бирона, оттерла Миниха, свергла Анну Леопольдовну с Иваном Антоновичем и пригласила Елизавету. Затем Петр III был смещен со своего поста — опять-таки гвардейцами.

Некоторые перевороты были бескровными, особенно переворот, учиненный Елизаветой, когда она явилась в казарму одного из гвардейских полков, и ей фактически тут же принесли присягу на верность. В ночь переворота она молилась и дала обет, что если станет императрицей, то не подпишет ни одного смертного приговора. Вечная ей память не только за добрые намерения, но и за то, что она их осуществила. Бескровным был и переворот Екатерины. Ключевский с большим юмором расписывает, как после этого переворота в течение многих месяцев производилось дело о покрытии убытков виноторговцев, потому что были разбиты абсолютно все кабаки в Петербурге — гвардия и обыватели пили в честь ее восшествия на престол. Пришлось уплатить из казны колоссальную сумму. Петр III погиб при очень странных обстоятельствах. Его увезли из Петербурга, приставили одного из Орловых его охранять, а потом Екатерине принесли записку от пьяного Орлова, где очень коряво излагались трагические события, а в конце

было приписано: «Матушка, сами не помним, что делали». То ли они его задавили во время ссоры, когда стали играть в карты, то ли действительно допились до такого состояния, что не соображали что делают. Орлов обладал невероятной физической силой, а Петр, наоборот, был патологически худосочен, поэтому много ему было не нужно. Екатерина, видимо, не давала приказа об убийстве супруга. В манифесте говорилось, что он умер, впад в преежестокую колику.

Мы должны представлять себе, что действительно гвардия лепила из этих персон императоров и императриц, гвардия представляла интересы дворян, она их олицетворяла. Потому что за гвардией стояли дворянские семьи, которые в это время становятся привилегированным сословием, влияющим на государственные дела. Не служилым, каким они были при Петре. Надо было с ним жить в мире, поэтому Петр III издал знаменитый указ (естественно, по совету приближенных) о вольности дворянства.

Дворянство с удовольствием разъехало по своим имениям и погрузилось в житейские заботы, но традиция служить в гвардии осталась. Поэтому впереди еще два события, в которых гвардия примет решающее участие: история убийства императора Павла в 1801 году, когда гвардейцы задушили его в собственной спальне, и знаменитая история на Сенатской площади в 1825 году. Но на этот раз у них ничего не получится.

Такова история гвардейских подвигов, если иметь в виду политическую сторону событий.

8. Внешние успехи России

Что касается внешней политики, то здесь ничего особенного не происходило, кроме войны с Турцией, которую вела Анна Иоанновна, вероятно, плохо себе представляя, где Турция находится.

Миних, толковый фельдмаршал, настоящий полководец своего времени, солдат не жалел. Три раза проходил Перекоп и вторгнулся в Крым, взял Очаков, разбил в Молдавии при Суручанах огромную турецкую армию и уже думал о молодецком налете на Константинополь, но тут уже решили мириться. Поэтому все было передоверено французскому послу. Мир заключили в Белграде, и там этот французский дипломат «блистательно» представлял российские интересы: Россия получила Азов и часть степей между Бугом и Донцом. Никакого Крыма, никакого Очакова — самый нелепый мир в истории Российской империи.

Получается: тайная канцелярия, засилье немцев (по выражению Ключевского, они посыпались на Россию, как сор из дырявого мешка) и привычка вершить политические перестановки при помощи такого своеобразного инструмента, каким являлась российская гвардия. Отсюда — очень быстрый рост политического сознания в дворянстве. Политически русское дворянство чрезвычайно сильно развилось в XVIII веке.

Лекция 6

1. — Преемственность политики Екатерины II. 2. — Российское дворянство. 3. — Положение крестьян. 4. — Получение дворянством привилегий. 5. — Дворянство и формирование офицерского корпуса. 6. — Проблема интеллигенции в России. 7. — Внешнеполитическая обстановка.

1. Преемственность политики Екатерины II

Постараемся окинуть взглядом, в каком состоянии была Россия в начале второй половины XVIII века и что Екатерина получила в наследство. У нас существует довольно стойкая традиция именовать императрицу Екатерину Великой как бы по образу и подобию Петра. Традиция эта, прямо скажем, возникла в царствование самой Екатерины. Не случайно на постаменте Медного Всадника существует надпись: «*Petro primo Ecaterina secunda*» (соответственно, если Петр Великий, то и Екатерина должна именоваться так же), и многие полагают, что реформы, проводимые Петром, в той или иной степени были продолжены Екатериной.

Екатерина была чрезвычайно умной правительницей, всячески подчеркивала преемственность своих дел по отношению к Петру, но, строго говоря, она это делала формально. Она любила говорить о том, что сама никогда не пишет никаких новых указов, а посылает секретарей посмотреть в архиве бумаги Петра Великого и, как правило, они находят там искомое — из того, что Петр задумал, но не успел воплотить в жизнь. Здесь было немало кокетства, потому что во многом она получила уже сложившуюся ситуацию, которую стремилась только подправить. Единственный аспект ее деятельности, который действительно производит чрезвычайное впечатление, это внешняя политика, ее реализация в процессе войн с Турцией, Польшей и т. д. Если брать финансы, вопрос о крепостном праве, положение дворянства и т. д., то здесь Екатерина сделала не так уж много. Мы должны остановиться на том, что было сделано до нее, как было сделано, зачем — то есть дать обзор состояния России, которое сложилось к моменту вступления Екатерины на престол.

Мы уже отмечали, что когда Петр умер, он своим законом о престолонаследии обеспечил России на довольно значительный период хаотическую смену властителей на троне, в которой не было ни логики, ни преемственности, и это не могло не наложить определенный отпечаток на все, что происходило в эти годы.

2. Российское дворянство

Мы выяснили, что основным поставщиком царей в то время была российская гвардия, а гвардия представляла российское дворянство. По петровским указам дворянство обязано было служить. В этом ничего нового не было — дворяне служили на Руси всегда. Только

Петр, в отличие от своих предшественников, сделал эту службу бессрочной и абсолютно обязательной для всех, без всяких исключений (кроме больных, конечно).

Дворянство, оказав через гвардию влияние на ход дел в государстве, требовало определенной компенсации, каковая не замедлила появиться. Из служилого сословия дворянство становится сословием чисто привилегированным (раньше оно имело привилегии как служилое сословие — но и только), то есть получает огромные привилегии и избавляется от службы. Этот процесс начался не при Екатерине. Мы знаем, что дворянство люто ненавидело указ Петра 1714 года о единонаследии, по которому отцы семейств имели право передать все только старшему сыну или, во всяком случае, кому-то одному. Все остальные выключались из наследства, делить наследственные земли было невозможно, и, следовательно, по мысли Петра, этот закон обуславливал необходимость службы в армии, на флоте и по штатской части.

Дворянство этого не желало, и в 1730 году, когда Анна Иоанновна приехала в Москву, ей был подан проект шляхетских, как тогда выражались, требований, где речь шла об отмене этого указа. В 1731 году указ о единонаследии был отменен.

Отныне можно было завещать землю и имущество всем своим наследникам, делить имения и т. д., а это, естественно, укрепляло позиции дворянства, потому что теперь правительство должно было сделать следующий шаг — освободить дворянство от службы. Это было сделано, хотя и не сразу.

Сохраняя, с одной стороны, в силе все указы Петра, касающиеся образования дворянства, правительство Анны сразу дало поблажку: служба уже была ограниченной во времени. И хотя она растягивалась на довольно приличный срок — 25 лет, но если службу начинать в 15 лет, то в 40 ты мог со службой развязаться, и это было совсем не плохо. Приходила, что называется, вторая молодость, и можно было начинать жизнь заново, забыв об ужасах муштры.

При этом был устроен шляхетский корпус на несколько сот мест. Детей отдавали туда в нежном возрасте и выпускали уже в офицерском чине. Если при Петре дворянин в 15 лет попадал в полк солдатом и тянул лямку, то теперь он практически в этом же возрасте выходил уже офицером, что открывало ему некоторую перспективу. Это было тоже определенным завоеванием дворянства, но при этом права дворян никоим образом не уравнивались с теми или иными правами крестьян

3. Положение крестьян

О крестьянском вопросе, о крепостном праве на Руси всегда обычно говорилось так: крепостное право возникло чуть ли не во времена «Русской Правды», постепенно становилось все крепче, все хуже и дожило до конца XVIII — начала XIX века, когда оно приобрело черты античного рабства, а после этого стало медленно умирать и было отменено в 1861 году.

На самом деле крепостное право у нас возникло все-таки не в XI веке, а значительно позже. Если пользоваться схемой Ключевского, то оно переживало как бы три периода. Сначала это было право {26} «лично-договорное», то есть вновь образовывавшееся

дворянское сословие в XIV-XV веке было вынуждено договариваться с каждым конкретным крестьянином, потому что само было повинно службой государю, а крестьянин прикреплялся к земле — и только. Он мог с этой земли уходить, мог сам, посредством своего личного договора с хозяином, оговаривать количество оброка или размер барщины и т. д.

Вторая фаза, по Ключевскому, это право наследственное, военно-служилое. Вы помните, что первый период крепостного права был весьма ограничен тем, что помещик, дворянин имел землю только до тех пор, пока служил. Как только служба прекращалась, он лишался земли и не мог передать ее по наследству. То есть его сыну и внуку приходилось все начинать сначала. Сама эта система очень сильно уравнивала положение крестьян по отношению к дворянам.

В XVII веке произошел очень крупный сдвиг, когда земля стала переходить по наследству, но дворянство не избавилось при этом от службы. Уже нельзя было отнять у дворянина, который переставал служить, его землю, но все равно он являлся на сборы, был включен в списки ополченцев, тех, кто сражался в рядах дворянской конницы, и т. д. Короче говоря, дворянин полностью сохранял свою служебную функцию, хотя его положение по отношению к крестьянину было уже иным, потому что земля оставалась у него в роду, он более прочно владел ею, чем раньше.

Петр, в сущности, здесь мало что изменил. Он, пожалуй, поставил дворян в более жесткие рамки, обязав их пожизненной службой, а в отношении крестьян ввел подушную подать, заменив прежнюю систему обложения, чем тожеотяготил их положение. Но какое-то традиционное равновесие все-таки соблюдалось.

Что же было сделано в XVII в.? Теперь дворянство получало определенные льготы и привилегии, но в отношении крестьян ничего не делалось. Наоборот. Вводя в государственную жизнь массу, как выражался Ключевский, дорогостоящих новшеств (армию, Петербург и т. д.), Петр, естественно, столкнулся с хроническим дефицитом казны. Ввели подушную подать, массу других налогов, стали их все время повышать, что приводило к появлению недоимок: из года в год колоссальные суммы было невозможно собрать, потому что мужикам просто-напросто нечем было платить. С такой же проблемой столкнулось и правительство Анны Иоанновны. Можно было списать недоимки, можно было провести какие-то финансовые реформы и как-то упорядочить налоговую систему, а можно было просто начать взыскивать все до последнего при помощи полицейских методов, что и было сделано. Именно тогда помещик стал ответственным за сбор налогов с его крестьян. Если крестьянин не мог внести положенной суммы, то помещик отвечал за это если не головой, то своим имуществом.

Может показаться, что положение помещика стало хуже. С одной стороны, так и было. А с другой стороны, сам отвечая за сбор налогов, помещик приобретал значительно большую власть над крестьянами. К нему переходили функции полицейского характера. А когда эти функции были дополнены правом ссылки в Сибирь, правом определения наказания и т. д., то фактически власть помещика над крестьянином стала полной. Все это произошло до воцарения Екатерины. Крестьянин, таким образом, окончательно утратил права личности, а коль скоро холопы были приравнены к крестьянам, то, в сущности, не холопы стали крестьянами, что бывало в XVII веке, когда их сажали на землю, а крестьяне стали холопами. А раз так, то они фактически уже не имели тех прав, которые у них когда-то были. Здесь крепостное право приобретает совершенно особый характер. Ключевский называл это право откупным, или фискально-полицейским.

В XX веке стали говорить о том, что крепостное право в XVIII в. стало приобретать черты античного рабства, когда крестьянина можно было продать, заложить, можно было разлучить членов одной семьи, крестьянами можно было отдать долг, крестьянина можно было отдать, не спрашивая его согласия, в солдаты и т. д. Земля же все больше переходила в руки помещиков. Но помещики еще служили, и поэтому какой-то остаток если не равновесия, то традиции сохранялся. При этом правительство понимало, что расходы, которые несет казна, можно восполнить только за счет крестьян.

Около 5 миллионов крестьян уплатой налогов создавали, в общем, основные запасы денег в казне, и с этим приходилось считаться. При том, что существовали недоимки, все равно собрать все полностью не могли, а когда ужесточали сбор, то крестьяне начинали бежать (часто с семьями, а иногда и целыми деревнями), найти их было невозможно, а если и находили, то нельзя было понять, кому они принадлежат. Всякий крестьянин, коль скоро его поймали, пытался доказать, что он принадлежит какому-то очень крупному хозяину, а не мелкому, потому что в крупном хозяйстве жизнь была все-таки легче.

Пытались решить вопрос: что делать с крестьянами? Как заставить их платить налоги, как увеличить количество денег в казне? Сначала додумались до увеличения налога на соль. Но соль необходима всегда, и это был косвенный налог. Платить то чрезмерное, чего требовало правительство, было невозможно. Поэтому Ключевский язвительно замечает, что население отвечало не закупками соли, а цингой, которая начиналась из-за отсутствия в рационе этого продукта. Таким образом, соляной налог, призванный как-то освежить финансовое положение России, не дал нужного результата.

Единственной, в общем-то, мерой, регулирующей наличие средств в казне и отражающейся на состоянии крестьянства (поскольку компенсировала бремя налогов), было уничтожение в 1756 году внутренних таможен, которые еще существовали в России. Были уничтожены все внутренние сборы и пошлины, взамен чего высоко обкладывался вывоз товаров за границу. Это ложилось на иностранных купцов, потому что вывозили именно они (русская торговля была в руках иностранцев). А поскольку ввозили в основном люди обеспеченные, богатые, отдававшие предпочтение предметам роскоши, то это и не ударило по {27} простому народу — следовательно, такая финансовая мера была чрезвычайно разумной. Меры эти были определены уже при Елизавете, а изобрел их фаворит императрицы граф Шувалов.

4. Получение дворянством привилегий

Возвращаясь к состоянию крестьянства и дворянства, надо понять следующее: дворянство желало избавиться от обязательной военной службы. Оно уже получило землю, определенные льготы при поступлении в армию и получении первых офицерских чинов. Оно получило огромную полицейскую власть над своими крестьянами, и оставалось только одно: избавиться от ненавистной обязательной военной службы. Это было сделано. 18 февраля 1762 года вышел манифест императора Петра III о даровании вольности российскому дворянству. Петр этот указ не выдумывал и вообще плохо все это себе представлял, потому что, как мы знаем, круг его интересов был совершенно иной, а проделало это близкое к нему окружение — граф Воронцов и ряд лиц, которые пытались таким образом выпустить пар, накопившийся чрезвычайно сильно в дворянском обществе, поскольку, как известно, политика Петра III была на редкость

антинациональной. Его мир с Фридрихом II, сдача Восточной Пруссии обратно Фридриху оскорбляла гвардию, армию, дворянство, и нужно было как-то умиротворить эту, по выражению Ключевского, весьма щепетильную часть русского общества, потому что в ту пору от недовольства оно легко переходило к радикальному решению вопроса.

Тогда и был издан этот указ. Отныне дворянство могло совершенно легально засесть в своих имениях и вести жизнь в свое удовольствие. При этом, правда, в указе говорилось о том, что дворяне по-прежнему могут служить в армии, а если понадобится отечеству, то они все опять будут призваны на службу. Но можно было уехать за границу, служить в чужой армии, получить там чин и в нем вернуться в российскую армию. Короче говоря, объявлялись удивительные льготы, и после того, что было при Петре, для российского дворянства наступала совершенно иная жизнь. Недаром этот указ тут же был воспет в стихах и одах, но Ключевский совершенно прав, когда пишет, что коль дворянство освобождалось от службы, то логично было бы на следующий день освободить от крепостной зависимости крестьян, потому что крепостная зависимость была логическим продолжением зависимости дворянина от государственной службы. Прекращалась служба дворянства — прекращалась и крепостная зависимость (такой указ и был дан на следующий день, только 99 лет спустя: 19 февраля 1861 года; с этого момента начинается принципиально новая полоса русской жизни). Мы видим, что ситуация, как говорится, устоялась. Эту ситуацию и получила Екатерина в готовом виде.

Рассуждая о положении крестьян, у нас принято вспоминать Салтычиху и факты, когда Екатерина тысячами душ награждала своих фаворитов. При этом как-то не представляют себе истинную жизнь русских крестьян в этот период, что, конечно, до известной степени непросто. Неплохую образную картину этой жизни может дать повесть Пушкина «Дубровский». Там изображено поместье Троекурова и поместье отставного гвардейского офицера Дубровского. Троекуров ушел в отставку генерал-аншефом, а старик Дубровский имел чин поменьше. Положение крестьян в больших поместьях было принципиально иным, чем в небольших.

По одному из указов помещики обязаны были заботиться о пропитании крестьян в случае неурожая и голода. Естественно, что большое, сильное хозяйство или не имело тут проблем, или имело проблемы частного характера, тогда как в период голода или неурожая поместья с небольшим количеством крестьян практически полностью деградировали. Отсюда выход один: дворянские дети опять должны были отправляться в армию и тянуть офицерскую лямку. Правда, на этот раз все обходилось попроще: как вы помните, Петруша Гринев был записан в гвардию в возрасте весьма нежном. Действительно, в то время можно было записать ребенка в службу еще до его рождения. Если рождалась девочка, то просто объявляли, что такой-то умер, и он, следовательно, вычеркивался из службы. Таким образом, до момента некоторого возмужания чины шли, проходила вся солдатская служба, капральская и т. д., и Петруша Гринев сразу угодил в офицеры, никогда прежде в глаза не видав ни штыка, ни сабли. Воспитание он получал, как мы знаем, играя в чехарду, бегая по девичьим и изучая французский язык с помощью мосье Бопре. Пушкин очень верно ухватил одну деталь: для многих дворян служба в армии была не только финансовой необходимостью, но отчасти и моральной потребностью. Ко времени Екатерины уже образовалось офицерское сословие — то, что впоследствии стало называться офицерским корпусом. Сформировалась определенная психология, определенный тип мышления, свойственный только русским офицерам. И вот получилось, что богатые и средней руки помещики могли сидеть дома, а могли служить в армии или отправлять туда своих детей — это зависело только от их желания. А помещики небогатые вынуждены были служить или служили просто по привычке, по

традиции, потому что дома тоже были сплошные тяготы, а тут все-таки какое-то жалованье плюс то, что присылали из дома — жизнь полегче.

5. Дворянство и формирование офицерского корпуса

Таким образом, в это время дворянство не является однородным сословием. Одно — это земельная аристократия, которая если и служит, то на высших должностях, ничем особенным себя не обременяя, а другое — это будущие капитаны Тушины, которые уже не мыслят себе другой жизни, которые срослись с понятием долга перед отечеством, перед людьми, перед детьми. Для них служба в армии — это образ жизни. Говорю об этом специально, потому что это во многом объясняет успехи русской армии, которые как раз и начинаются в 70-е годы.

Почему же вдруг произошло возрождение армии? Дело в том, что здесь имеет место определенный психологический перелом: когда армия перестала быть обязательным для дворянства местом жизни и службы, а стала моральным долгом, то и отношение к ней стало другим. В армии вдруг произошло следующее: если когда-то крестьянин понимал, что он должен кормить своего хозяина, потому что тот {28} состоит на службе у князя или у государя, то теперь крестьянин в армии, ставший рядовым, служил под началом какого-то капитана или поручика и понимал, что он тоже тянет ляжку. Поэтому антагонизма между офицерами и солдатами не возникало. Вопрос этот, конечно, очень непростой, но во многом те специфические качества русской армии, которые начинают проявляться в это время, объясняются именно этим. Конечно, реформы Петра дали толчок ко всему этому, но после прилива идет отлив, и если события с 1725 по 1760 год — это своеобразный отлив, некоторая стагнация, то есть мы видим определенное движение маятника, то дальше начнется процесс обеднения дворян, поначалу чрезвычайно медленный. В XIX веке этот процесс уже набирает темпы. Это не означает, конечно, что все дворяне обречены на бедность. По-прежнему будут оставаться очень крупные и очень доходные хозяйства. В XVIII веке дворянство ответит на указ о вольности тем, что начнется колоссальный вывоз русского хлеба за границу, чего до этого не было. Это станет основной статьей русского экспорта до 1917 года (последний раз мы будем вывозить хлеб во времена нэпа, когда Сталин ограбит русскую деревню, для того чтобы закупить все необходимое для индустриализации за границей). Оказывается, этот указ поставит окончательную точку на процессе изменения характера крепостного права, создаст новую ситуацию в дворянской среде и в армии и предпосылки, с одной стороны, для увеличения производства хлеба, а с другой стороны — для частичного разорения дворянства, потому что мелкие поместья начнут постепенно поглощаться богатыми. Человек, который служит где-то, вряд ли может заботиться о своем хозяйстве, а недороды, непосильные налоги и побегі доведут разорение до конца. В «Дубровском» все это хорошо описано. Тут Пушкин оказался не просто литератором, а прекрасным историком, глубоко понявшим этот процесс и показавшим его без излишней дидактики. Все это и получила Екатерина. Поэтому говорить о том, что она как-то изменила положение дворянства, не придется: хотя она и давала какие-то льготы, они ничего не меняли принципиально. Когда речь пойдет о крестьянах, то окажется, что она просто доведет секуляризацию церковных земель до конца и крестьян, которые числились за церквями и монастырями, переведет в категорию так называемых экономических крестьян, что, между прочим, сразу снимет социальную напряженность на этих землях — количество бунтов и волнений здесь резко уменьшится.

Эта реформа логически завершит церковную реформу Петра (там мы говорили об отмене патриаршества), изменит и материальное, экономическое положение Церкви. Оно не станет очень тяжелым, потому что все будет распределено по штатам, будут отпущены суммы на содержание и т. д., а население, естественно, будет по-прежнему помогать Церкви, как всегда это было, но ситуация в корне изменится.

Теперь крестьянин становился холопом, лично зависимым от помещика, а не прикрепленным к земле. Помещик мог сделать с ним все что угодно, не разрешалось только доводить дело до смертоубийства и пыток, хотя и такое бывало. Тогда власть демонстративно могла проявить свой авторитет, и Салтычиха провела немало времени в тюрьме в Ивановском монастыре в Москве. Но, вероятно, было немало других салтычих, о которых мы просто ничего не знаем.

Крестьянин мог быть лишен всего, что у него когда-то было: земли, семьи, жену можно было продать отдельно от мужа, а мужа от жены, детей отнять у родителей, а имение проиграть в карты вместе с крестьянами, а можно было проиграть землю отдельно от крестьян или крестьян отдельно от земли. Надо сказать, что либеральная дворянская интеллигенция, которая только начинала зарождаться, все это видела, но жила в основном по этим же правилам.

6. Проблема интеллигенции в России

Теперь — другая сторона всех этих проблем. В это время у нас начинает зарождаться еще одно сословие, о котором у нас любят поговорить, к которому у нас особое отношение, но, тем не менее, не все это хорошо понимают и вообще о нем трудно судить. Я имею в виду российскую интеллигенцию.

Слово «интеллигенция» очень трудно перевести. Английское выражение «intellectual» означает «образованный человек», «мастер своего дела». Он может быть математиком, врачом, преподавателем — кем угодно. Интеллигент — это скорее чисто русское явление, и зарождается оно в те времена, когда в результате всех пертурбаций, происходивших в России, появляется человек, который начинает осознавать свой долг по отношению не к стране, а к угнетенному народу. Это люди с беспокойной совестью. Помните у Радищева пассаж о том, что он огляделся вокруг, и душа его уязвлена стала, он потерял душевный покой: как же так, он такой-сякой, а как плохо всем людям вокруг. Но такое явление могло быть выражено по-разному. Можно было посмотреть на самого себя: что ты конкретно делаешь для изменения ситуации. Все-таки интеллигенция родилась у нас в дворянской среде, а дворяне были помещиками. Но оказалось не так: дело не во мне, а в правительстве, во власти, в природе власти, в религии, в экономической ситуации, в политическом строе, в законах — в чем угодно, но только не во мне лично.

Таким образом, начинает появляться укоренившаяся впоследствии точка зрения: что я скорблю о народе, я всех буду учить, как жить, как поступать, как делать, всем все покажу. Это, в общем-то, мой долг. А какое-то конкретное дело — так я же вот его и делаю.

Именно тогда возникает эта единственная в своем роде философия. Это тоже заслуга отчасти Петра, но в большей степени, пожалуй, его преемников. Заставив дворянство изучать грамоту, посылая его за границу, очень быстро столкнулись с проблемой западного влияния, причем влияния очень своеобразного. Далеко не все являлись оттуда специалистами, а чаще всего возвращались людьми, чего-то нахватавшимися, насмотревшимися на западную жизнь, где все было гораздо комфортабельнее, где законы были лучше, дороги были чище, где дома были каменными, где одевались иначе, и вообще солнышко грело лучше и светило ярче.

{29}

Вероятно, практик типа самого Петра стал бы работать непосредственно над такой проблемой. Но интеллигенция, родившаяся в дворянском сословии, сочла возможным становиться в известную оппозицию: власть — это одно, а она — другое. С другой стороны, она усвоила себе роль ментора, учителя жизни. Я не думаю, что граф Шувалов, изобретая отмену внутренних таможен, исходил из каких-то идеальных соображений. Ему нужно было хоть как-то наполнить казну. В этом отношении он был абсолютно не интеллигентным человеком. А вот Радищев, который написал «Путешествие из Петербурга в Москву» — это интеллигентный человек в высшей степени. Хороший он был человек? Вероятно, неплохой. Он констатировал факты, вскрывал язвы и при этом оставался при своей скорби. Екатерина подобных вещей не любила. Она считала, что надо служить, находиться на своем рабочем месте, а отнюдь не заниматься агитацией и пропагандой, как сказали бы в XX веке.

В XVIII веке интеллигенция только начинает складываться, она еще не определилась в это время как сословие. Развитие интеллигенции, пребывающей в таких умонастроениях, приведет к появлению декабризма, а дальше — к появлению либеральной интеллигенции и всего, что за этим последует в конце XIX века. Забегая вперед, скажу, что Чехов — человек, который воспел российскую интеллигенцию, у нас обычно воспринимается несколько своеобразно. Я говорю не о личности Чехова, а о его героях. Не знаю, слышали ли вы об этом, но в те времена, когда Чехов писал своих дядей Вань, Гаевых и Раневских, было выражение: «пьет, как чеховский интеллигент». Как известно, все эти люди, которые не нашли в России применения своим мыслям, своим талантам, просто спивались. Почему-то у нас после Чехова интеллигентность стала почти ругательством («настоящий чеховский интеллигент»). Чеховский интеллигент — это мало привлекательное явление. Гаев, Треплев, Тригорин — вся эта публика действительно никогда не была голодной, всегда обо всем судила и рядила и ничего не делала. В лучшем случае просто сотрясала воздух, при первой же трудности отбывая за границу. Если посмотреть бесконечные рассказы на тему о «лишних» людях, то этот тип прослеживается совершенно четко. Вот вам результат эволюции. Выходит дело, что когда Петр заставлял всех служить, то он ставил таким образом естественную преграду. И он чего-то добился. Русские офицеры, создавшие офицерскую касту, офицерский корпус, были, конечно, люди выдающиеся, хотя и очень малозаметные. Вряд ли тогда они думали о каких-то глобальных проблемах. Но именно они шли под пули, именно они умирали за веру, царя и отечество, хотя впоследствии то, что вышло из вольности дворянства, привело к его моральной деградации.

Я бы посоветовал вам прочесть книгу Бердяева [[14. _Бердяев_Н._А._Истоки и смысл русского коммунизма М, 1990.]]. Там не со всем можно согласиться, это очень хлесткое произведение, но по-своему интересное и замечательное хотя бы уже тем, что конкретно на эту тему написано. Книга небольшая, впервые вышла в Париже, у нас переиздана.

Итак, процесс создания интеллигенции возник уже в те замечательные времена — в XVIII веке. Как ни странно, он связан с указом о вольности российского дворянства

Обзор, который я попытался сегодня дать, конечно, не исчерпывает тему, но дает представление о том, как трансформировалось общество. И если в начале XVIII века мы видим реформы (строительство флота, строительство новых государственных учреждений, устройство новой армии, введение новых принципов администрирования и т. д.), то здесь мы видим совершенно иную ситуацию. Все немножко утряслось, все притерлось, все встало на какие-то совершенно иные, чем задумал Петр, места, и создалась совершенно новая ситуация. Она, до известной степени, есть результат петровских реформ. Но она совершенно не похожа на то, что хотел сделать Петр.

Следовательно, мы должны считать, что реформы Петра, бесспорно, послужили возникновению принципиально новой ситуации в России (социальной, экономической). Но эти реформы не сохранились его преемниками так, как он их замыслил. Сознательно их переделали или шел какой-то подспудный процесс? Вероятнее всего — последнее. Вряд ли у Воронцова или у дельцов Анны Иоанновны был какой-то план действий. Я думаю, что они, не имея возможности собрать нужное количество денег в казну, сталкиваясь с проблемой казнокрадства, плохо разбираясь в проблемах внешней политики и т. д., пытались все время как-то затыкать дыры, как-то лавировать между оскорбленной гвардией, бегавшим крестьянством и давлением иностранных дипломатов, не забывая при этом еще и свои личные нужды. Этот процесс был до известной степени стихийным. Но он был естественным следствием того, что было сделано в первой четверти XVIII века.

7. Внешнеполитическая обстановка

Еще один вопрос — внешнеполитическая ситуация. Здесь изменения произошли чрезвычайно резкие. Они, пожалуй, в отличие от всех остальных петровских новаций, сохранили и масштаб, и преемственность. В XVII веке Россия не вела активной внешней политики. Россия интересовала англичан, французов, австрийцев, которые угадывали здесь колоссальный рынок сырья, чувствовали возможность поживиться на русском лесе, русской коже и т. д. Россия же в их внутренние проблемы не вмешивалась.

В результате Северной войны ситуация в корне изменилась. Изгнав шведов с южных берегов Балтики, Россия получила всю Прибалтику и заняла место Швеции в европейской политике. И если раньше Европа, особенно Северная, опасалась Швеции, то теперь ни о какой шведской угрозе и речи не было — все боялись России. Петр Великий, выдавая своих племянниц и дочерей замуж за немецких герцогов, оказывал влияние на немецкие дела, он активно действовал на юге, вмешиваясь в турецкую политику. Следовательно, здесь подключались проблемы Австрии. А раз так, то вставал вопрос и о Польше, и впервые мысль о разделе Польши и уничтожении ее как государства была высказана не Екатериной и не {30} прусским королем Фридрихом Великим — она забрезжила в умах петровских дельцов еще при жизни этого монарха.

Другое дело, как реализовывали эту политику, как строили отношения и с какими конкретно странами. История политических союзов, в которые вступала Россия, — это совсем другой разговор. Но то, что Россия, теперь уже навсегда, включилась в европейскую внешнюю политику и стала государством, оказывающим колоссальное

влияние на европейские дела, — действительно было событие, может быть, главное в XVIII веке, если иметь в виду внешнеполитический аспект русской истории. Екатерина явилась полноправной наследницей этой ситуации, и здесь она полностью продолжила линию Петра. Поэтому не случайно именно во внешней политике деятельность этой императрицы выразилась наиболее ярко — это была та область, где она достигла наибольших успехов. При Александре I бывший канцлер Екатерины князь Безбородко, выдающийся дипломат своего времени (несмотря на неприятные свои человеческие качества), говорил молодым дипломатам Александра I: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе не стреляла без нашего разрешения». Это, конечно, преувеличение, но в нем есть доля истины. Получалось следующее: во внутренней политике, в особенности в крестьянском вопросе, произошло совсем не то, о чем думал Петр. Россия не стала процветающим государством, дефицит бюджета сохранялся. Социальные проблемы стали, может быть, даже более острыми. А вот внешняя политика — это во многом прямая преемственность, которая прослеживается от самого Петра и дальше.

Лекция 7

_1. — Личность_Екатерины_II._2. — Начало_царствования_Екатерины_II._3. —
Государственная_деятельность_Екатерины_II._4. —
Секуляризация_церковных_земель._5. — «Наказ»_Уложенной_комиссии._6. —
_Уложенная_комиссия_.7. — Губернии._8. —
Жалованные_грамоты_дворянству_и_городам._

Царствование императрицы Екатерины II — тема весьма обширная и значительная, поэтому мне представляется удобным разделить ее на две основные части: внутренняя и внешняя политика. Не надо думать, что Екатерина занималась сначала одним, а потом плавно перешла к другому. Жизнь заставляла ее, как и всякого человека, вести работу по самым разным направлениям, но для удобства понимания ее деятельности мы сначала займемся проблемами внутренней политики. Речь пойдет о законодательстве Екатерины, о крепостном праве. Истории Пугачевского бунта коснемся очень коротко. Об этом бунте все что-то слышали, трактовка этой жутковатой страницы нашей истории за последние 70 лет была абсолютно однозначной. С другой стороны, естественно впасть в нечто совершенно противоположное на волне противоположного движения. Отсылаю вас к замечательному сочинению — к «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. Всерьез прочитав эту блестящую историческую работу (очень небольшую по объему), вы получите сведения основательные, солидные и прочные. Достать ее не представляет труда — в любом собрании произведений А. С. Пушкина эта его единственная историческая работа есть.

Пушкин очень многому научился у Карамзина, обладал настоящим историческим чутьем и тем качеством, которое у нас называется культурой исследования. Первым коснувшись засекреченных, как сказали бы сейчас, данных об истории Пугачевского бунта (ему это было разрешено по высочайшему повелению Николая I), Пушкин объехал основные места восстания, встретился с теми, кто еще помнил «Петра Федоровича», как себя называл Пугачев, и написал свою «Историю». Но, издавая ее, он поступил чрезвычайно деликатно, умно и проницательно: помимо своего текста, он опубликовал приложение. При

советской власти оно ни разу не печаталось по одной простой причине: приложение представляет собой список людей, убитых во время бунта — дворян, духовенства, крестьян, женщин, стариков, детей, взрослых, солдат, офицеров. Этот мартиролог является очень точной иллюстрацией к тому, что произошло, и о чем Пушкин написал свое исследование. При этом Пушкин очень скрупулезен с точки зрения подачи фактов, очень точен, и у него многому можно научиться. Надо сказать, что официальная советская историография, в принципе, дала немного. Она уточнила, может быть, какие-то отдельные детали, но в основном больше эксплуатировала эту тему, разрешая ее с классовых позиций. Так что об этом мы с вами больше говорить не будем.

1. Личность Екатерины II

Второй момент, о котором следует сказать очень коротко — личность Екатерины. Прочтите соответствующую лекцию Ключевского — лучше о Екатерине никто не написал.

Вокруг имени Екатерины существует несколько весьма плоских штампов. Один из них — то, что она крепостница. Другой — что это была просвещенная государыня, этакая умная дама на троне, которая переписывалась с Вольтером и Дидро, писала книги и царствовала весьма интеллигентно. Третий, самый отвратительный и вульгарный штамп — ее сугубо личная жизнь. Известно, что Екатерина была, действительно, весьма любвеобильной дамой, ее фавориты регулярно сменяли друг друга. Но эта сторона ее жизни — сторона частная, поэтому уделять ей особое внимание нет никаких оснований, несмотря на то, что в наш век стало появляться много литературы соответствующего сорта.

Чтобы не касаться больше этой темы, скажу одно. Из всех ее фаворитов, которых было действительно очень много и которые были очень разными людьми, никто, кроме одного, никакого влияния ни на внутреннюю, ни на внешнюю политику России не имел. Человек, сыгравший огромную роль в нашем государстве, был ее советником и после того, как их отношения охладели, — это князь Григорий Александрович {31} Потемкин, о котором мы поговорим позднее. Он был венчанным мужем императрицы, так как относился к подобным вещам более серьезно, чем принято думать, и хотя впоследствии они расстались (как тогда говорили, дали друг другу свободу), тем не менее, они оставались очень близкими людьми, особенно в том, что касалось государственных дел. Он обладал невероятно мощным умом и был замечательным практиком, и Екатерина это ценила.

Итак, несколько слов о ее личности. Она была немкой из заштатного немецкого уголка. Отец ее служил полковником в городе Штеттине (теперь — польский Щецин). Он был комендантом города и впоследствии дослужился до фельдмаршала в войсках его величества короля прусского Фридриха II. Носил он звонкий титул — принц Ангальт-Цербский, следовательно, его дочь была принцессой. София-Августа-Фридерика, принцесса Ангальт-Цербская была извлечена из этой немецкой глуши для того, чтобы стать женой наследника престола Российской империи.

Со своим будущим мужем она познакомилась едва ли не в десятилетнем возрасте, и первые впечатления, видимо, были не очень веселыми. Впоследствии она ничего нового в своем супруге не увидела. Но она была умна и прекрасно понимала, что дело не в супруге, а в стране, в которую ее забросила судьба, и позднее довольно остроумно и вместе с тем

цинично признавала, что охотно рассталась бы со своим супругом, но к русской короне она не была столь равнодушной.

Она была, бесспорно, от природы очень способным, умным и любознательным человеком, к тому же образованным. Правда, образование ее было весьма своеобразным — больше домашнее, больше самообразование, чем что-то систематическое; любимым языком ее был французский, родным — немецкий. С русскими людьми ей приходилось говорить по-русски, и она прекрасно освоила этот язык, хотя и делала в слове из трех букв четыре ошибки: слово «еще» она писала «исчо».

Вопрос ее вероисповедания сводился, вероятно, к следующему: как русская императрица, она была православной. Что она при этом думала и чувствовала, сказать трудно, но во всяком случае она никогда и никому не дала никакого повода упрекнуть ее в безразличии к установлениям и порядкам Русской Православной Церкви. Ключевский написал об этом весьма остроумно:

«Екатерину обучали Закону Божию и другим предметам французский придворный проповедник Перар, ревностный служитель папы, лютеранские пасторы Дове и Вагнер, которые презирали папу; школьный учитель кальвинист Лоран, который презирал и Лютера, и папу. А когда она приехала в Петербург, наставником ее в греко-российской вере назначен был православный архимандрит Симон Тодорский, который со своим богословским образованием, довершенным в немецком университете, мог только равнодушно относиться и к папе, и к Лютеру, и к Кальвину, и ко всем вероисповедным делителям единой христианской истины».

Обладая таким поистине универсальным запасом богословских сведений, Екатерина вела себя в отношении Православия безукоризненно. Это делает ей честь. Будучи чистокровной немкой, она окружила себя исключительно русскими людьми, чего не было даже при Елизавете. Она обладала даром, необходимым для правителя — она умела выбирать себе помощников. Поэтому ее царствование так знаменито тем, что в этот период появляются замечательные государственные, военные и культурные деятели, будь то Румянцев или Суворов, канцлер Безбородко или Потемкин, а также многие другие. В ее царствование возвысился митрополит Платон.

При этом Екатерина умела, обдумав совет своих придворных, самостоятельно решить проблему или настоять на определенном решении.

2. Начало царствования Екатерины II

Когда, совершив бескровный переворот, она в 1762 году стала российской императрицей, первым ее естественным желанием было узнать, в каком состоянии находятся государственные дела. Ей подали роспись доходов. Сенат торжественно представил соответствующие документы, где было сказано, что казна должна получить 16 миллионов рублей дохода в год. Екатерина тут же устроила контрольную проверку всех счетов и обнаружила, что на самом деле доходов должно быть 28 миллионов. Практически половина была неизвестно где.

Дальше выяснилось, что армия и чиновники не получают жалованья вообще, причем очень давно; что Сенат не в состоянии рассчитать ни доходы, ни расходы, что при этом бесконтрольно отдавали на откуп частным лицам (в основном фаворитам и придворным Елизаветы) все, что угодно, а также что откуп на таможенный сбор по всей стране был отдан всего за 2 миллиона, в то время как только петербургская таможня, когда Екатерина навела там порядок, давала 3 миллиона дохода в год. У нее очень быстро составилось абсолютно точное представление о том, что творится в стране, и она не постеснялась назвать генерал-прокурора Сената плутом и мошенником — и совершенно справедливо.

В 1764 году она начинает путешествовать по России. И хотя эти поездки были сравнительно небольшими (Ростов, Ярославль, затем Остзейский край, путешествие от Твери до Симбирска по Волге), Екатерина набралась впечатлений. Она путешествовала всегда весьма торжественно — с колоссальной свитой и с большой помпой, что не мешало ей безошибочно находить те главные и не всегда явные черты жизни нашего общества, которые давали ей богатую пищу для размышлений.

В это время она еще не была уверена в поддержке своего окружения. В 1764 году был заговор Мировича — офицера, который вместе со своим приятелем пытался освободить из Шлиссельбургской крепости несчастного императора Ивана Антоновича. Он не знал, что Иван Антонович был психически ненормальным человеком и что охрана имеет строжайшую инструкцию убить узника при попытке его освобождения, что и было исполнено. Мирович был казнен.

{32}

3. Государственная деятельность Екатерины II

Постепенно Екатерина разобралась в делах и начала делать верные шаги. Сначала она реформировала Сенат, претендовавший на власть. По совету Панина она мягко разделила его на шесть департаментов, достаточно точно и четко очертив круг занятий каждого.

Затем последовала такая разумная мера, как генеральное межевание. Оно было начато еще при Елизавете, но не доведено до конца. Генеральное межевание — это просто наведение порядка в землепользовании. Суды были завалены тяжбами помещиков, которые претендовали на земли друг друга и распоряжались ими в духе Ноздрева, который так пытался объяснить Чичикову, где находится граница его земли: «Вон там до столба — это все мое, а там, после столба — тоже мое». Екатерина сумела навести здесь порядок, в результате сократилась чересполосица, уменьшилось количество тяжб. С этого она начала.

4. Секуляризация церковных земель

Она провела секуляризацию церковных земель (1764 год). К этому времени Русская Православная Церковь распоряжалась колоссальным количеством земель, на которых

проживало около миллиона крепостных крестьян. У нас любят говорить на эту тему, особенно в связи с делом митрополита Арсения Мациевича.

Митрополит Арсений — замечательный человек, очень искренний, считал (об этом пишет Карташев), что права Церкви на земли священны, что права эти носят какой-то канонический характер, тогда как на самом деле этого никогда не было. Поэтому он рассматривал с канонической точки зрения то, что не подлежало канонической оценке, и протестовал исходя из этого. Он не преследовал каких-то личных целей, не плел интриг. Он полагал, что выступает за дело Церкви. Церковь же распоряжалась имуществом абсолютно самовластно и, как это ни печально, не всегда удачно — земли зачастую плохо обрабатывались, имели место волнения крестьян, а главное, эти земли были исключены из экономического оборота страны.

Находясь в чрезвычайно тяжелом положении вследствие экономической разрухи, которую оставила ей Елизавета, Екатерина считала необходимым включить эти земли в оборот. Они были изъяты из церковного владения и отданы в ведомство коллегии экономии. Крестьяне получили название экономических, при этом тем из них, кто владел какой-то собственной землей, эта земля была оставлена, что, как считают исследователи, мгновенно привело к уменьшению количества бунтов на этих землях. То есть фактически эти крестьяне перешли в разряд государственных.

Митрополит был лишен сана и заключен в тюрьму под оскорбительным чужим именем, где и умер спустя много лет в страшных мучениях

5. «Наказ» Уложенной комиссии

Дальше надо переходить к вопросу о так называемом Наказе. Разбираясь с Сенатом, Екатерина очень быстро поняла, что у нас в стране последним регулярным законодательством было Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Она также поняла, что с той поры было издано несколько тысяч законов, в которых разобраться никто не в состоянии. Суды за взятку решали дело в пользу того, кто больше даст, многие законы были написаны неясно, они плохо понимались и противоречили друг другу. Что-то надо было предпринимать.

Один путь здесь был — просто избрать комиссию, которая бы навела порядок в законодательстве: классифицировала все законы, разобрала их по группам, устранила противоречия, отменила явную бессмыслицу, сократила ненужное — короче говоря, кодифицировала бы все это. В свое время этим путем пошла знаменитая Комиссия по составлению Соборного уложения, когда пять человек во главе с князем Одоевским именно так и поступили. Они рассмотрели все, что было в наличии, все разобрали, свели воедино, устранив противоречия, ясно изложили, добавили самое необходимое — и получился замечательный кодекс.

Это был путь, по которому могла бы пойти и Екатерина, но у нее не было ни одного подходящего для этого юриста. (При Елизавете тоже думали о составлении нового Уложения, но дальше пожелания и назначения депутатов в комиссию дело не двинулось.) Этим путем Екатерина не пошла. Человек эпохи просвещения, она сочла нужным создавать законы заново. Вероятно, происходило это по молодости лет, а может быть, на

нее действительно влияла западноевропейская культура (в то время все ищущие умы зачитывались Монтескье, и Екатерина его тоже читала, причем очень основательно). И вот на третий год своего царствования она засела за работу над произведением, которое получило название Наказа для Комиссии по составлению нового уложения. Это было своеобразное напутствие депутатам, своеобразная подготовительная работа. На основании этого Наказа депутаты должны были работать над новым Уложением.

Трудилась она около двух лет в поте лица, прочитав груды литературы. Но при этом вся ее работа свелась к тому, что она выписывала целые страницы из того же Монтескье, тщательно законспектировала трактат о преступлениях итальянца Беккариа, который тогда только что появился, читала немецких публицистов, которые писали о естественном праве и управлении государством. Сама она впоследствии очень точно оценивала свою работу. Посылая Фридриху немецкий перевод своего труда, она писала:

«Вы увидите, что я, как ворона в басне, нарядилась в павлиньи перья. В этом сочинении мне принадлежит лишь расположение материала да кое-где одна строчка, одно слово». Это правда: в некоторых случаях идет сплошной текст, выписанный из того или иного произведения, а ей принадлежит только заголовок. Это не были законы — это были пожелания самодержавной русской императрицы той комиссии, которая начнет работу над этими законами. В Наказе 600 с лишним статей, которые разделены на 20 глав, плюс две дополнительные. Называются эти главы весьма интересно: «О самодержавной власти в России и о подчиненных органах управления», «О хранилище законов» (т. е. о Сенате), «О состоянии всех, в государстве живущих» (о равенстве и свободе граждан), «О законах вообще», «О законах подробно» {33} (о согласовании наказаний с преступлениями), «О наказании» (Екатерина особенно следила за их умеренностью), «О производстве суда вообще», «Об обряде криминального суда» (уголовное право и судопроизводство), «О крепостном состоянии», «О размножении народа в государстве», «О рукоделии» (о ремеслах и торговле), «О воспитании», «О дворянстве», «О среднем роде людей» (о третьем сословии). «О городах», «О наследствах», «О составлении и слоге законов». В последней, двадцатой главе речь идет о разных статьях, требующих изъяснения (о суде за оскорбление ее величества т. е. о государственном преступлении, о чрезвычайных судах, о веротерпимости, о признаках падения и разрушения государства). В двух дополнительных главах речь идет о благочинии, или о полиции, и о государственной экономии, т. е. о доходах и расходах.

Мы видим, что это действительно весьма обширный труд. По мере того, как появлялись различные части ее произведения, Екатерина, будучи человеком очень практичным, давала их на прочтение близким ей людям — Панину и ряду других государственных деятелей. Панин отозвался обо всем этом очень дипломатично и вместе с тем высокопарно, сказав, что это аксиомы, способные опрокинуть стены. А дальше Екатерина нарвалась на жесточайшую критику. Критиковали в особенности — за статьи, касавшиеся положения крестьян в России. Екатерина в Наказе писала о необходимости освобождения крестьян. Говорят, что она это писала просто из риторических побуждений, но это не так — она была все же европейским человеком. Однако благородное российское дворянство отнюдь не собиралось лишаться источника средств к существованию и жизненного благополучия.

Екатерина стала вносить поправки. Печатный вариант Наказа — приблизительно четверть того, что она написала. Но все равно она считала, что это ее политическое завещание, политическая исповедь, и была очень довольна тем, что она ее написала. Вместе с тем она извлекла урок, что при всем желании вопроса о положении крестьян она решить не

сможет, а следовательно, и не будет. В этом отношении она очень точно следовала поговорке о том, что политика — это искусство возможного.

Наказ — весьма любопытный документ. Это отражение общего состояния эпохи, и в то же время это отражение личных взглядов императрицы и тех взглядов, которые исповедовало ее окружение. При том что Наказ остался именно наказом и ничем иным, он представляет собой очень интересный и важный документ, потому что с него начинается определенное развитие умонастроений в нашей стране.

6. «Наказ» Уложенной комиссии

В 1767 году произошли выборы. Екатерина хотела, чтобы в большой Комиссии по составлению нового уложения были представлены абсолютно все категории населения, кроме, естественно, крепостных. Посадские жители могли попасть туда только в результате трехстепенных выборов, тогда как дворянство посылало своих представителей напрямую. Были здесь и свои несовершенства — какие-то заштатные городки имели право послать одного депутата, и Москва послала тоже одного депутата, хотя, конечно, какой-нибудь город Буй Костромской губернии и Москва — это все-таки разница.

Ключевский дает состав депутатов комиссии в процентном отношении. Это довольно любопытно. От правительственных учреждений — около 5 процентов (то есть в основном лица чиновные), дворянство — 30 процентов, города — 39, сельские обыватели — 14 процентов (государственные крестьяне и однодворцы), казаки, инородцы и остальные классы и сословия 12 процентов. Всего было избрано 564 депутата.

Каждый из них должен был привезти наказ от своих избирателей. Доходило до анекдотов: один архангельский крестьянин привез несколько сот наказов, тщательнейшим образом обойдя все погосты и деревни, которые он должен был представлять. Другие сводили нечто подобное воедино. Но все равно: при том, что депутатов было полтысячи, наказов оказалось полторы тысячи.

Чрезвычайно торжественно, с большой помпой были открыты заседания тронной речью императрицы в Грановитой палате. Век был сентиментальный, депутаты плакали, слушая речь матушки государыни, и попытались тут же поднести ей самые потрясающие титулы.

«30 июля 1767 года Екатерина открыла Комиссию нового уложения торжественным приемом в Кремле, куда она прибыла из Головинского дворца церемониальным поездом с гофмаршальскими жезлами, скороходами, статс-дамами и прочими величавыми украшениями, какие придумал век формулярных чувств и символического мышления». Ей поднесли титулы Великой, Премудрой, Матери отечества. Екатерина в изящном личном ответе депутатам и не приняла, и не отклонила поднесенного титула, а в записочке маршалу (руководителю всего собрания) как будто даже выразила досаду на депутатов: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам».

Трудно было себе представить, как будет работать такая толпа разношерстных и разномастных депутатов, поэтому довольно быстро была предпринята попытка разделить их на комиссии: дирекционная (имевшая исполнительную власть; она же имела право

учреждать частные кодификационные комиссии по конкретным вопросам); экспедиционная комиссия (редакторская работа); подготовительная комиссия (она должна была прочитывать указы с мест, сводить их воедино и представлять дальше). Все возглавлял маршал собрания. Комиссия большая, где работали все, просуществовала весьма недолго: уже в декабре она была переведена в Петербург, в феврале начала работу, а еще год спустя, осенью 1768 года, Комиссия по составлению Уложения была вообще закрыта под предлогом войны с Турцией, куда многие депутаты должны были отправиться в качестве офицеров. Частные комиссии проработали еще много лет.

За время своей деятельности комиссия провела 203 заседания, не решив практически ни одного вопроса. Почему? Я бы порекомендовал вам одну забавную книжку, которую написал английский писатель {34} Паркинсон. Она так и называется: «Закон Паркинсона». Никакого отношения к медицине это сочинение не имеет, там идет речь, если хотите, о болезнях системы управления. Остроумный англичанин в очень веселой форме дает понять, на что обречена любая комиссия, любой съезд, любое собрание, если там слишком много депутатов. На исторических фактах, выводя шуточные алгебраические формулы, он доказывает, что оптимальный состав любой комиссии не должен превышать 21 человека. Чем меньше кабинет министров, чем меньше тот или иной штат, коллегия или министерство, тем лучше, тем скорее будут решены дела. Оптимальный вариант — человек девять. Становится понятно, почему приказ князя Одоевского из пяти человек так быстро и толково составил Соборное уложение 1649 года и почему комиссия Екатерины, в сто раз большая, не составила ничего.

Психологически это вполне объяснимо: сколько можно посадить за один стол людей, чтобы беседа была общей? Если больше 20, то начинается групповщина: на одном конце стола говорят об одном, на другом — о другом. Не случайно все парламенты и думы тут же делятся на небольшие палаты и комиссии, потому что иначе решить ничего нельзя.

Екатерина прекратила заседания комиссии по следующим причинам. По стране пошли слухи среди крестьян о том, что-де хотят дать какие-то законы, какую-то волю, но доброй императрице не дают это сделать. Количество волнений стало увеличиваться. Этого Екатерина не желала совсем. Во-вторых, она поняла, что это собрание ничего решить не может. Она не стала этого афишировать, а коль скоро началась война с Турцией, воспользовалась благовидным предлогом для того, чтобы все это прекратить. Но при этом она вовсе не собиралась забывать то, что было сделано этой комиссией. Позже, обсуждая с Потемкиным те или иные государственные преобразования или указы, она постоянно пользовалась материалами, которые были наработаны, в первую очередь указами с мест. То есть практическое значение их было достаточно серьезно.

7. Губернии

Екатерина издала три наиболее, пожалуй, известных закона: новое губернское учреждение России, жалованная грамота дворянству и городам. Губернское учреждение появилось в 1775 году. При Елизавете у нас было 20 губерний, а теперь в России должно было появиться 50 губерний. Это было очень разумно. При этом старались положить в основу не территорию, хотя, учитывалось, естественно, местоположение тех или иных территорий, проживание того или иного населения. Основным принципом была плотность населения. В губернии должно было быть примерно от 300 до 400 тысяч человек. Поэтому

Московская губерния оказалась по площади небольшой, а Архангельская — чудовищных размеров.

Затем Екатерина, как ей казалось, весьма четко провела реформу губернских учреждений. Во главе стоял губернатор с колоссальными правами. Фактически он имел мало чем ограниченную власть в губернии, он докладывал в Сенате и имел право личного доклада императрице. Губернии делились на уезды. До Екатерины они делились на провинции, а провинции — на уезды. Уезды должны были быть небольшими — 20–30 тысяч человек в каждом. Следовательно, все губернские учреждения были двух уровней: губернские и уездные.

Здесь очень четко был проведен сословный принцип. Помимо Казенной палаты, которая ведала финансами, помимо губернского управления (т. е. аппарата самого губернатора), была система судов дворянских, городских и крестьянских, система благотворительных учреждений (сиротские дома, или дворянская опека).

В Наказе Екатерина говорила о разделении властей: законодательная власть должна быть сама по себе, исполнительная — сама по себе, а судебная — сама по себе. Здесь это, в принципе, прослеживается. Но поскольку губернатор имел абсолютную власть, на практике все выходило несколько иначе. Кроме того, решить проблему, скажем, суда между посадским человеком и дворянином было непросто. Был еще совестный суд — прообраз будущего мирового. В учебниках об этом написано достаточно подробно. Добавлю лишь, что вся эта система, на бумаге казавшаяся стройной, на деле была малоэффективной и порядка прибавила не много. Злоупотребления продолжали копиться, и на протяжении первой половины 19 века русский суд и русские губернские учреждения ничего приятного из себя не представляли. Настоящая реформа, настоящее исправление этого положения начинается только при Александре II.

То, что представлял собой суд при Екатерине, можно представить себе, прочитав «Дубровского», где речь идет о суде Троекурова с Дубровским, когда за соответствующую мзду можно было отсудить у бедного дворянина все его поместье, не имея к этому никаких оснований, никаких документов, а просто занимая определенное общественное положение и имея деньги. Пушкин ничего не придумал, он хорошо знал, что тогда творилось.

8. Жалованные грамоты дворянству и городам

Затем — жалованная грамота дворянству и городам (1785 год). Эта грамота сводила в единое сословие российского благородного дворянства и русское, и остзейское, и украинское, и белорусское дворянство. Оно становилось однородным и получало одинаковые привилегии и права. Оно избавлялось от телесного наказания, получало исключительное право владеть крепостными, освобождалось от обязанностей государственной службы. То есть подтверждался закон Петра III.

Самоуправление, которое было дано дворянам, сводилось к тому, что опять вводились уездные и губернские дворянские собрания. Это были законодательные представительные учреждения, которые выбирали, соответственно, исполнительные органы. В уезде это был капитан-исправник со своими помощниками, а в губернии был другой орган. Были

уездные предводители дворянства, были губернские предводители дворянства. Раз в три года они собирались, устраивали невероятные пиры, говорили о чем угодно. Один французский путешественник, побывав на подобном мероприятии, пришел к выводу, что {35} очень скоро в России произойдет что-то подобное Французской революции, потому что говорились самые невероятные вещи. Однако это никому не мешало.

Дворяне получили вкус к такому управлению, стали очень монолитными, стали говорить о своих правах, но они не имели никакой реальной власти. В тот период их это устраивало.

Что касается жалованной грамоты городам, то по этой грамоте население городов делилось на 6 разрядов:

настоящие обыватели (те, кто владел домом и землей в городе);

купечество;

ремесленники цеховые;

именитые граждане (сюда попадали автоматически все те, кто дважды проходил по выборам в соответствующие учреждения, плюс лица свободных профессий, а также судовладельцы, банкиры; это немного похоже на соответствующие права горожан при Петре);

посадские (граждане, не входившие в вышперечисленные категории);

иностранцы и иногородние гости, которые живут в данном городе постоянно.

Купцы делились на гильдии. 3-я гильдия — самая слабая, туда вступали купцы, имевшие капитал от 1 до 5 тысяч рублей. Сейчас это звучит странно, но в те времена годовой оклад чиновника был несколько десятков рублей. 2-я гильдия — от 5 до 10 тысяч; 1-я гильдия — от 10 до 50 тысяч рублей.

Для того, чтобы в выборные губернские учреждения не попадал люд недостойный, посадские люди или ремесленники получали право участвовать в выборах, только если они обладали капиталом в 6 тысяч рублей, а быть выбранным мог только человек с капиталом не менее 5 тысяч. Поэтому естественным следствием было то, что в выборных городских учреждениях общей и так называемой шестигласной думы (общая дума — это своеобразное законодательное учреждение, а шестигласная дума — исполнительное, от шести сословий) были в основном купцы и дворянство.

Екатерина этой грамотой пыталась оживить торгово-финансовую жизнь в городах. Что-то ей удалось, но немного. При этом купцы освобождались от телесных наказаний и от службы в армии. И если все-таки на кого-то из них падала чередой отправляться в рекруты, то он совершенно законно подставлял вместо себя приобретенного крестьянина.

Здесь мы, бесспорно, видим влияние Европы, желание как-то упорядочить жизнь, стремление рационально решить ее самые наболевшие вопросы. Но один вопрос, который, собственно говоря, держал все — вопрос о крепостном праве — Екатерина не решила вообще. Следовательно, все остальные вопросы, производные от этого, она могла решить только частично.

Сейчас наметилась такая тенденция — считать, что в некотором роде крепостное право было для нас просто благодетельным. Конечно, это не так. Но надо понимать, как оно возникло, знать его историю и представлять трансформацию, эволюцию. Надо понять роль и значение этого явления в разные эпохи нашей жизни.

Лекция 8

_1. — Систематизация внешней политики Екатерины II. 2. — Россия и Польша. 3. — Разделы Польши и начало Русско-турецкой войны. 4. — 1-я Русско-турецкая война. 5. — 2-й раздел Польши. 6. — Пугачевский бунт. 7. — Завершение 1-й Русско-турецкой войны. 8. — Русская дипломатия 80-х XVIII в. 9. — Присоединение Крыма.

Внешняя политика Екатерины II — тема очень большая и непростая. Из любого курса истории известно, что Екатерина присоединила Крым, разгромила Турцию и присоединила Польшу. Конечно, нам придется говорить обо всем этом, но простое перечисление фактов не дает представления о том, как разворачивалась внешняя политика России на протяжении ее весьма долгого царствования.

1. Систематизация внешней политики Екатерины II

Когда Екатерина получила трон, она увидела, что внешняя политика России была определенным анахронизмом. В ней не было никакой четкой системы, поскольку все предыдущие монархи кроили ее в зависимости от своих прихотей, и на протяжении многих лет после смерти Петра реального прогресса не было. Коль скоро недавно была Семилетняя война, в которой Россия завоевала и присоединила к себе Восточную Пруссию (а Петр III тут же вернул ее обратно Пруссии), Екатерина сочла, что в данной ситуации начинать войну нет никаких оснований и вместе с тем сохранять какие-то неопределенные отношения с Пруссией тоже нет причин. Поэтому вскоре, в 1764 году, был заключен вполне выгодный мир, по которому обе стороны гарантировали друг другу общие границы. Затем последовал мирный договор с Данией, что обеспечивало проход русских кораблей через Датские проливы, а в 1766 году последовал договор с Англией, которая в этот момент нам вполне симпатизировала и являлась вполне естественным для нас партнером: делить с Англией было нечего, а Россия представлялась для Англии очень выгодным партнером, от которого можно было получать необходимые сырье, в первую очередь лес (потом, как известно, начался вывоз и пшеницы). Одновременно Россия представляла собой необъятный рынок для сбыта английских товаров.

Отчасти эти договоры укладываются в так называемую «Северную систему», которую пытался осуществить граф Никита Иванович Панин, длительное время возглавлявший российскую внешнюю политику. У Панина, человека старой дипломатической школы, была следующая концепция: северные государства (Швеция, Дания, Пруссия, Россия, Польша) должны объединиться и заключить соответствующий {36} союз, таким образом

обеспечив себе мир и активное влияние на Европу. Против этого союза была Пруссия, и из «Северной системы» ничего не получилось, хотя отдельные договоры были заключены. В это время уже совершенно однозначно обнаружилась слабость Польши как государства, и прусский король Фридрих II (или, как немцы его называют, Фридрих Великий), видя слабость своей соседки, уже заранее готовил проекты захвата части польских земель или даже политического расчленения всей Польши между Пруссией и другими государствами. Эта мысль была не нова, впервые ее высказывали еще в окружении Петра I при его жизни.

2. Россия и Польша

XVIII век — время страшной деградации польской государственности. Польша управлялась по очень своеобразной системе, очень своеобразным традициям. С одной стороны, это была монархия, а с другой — шляхетская республика. С одной стороны, она как будто гарантировала права личности, а с другой — именно в Польше существовало совершенно невозможное отношение к тем, кто имел несчастье быть не католиком. В первую очередь это касалось православного населения Украины и Белоруссии.

Чтобы понять польскую политическую систему, нужно помнить, что после смерти очередного короля начинался процесс выборов следующего, т. е. трон не переходил по наследству. Нужно было собирать сеймы, выбирать депутатов на общий сейм, так что при наличии свободлюбивых традиций выборы происходили весьма бурно. Известны случаи, когда польские депутаты в некоторых сеймах голосовали в конном строю с саблями наголо, чтобы тут же решить политические проблемы, которые могли возникнуть между оппонентами. Польская политическая система имела одну удивительную особенность: право свободного вето. Если на общем сейме хотя бы один депутат высказывался против, то из уважения к личным свободам нельзя было оказывать на него давление, — следовательно, и выбрать никого было нельзя. Это звучит странно, но так было. Кроме того, гарантировалось, что недовольные исходом голосования депутаты могут учредить конфедерацию и выступить против тех, кто одержал хотя бы какой-то политический перевес, вплоть до вооруженного сопротивления. Подобная политическая система, естественно, не способствовала стабильности польского государства. А то, что депутатов в короли искали повсюду (были саксонские курфюрсты, были ставленники Франции и России, были люди из самой Польши), привело к тому, что после смерти в 1763 году короля Августа III Польша погрузилась в пучину выборов, сеймов и т. п.

Традиционно в Польше значительная часть населения симпатизировала Франции (в польской истории были короли из французского королевского дома). Некоторые, наоборот, стремились заручиться поддержкой России. Екатерина в данном случае смотрела на вещи прагматически и желала, чтобы в Польше был король, который был бы дружественным для России. Екатерина исходила из русских интересов, и ее политика в этом вопросе была вполне национальной.

Таким человеком оказался Станислав Понятовский, бывший посланник Польши при русском дворе, бывший очень недолгое время фаворитом Екатерины. Он отличался красотой и, видимо, не очень большими способностями. Именно его наметила Екатерина в польские короли, поскольку прекрасно понимала, что он — не тот человек, который может придумать что-либо неординарное. Под непосредственным давлением России Станислав Понятовский был выбран в 1764 году польским королем.

Коль скоро он стал королем, вполне дружественным России, то Россия тут же поставила вопрос, поддержанный и некоторыми другими странами, о так называемых диссидентах. В Польше диссидентами называли тех, кто был не католиком — в основном белорусов и украинцев. Когда-то, в XVII веке, они добивались для себя прав, которые были у католиков; эти права то давали, то тут же отбирали, и несмотря на настоятельные требования, они никогда не были реализованы. И здесь вопрос был вновь поставлен, поскольку они находились в явно неравноправном положении. Чтобы польский сейм мог быстрее решить эту проблему, в Польшу были введены русские войска — для порядка. Сейм, естественно, уравнивал права диссидентов с правами остальных граждан Польского королевства. Тут же возникла конфедерация: в Подолии, в местечке Бар (местечко — это нечто среднее между селом и городком), собрались шляхтичи, недовольные решениями сейма и Станиславом Понятовским, провозгласили конфедерацию и выступили небольшими вооруженными силами против короля. Станислав Понятовский и в самом деле был человеком, мыслящим весьма прямолинейно: он тут же обратился к России за помощью.

С другой стороны, коль скоро диссиденты были уравнены в правах, значит, католики Польши, где националистические тенденции всегда были достаточно сильны, начали гонения на не католиков. На православное население части Украины и Белоруссии в составе Польши посыпались всякие несчастья, ужасы, гонения вплоть до насилий и убийств. Тут же вспыхнуло восстание, которое у нас иногда называют гайдаматчиной. Гайдамак — это украинский бунтарь против Польши. Восстание носило все классические черты гражданской войны, помноженные на религиозную и национальную рознь. Жестокостей было с лихвой с обеих сторон. Если поляки старались вырезать бунтующих украинцев, то те щедро давали сдачи. Началось такое, что польские паны, имевшие огромные имения на Правобережной Украине, сами обратились к Екатерине с просьбой потушить этот пожар. Что и было сделано: русские войска, которые, правда, уже были в Польше, подавили это восстание. Один из вожаков был выдан полякам, и они его казнили после жесточайших пыток, а другой был отправлен в Сибирь.

3. Разделы Польши и начало Русско-турецкой войны

Для того, чтобы отвлечь Россию от Польши, требовались какие-то экстраординарные меры. Пруссия имела в Польше свой интерес и готова была не захватывать всю Польшу, а удовлетвориться значительной ее частью. Но интересы России в Польше не устраивали и ряд других стран, в частности, Австрию, {36} которая тоже была не прочь поживиться за чужой счет. В Турции началась антирусская агитация, турецкого султана стали подталкивать к войне с Россией, и в 1768 году султан, наконец, решился: ни с того ни с сего турки потребовали вывода русских войск из Польши (своеобразный политический демарш), а затем, в лучших традициях султаната, русское посольство было арестовано и посажено в тюрьму.

4. 1-я Русско-турецкая война

Война началась, но воевать пришлось не сразу, потому что войска были далеко. Тогда не было ни поездов, ни автотранспорта, войска должны были идти пешком, их надо было собирать из разных точек огромной страны, да и турки тоже раскачивались довольно медленно. Но все-таки постепенно русская военная машина закрутилась. В 1770 году пришли первые победы. Русская армия, которая действовала в Молдавии, не была очень большой, но командовал ею Петр Александрович Румянцев — генерал, про которого говорили, что он незаконный сын Петра Великого. Он этого никогда не опровергал, и может быть, так оно и было, тем более что и в характере этого полководца, и в его внешности зачастую находили немало сходного с императором. Имея силы, значительно уступавшие силам турок, в двух сражениях в Бессарабии (при Ларге и Кагуле) он наголову разгромил турецкую армию. Строго говоря, эти сражения решили исход кампании, потому что после этого он уже перенес свои действия за Дунай, на южный его берег, что впоследствии отразилось на титуле, который он получил: он стал называться граф Румянцев-Задунайский. Екатерина щедро награждала своих полководцев и оказывала им большие почести.

В 1769 году из Кронштадта вышла не очень большая эскадра, которой предстояло пройти всю Балтику, Датские проливы, Северное море, Ла-Манш, Бискайский залив, пройти через Гибралтар в Средиземное море, найти там турецкий флот и уничтожить его. Задача была, прямо скажем, почти невыполнимой, учитывая скверное состояние нашего флота в материальной его части. Ни Анна Иоанновна, ни Елизавета флотом не интересовались, он гнил в Финском заливе, поэтому, когда пришло время отправлять эскадру, она была отнюдь не в блестящем состоянии. Но вел ее замечательный русский адмирал Спиридов, а в Италии должен был возглавить эскадру и повести ее в бой Алексей Орлов, брат знаменитого фаворита Екатерины Григория Орлова. Орлов не был моряком, но обладал несокрушимой волей, а Спиридов был прекрасным флотоводцем. Он выполнил свою задачу и, несмотря на чрезвычайно тяжелое (вследствие непогоды и плохого состояния флота) плавание, сумел привести русскую эскадру в средиземноморские воды.

В Хиосском проливе в Эгейском море произошла встреча этой эскадры с турецким флотом (26 июля 1760 года). В бою, который продолжался, по некоторым сведениям, около двух часов, взлетел на воздух турецкий флагман, но и русский флагманский корабль тоже был взорван турками. Спиридов чудом уцелел, поскольку успел с объятых пламенем корабля спуститься в шлюпку буквально за несколько минут до взрыва. Турки, напуганные гибелью своего флагмана, отступили в Чесменский залив под защиту своих береговых батарей.

Наступила ночь, и тут разыгралось действие, которое у нас называется Чесменской битвой, Чесменским сражением, или просто Чесмой. В самое глухое время ночи, в час или в два, на турецкие корабли пошли русские брандеры — небольшие корабли, набитые горючими веществами. Командовал каждым из них моряк в чине лейтенанта, на корабле было только несколько матросов; задача была — подойти к турецкому кораблю, пришвартоваться, поджечь фитили, ведущие к бочкам с порохом, и спастись как можно быстрее. Лейтенант Ильин сумел зажечь самый крупный 84-пушечный корабль турок, который взлетел на воздух. Сам Ильин со своей командой сумел вовремя отойти. После этого на очень короткое расстояние подошла русская эскадра, которая в течение часа разнесла в пух и прах всю турецкую эскадру. В Чесменском бою погибли 11 русских моряков, турки же потеряли около 10 тысяч человек. Спиридов получил орден Андрея Первозванного, Орлов вернулся в Петербург и стал графом Орловым-Чесменским. В Царском Селе был воздвигнут обелиск в память о Чесменском бое, который стоит и по сей день. А 20 островов архипелага в Эгейском море признали русское подданство. Русский

флот получил первоклассную базу и перекрыл всю торговлю для Турции в Средиземном море. Тогда турки поняли, что пустились в авантюру.

5. 2-й раздел Польши

Итак, все для нас развивалось хорошо и можно было бы прижать турок гораздо сильнее, но в это время прусский король решил, что пора действовать и поставил польский вопрос ребром. Он точно рассчитал, что русские войска на юге, и Екатерине пришлось пойти на условия Фридриха II.

В 1772 году был поставлен вопрос перед сеймом, а на следующий год сейм утвердил раздел страны следующим образом: Пруссия получала все польское Поморье и часть Великой Польши; Австрия получала Галицию, а Россия получала не польские земли, а Полоцкую, Витебскую и часть Минских земель. Этнически народ, который теперь входил в состав России, никогда не был польским, и это очень важно.

6. Пугачевский бунт

В 1773 году вспыхнул Пугачевский бунт. Когда говорят о Пугачеве, то иногда высказывают следующее мнение (не стану утверждать, что очень авторитетное, но все же о нем следует знать): Пугачев, донской казак, сражавшийся в Семилетней войне, был связан со старообрядцами, успел побывать на турецкой войне, потом какое-то время пробыл в Польше, а затем оказался в уральских степях и поднял восстание среди уральских казаков. С одной стороны, восстание имело объективные причины, принимая во внимание злоупотребления царских чиновников в Поволжье, где уже крепостили крестьян новоявленные помещики. Масла в огонь подлили слухи о якобы готовящихся в Петербурге решениях, направленных против простого народа. С другой стороны, получается, что Пугачев, строго говоря, — это еще один классический самозванец (он объявил себя императором Петром Федоровичем), а самозванцы у нас начались еще в XVII веке: все они, как известно, шли из Польши. И Пугачев успел побывать в Польше после {38} того, как участвовал в войне с Турцией. Конечно, очень заманчиво видеть в нем этакоегo эмиссара чужой державы, а если учесть, что восстание началось в тот момент, когда Россия вела войну с внешним врагом, то это в любом случае был удар в спину. Впрочем, нет никаких документов, которые говорили бы о том, что Пугачев был польским шпионом.

И вот, запыхавший чудовищный Пугачевский бунт, достигший своего апогея в попытке взятия Казани (город был выжжен дотла, за исключением Казанского кремля). Сопровождался он чудовищными жертвами, и Екатерине, которая сначала полагала, что все это можно уладить какими-то местными силами, пришлось отзывать регулярные войска. Кончилось тем, что Суворов, в это время уже весьма известный, был послан в степи на поимку Пугачева. В конце концов его пленили его собственные старшины, но именно Суворов конвоировал его до сдачи в следственную комиссию.

В 1775 году Емельян Иванович на Болотной площади закончил свою земную жизнь («заслужил свои вины»), а Екатерина сразу же после подавления восстания издала знаменитое «Учреждение губерний».

7. Завершение 1-й Русско-турецкой войны

В такой обстановке, когда нужно было делиться с Фридрихом и укрощать Пугачева, продолжалась Турецкая война. И тут стало ясно, что ее можно, пожалуй, кончить. В деревеньке Кучук-Кайнарджи на южном берегу Дуная (на территории противника) Румянцев подписал с турками договор летом 1774 года, по которому России отходил весь берег Черного моря от Днепра до Буга, а также крепость Кинбурн, которая сторожила Днепровский лиман. К России отходила территория, ограниченная Азовом и Керчью, а также крепость Еникале на крымском берегу Керченского пролива. Таким образом, фактически Азовское море становилось внутренним, а выход из Азовского в Черное море уже контролировался Россией. Но Крым (при том, что он был занят русскими войсками) не был присоединен — он просто получил полную независимость от Турции, как и все дикие орды, которые кочевали в Причерноморских степях.

Произошло это не потому, что мы не могли претендовать на большее, а потому, что нужно было срочно подписать мир, и это представляется родом компромисса. Совершенно очевидно, что Екатерина не собиралась останавливаться на достигнутом, и это можно расценивать как первый этап русско-турецких отношений того времени, и действительно, мы знаем, что войн с турками было две. Итак, остается добавить, что Россия получила Большую и Малую Кабарду на Северном Кавказе.

После заключения Кучук-Кайнарджийского мира ситуация резко меняется. Россия выходит из войны отнюдь не ослабленной, она сумела выстоять в войне при дележе Польши и одновременно при Пугачевском восстании. В войне прошли серьезнейшие испытания русская армия и русский флот. Чесменское сражение — это первая чисто морская победа русского флота. (Сражение при Гангуте, в котором участвовал Петр I, выиграли русские галеры, а не линейные корабли, и шведская эскадра была не очень большой). Фактически сразу же начинается работа над подготовкой следующего этапа. Но это не значит, что не ведется дипломатическая работа, и она в этот момент очень любопытна. Перед Екатериной проблема: во-первых, Англия в это время начинает проявлять явно антирусские настроения, потому что она считает, что усиление России ей невыгодно. Русская деятельность в Средиземноморье возбуждает у этой морской державы определенные опасения. Англия давно считает Египет и Палестину зоной своих жизненных интересов, выражаясь современным языком, и присутствие русского флота в Средиземном море ее беспокоит. Во-вторых, Австрия постепенно отходит от антирусской политики и поворачивается к России лицом, поскольку считает, что ставить на Турцию в этой ситуации бессмысленно. Она получила в Галиции свое, и немало. Здесь следует отдать должное таланту дипломатов Екатерины.

8. Русская дипломатия 80-х XVIII в.

Дальше происходит некий казус. Разгорается война Англии с ее североамериканскими колониями. Колонии хотят стать независимыми от Английского королевства. В определенный момент английский король обращается к Екатерине с удивительной просьбой: он просит ссудить Англии известное число солдат, которых англичане перевезут в американские колонии, с тем чтобы русские мужики там выполнили свой «интернациональный долг». Екатерина, естественно, отвечает отказом. В это время Атлантический океан был наполнен английскими боевыми кораблями, арестовывающими, топящими, захватывающими все корабли, которые не прочь торговать с американскими колониями (это была очень выгодная торговля для всех).

И тогда Екатерина выступает со знаменитой Декларацией о морском вооруженном нейтралитете (1780 год). Декларация сводится к тому, что отныне всякое торговое нейтральное судно в том случае, если другое судно совершает на него вооруженное нападение, имеет право защищаться с применением оружия. Этот совершенно антианглийский документ возымел невероятный резонанс. Его тут же подписали Голландия, Дания, Швеция, Пруссия, Португалия — короче говоря, все те государства, которые имели хоть какой-то морской торговый интерес. И самое интересное, что все последующее морское международное право вышло из этой Декларации.

В том же году Екатерина в Могилеве встретила с австрийским императором Фридрихом II и заключила с ним союз — конечно, оборонительный — против Турции и Пруссии.

Но это еще не все, если говорить о русской внешнеполитической деятельности в этот период. Правда, следует подчеркнуть, что политика здесь шла все время рука об руку с войной, но, как известно, «война — это продолжение политики, только другими средствами». Президент Военной коллегии Григорий Александрович Потемкин, бывший Преображенский офицер, фаворит Екатерины, развивает кипучую деятельность по реформированию русской армии. Может показаться наивным то, что делается в это время, но это было колоссальным достижением. Во-первых, русские солдаты в южной армии получили {39} удобную форму: исчезли парики, букли, никому не нужные детали мундиров. Они получили простые штаны, простые куртки и удобные сапоги. Во-вторых, Потемкин старался всячески ограничить телесные наказания, что тоже было очень важно. Он стремился обеспечить армию неплохим оружием, наладить снабжение. Он же основал Черноморское адмиралтейство, он же явился инициатором строительства Черноморского флота. Короче, практически все дела на Юге России идут через Потемкина, который при этом является еще наместником Астраханским, Саратовским и т. д. Он очень быстро разглядел, кто такой Суворов, и приблизил его к себе.

Время это удивительное. Оно отчасти напоминает время Петра I. Здесь как будто все заново повторилось, только куда более размеренно, логично и энергично. Потемкин — фигура, о которой больше рассказывают анекдоты, чем представляют себе ее во всем многообразии. Он был родом из семьи небогатых смоленских помещиков, учился в семинарии и думал о духовной карьере. Затем учился в Московском университете, а потом начал службу в Преображенском полку и принял деятельное участие в перевороте 1762 года. Вскоре он стал фаворитом Екатерины, и когда отношения перешли определенную грань, он сказал, что не может их поддерживать, поскольку они с Екатериной не состоят в браке. Они тайно обвенчались. И хотя впоследствии, понимая, что Екатерину не переделать, он от нее отошел (если иметь в виду их личные отношения), но все, что касается государственных дел, он вел по-прежнему, а она делилась с ним абсолютно всеми проблемами. Когда он умер в Яссах (в поле, во время поездки),

Екатерина горько оплакивала его и говорила, что у нее больше никогда не будет такого помощника и человека, который бы так ее понимал.

Потемкин славился и богатством: в его имениях, по подсчетам некоторых экспертов, проживало до 200 тысяч душ. Он устраивал фантастические пиры, позволял себе безумную роскошь — например, мог надеть кафтан с бриллиантовыми пуговицами. Принимая иностранных послов, он мог залезть в карман за носовым платком, и при этом на пол сыпались бриллианты. Словом, обратить чье-то внимание на могущество России он умел.

Русский человек, Потемкин обладал неровным характером. Приверженность к вере и обрядам родной Православной Церкви сочеталась в нем с привычкой к кутежам. Временами на него находила хандра, и тогда он сутками валялся на диване, а адъютанты читали ему Псалтирь. Иногда во время какого-нибудь безумного пира, когда стол ломился от самых невероятных яств, он требовал принести ему его любимую еду — черный хлеб и чеснок.

Итак, Потемкин реформирует армию. В это же время вместе с секретарем Екатерины графом Безбородко (впоследствии — канцлер России, руководивший всей внешней политикой) он начинает разрабатывать так называемый «греческий проект», который вкратце сводился к следующему: после военного разгрома Турции надо восстановить Греческую империю со столицей в Константинополе. Коротко и ясно. С тех пор эта идея становится задушевной мечтой многих русских политиков — отголоски этого проекта у нас ощущались до 1914 года. Одно время она даже была близка к осуществлению: известно, что в период Балканской войны, которую вел Александр II, русские войска остановились, по одним сведениям, в семи, а по другим — в одиннадцати километрах от Константинополя. Русские офицеры (Скобелев в том числе) в период перемирия въезжали в Константинополь и присматривали места, откуда удобнее вводить войска.

Екатерине этот проект очень понравился. В это время великая княгиня Мария Федоровна, жена великого князя Павла Петровича, родила второго сына, которого не без умысла назвали Константином. Будущий монарх был готов — оставалось только предоставить ему трон. Учитывая, что греки были православными, да и основная масса всех других покоренных Турцией народов тоже была православной, особых проблем не предвиделось.

9. Присоединение Крыма

Все шло к войне, и она должна была начаться, но это особый разговор, потому что вместить все войны с Турцией и все разделы Польши в одну лекцию невозможно.

Крым был присоединен в период между войнами при следующих обстоятельствах. Потемкин все время в переписке торопил Екатерину начинать действия, потому что крымский хан был уже «подготовлен» — сами татары его не очень жаловали, поддержки от Турции он не имел. И вот в конце 1782 года в секретном рескрипте Екатерина повелевает Потемкину начать действовать. Очень скоро после этого, в 1783 году, Потемкин встречается с последним крымским ханом Шагин-гиреем. Это не был арест, не был переворот — это была именно встреча, после которой хан официально сложил с себя власть и выехал в Россию, с тем чтобы больше не возвращаться. Никто его не

арестовывал, не интернировал. Просто войска вошли в Крым, и татарское население в лице своих мурз присягнуло на верность Екатерине.

Потемкин получил титул князя Таврического (его называли «великолепный князь Тавриды»).

В 1784 году в Ахтиарской бухте, неподалеку от древнего греческого Корсуня, был основан город с греческим именем Севастополис, что в переводе означает «город славы». Это красивое название оказалось на редкость пророческим.

Первым ввел свои корабли в Ахтиарскую бухту будущий великий русский флотоводец и адмирал Федор Федорович Ушаков, он же начал возводить и первые временные постройки Севастополя. При этом базой русского флота был Николаев, где были основные верфи, где этот флот и строился.

На это же время приходится заключение Георгиевского трактата. Надо сказать, что восточная Грузия страдала от набегов персов, а другие части — от турецкой опасности. Если Абхазия, Имеретия, Аджария могли просто погибнуть, быть раздавленными Турцией, то Кахетия также испытывала постоянную угрозу {40} со стороны персов. И вот грузинский царь Ираклий II в маленьком городке Георгиевске подписал с Екатериной договор с очень интересным условием: он отказывался от себя лично, а также от лица своих потомков и преемников от политической независимости, предоставляя свою страну под полное покровительство Российской империи. Поразительная была это страна («тюрьма народов», по определению Ленина): в нее все время все просились. Теперь, как вы знаете, все попросились обратно наслаждаться свободой. На следующей лекции мы поговорим о второй войне, последующих разделах Польши и подведем итоги внешней политики Екатерины II.

Лекция 9

1. — Путешествие Екатерины II в Крым. 2. — 2-я Русско-турецкая война. 3. — Сухопутные действия. 4. — Морские сражения. 5. — Взятие Измаила. 6. — 3-й раздел Польши и его последствия.

Заканчивая обзор внешней политики России последнего периода царствования Екатерины, мы будем говорить о второй Русско-турецкой войне и о разделах Польши.

1. Путешествие Екатерины II в Крым

Совершенно очевидно, что турки не были довольны исходом первой русско-турецкой войны. Они потеряли Крым, российский флот появился на Черном море, русские войска чувствовали себя достаточно спокойно на левом берегу Днепра. Турки, естественно,

жаждали реванша. Англия ничего не имела против, если Турция опять начнет войну с Россией, Франция поддерживала ее в этом вопросе, такую же позицию занимала и Пруссия. У Пруссии был свой расчет: если Россия опять увязнет в турецком вопросе, то в решении всех проблем, связанных с Польшей, Пруссия получит значительный перевес.

Екатерина хорошо ориентировалась во внешнеполитических событиях и тонкостях европейской политики и предприняла в своем роде беспрецедентный шаг: весной 1787 года, отвечая на многочисленные приглашения Потемкина, она совершила свою знаменитую поездку в Крым. Поездка была устроена с невероятным размахом. Это было настоящее путешествие, в котором Екатерину сопровождал весь ее двор и весь дипломатический корпус. На встречу с русской императрицей приехал король Польши Станислав Понятовский, а в Херсон прибыл австрийский император Иосиф. На юге России были сосредоточены войска, предусматривались смотры. Таким образом, эта поездка была задумана как демонстрация мощи России, ее уверенности в себе во всех вопросах, связанных с русским Югом. И если говорить о деталях этой поездки, то следует отметить, что Екатерина действительно наблюдала военные смотры, самым важным из которых, в Кременчуге, командовал Суворов, показавший совершенно удивительную выучку войск. Екатерину здесь было трудно провести на мякине: насмотревшись в своей жизни на войска, она прекрасно умела отличить показуху от реальной силы. Она осмотрела также флот (по некоторым сведениям, Потемкин прибегнул здесь к эффектному приему: в одном из дворцов он подвел ее к занавешенному портьерой окну. Окно было внезапно раскрыто, и императрица увидела стоящие в бухте русские корабли, которые по сигналу стали отдавать ей салют). Она побывала в Крыму, оценила его климат, красоту природы и очень выгодное положение.

Во время бесконечных празднеств и увеселений родились анекдоты о «потемкинских деревнях». Из этих анекдотов следует, что якобы Потемкин в то время, когда императорские галеры стояли ночью на Днепре, приказывал перегонять огромные стада коров и быков с места на место ниже по течению. В нужных местах были развернуты какие-то декорации, имитирующие различные постройки. Екатерина все это созерцала со своей галеры и с берега, и вся эта показуха стала называться «потемкинской деревней». Это выражение прочно вошло в наш язык, но вся прелесть в том, что «потемкинских деревень», похоже, все-таки не было. Другое дело, что Потемкин надувал кое-где дипкорпус, но надувательство это носило все же характер дипломатического воздействия, а Екатерину он обманывать не собирался. Он прекрасно понимал, что все слабости и силу она знает не хуже него, и в своей переписке, касающейся самых разных вопросов — и строительства флота, и устройства армии, он никогда ей не лгал. Наоборот, писал предельно откровенно. Поэтому скрывать от нее истинное положение дел ему было совершенно не обязательно.

В Херсоне произошла одна знаменательная встреча. К генералу Суворову подошел незнакомый офицер, и, посмотрев на него, спросил, знает ли его Суворов. Генерал посмотрел на него, мгновенно вспомнил это лицо и шепотом, поскольку незнакомец хотел сохранить инкогнито, сказал: «Не знаю, но, говорят, вы император австрийский». В ответ он услышал: «А я уверен, что говорю с русским фельдмаршалом». В ту пору Суворов фельдмаршалом еще не был.

2. 2-я Русско-турецкая война

Готовясь к войне с Турцией, Екатерина сумела договориться с Австрией о военном союзе. Это был крупнейший внешнеполитический успех, потому что проблемы, которые предстояло решать, стали значительно проще. Австрия могла выставить довольно крупные силы, и таким образом Турция как бы заранее обрекалась на очень серьезное потрясение. Турки шли к войне совершенно откровенно, и если путешествие Екатерины состоялось в конце весны, то осенью турки в ультимативной форме потребовали, чтобы русские вывели свои войска из Бессарабии, а затем потребовали возвратить Крым и объявили войну.

Мы уже говорили о том, что России всегда нужна раскачка. В 1787 году особых событий не произошло. Более того: русский флот, которым тогда командовал Войнович, был рассеян во время бури. Некоторые корабли очень сильно пострадали; один из них был пригнан ветром прямо в Босфор и, естественно, был пленен турками. Потемкин невероятно болезненно переживал неудачу, впал в состояние {41} тяжелейшей хандры, писал о своем полнейшем отчаянии Екатерине, а она его ободряла. Она не очень обращала внимание на хандру «великолепного князя Тавриды», прекрасно понимая, что это пройдет и все постепенно станет на свои места.

3. Сухопутные действия

Поскольку русские не вели активных действий, турки решили их опередить и на Кинбурнской косе в лимане Днепра, вблизи небольшой крепости Кинбурн, которая как бы контролировала вход в Днепровский лиман, высадили десант. Русского флота рядом не оказалось, и они беспрепятственно высадили пехоту, немного кавалерии, артиллерию, которые находились под прикрытием корабельных пушек. Русские части, которые оказались в этом месте, были готовы к отражению неприятеля, но численного преимущества у них не было. Зато отрядом, который должен был противостоять турецкому десанту, командовал Александр Васильевич Суворов.

Кинбурнское дело — одно из первых в цепи невероятных удач русской армии того времени, и все они связаны с именем Суворова. Победа под Кинбурном была первой, которая показала, что собой представляет этот человек. Когда ему донесли, что турки высаживаются, он не предпринял ровным счетом ничего. Ему сказали, что надо действовать, а не выжидать, а он ответил, что чем больше их высадится, тем больше будет сброшено в море. Суворов знал что делал, хотя достаточно четко представлял себе трудности. Турки действительно высадили свой десант полностью и даже укрепились траншеями, которые во многих местах пересекли Кинбурнскую косу, но тут пробил час, и Суворов начал молниеносными атаками взламывать турецкие укрепления. Последовало несколько кровопролитнейших атак, он сам получил тяжелую рану, но турецкий десант был весь сброшен в море. Пленных было сравнительно мало, а добраться до родных турецких кораблей удалось очень немногим.

Это произвело сильнейшее впечатление на армию, которая в это время уже осаждала турецкую крепость Очаков, но здесь Потемкин вел дело сам. Замечательный организатор и политик, он был весьма посредственным главнокомандующим. Осадив Очаков, он не предпринимал решительного штурма, боясь понести большие потери, и тянул время. Солдаты мерли от эпидемий, плохого питания, погибали в вылазках и в отражении

турецких десантов. Суворов, командуя одним из флангов русских войск, совершенно откровенно высказывал свое недовольство такими принципами ведения войны и однажды попытался изменить ход осады. Когда турки позволили себе учинить особенно крупную вылазку, он попытался перестроить войска своего фланга и ворваться в Очаков на плечах турок. Суворов был тяжело ранен, его вынесли из боя. Потемкин, встревоженный происходящим, не догадался развить успех. Пытаясь восстановить очень шаткое, как ему казалось, положение, он отменил атаки турецкой крепости. На его запрос о здоровье Суворова тот ответил знаменитой шуточкой: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу». Потемкин болезненно воспринимал подобные остроты, и Суворову был тут же дан отпуск по болезни.

Со временем Очаков был взят. Штурм продолжался не больше часа, солдат погибло немного — значительно меньше, чем во время осады. Суворов же, восстановив отношения с Потемкиным, был командирован в Молдавию, где командовал всего-навсего дивизией, стоявшей в районе города Бырлад. Впереди, примерно в 50 километрах, стояли австрийские части.

В 1789 году происходит событие, которое вносит перелом в действия на суше. Турки, рассчитывая, что им противостоят сравнительно небольшие силы австрийцев, а русские находятся далеко, выдвинули вперед значительные силы, надеясь просто раздавить австрийский корпус. Командующий корпусом генерал принц Кобург послал эстафету Суворову, и тот, оставив половину солдат в Бырладе, с другой половиной в течение суток покрыл расстояние в 40 с лишним километров и присоединился к австрийцам. У деревни Фокшаны произошло кровопролитное сражение. Суворов принял на себя командование в этом бою, причем сделал это весьма оригинально. Когда русский отряд подошел к австрийскому, к штабу Суворова тут же подлетел австрийский офицер с приглашением прийти на совет к австрийскому генералу. В ответ он услышал от адъютанта, что генерал Суворов спит. Австриец не знал, что думать. Через некоторое время он появился опять, и ему сказали, что генерал Суворов молится Богу (что вполне могло быть правдой — Суворов действительно был очень набожен). Таким странным образом Суворов продолжал себя вести вплоть до глубокой ночи.

Составив план действий, он известил Кобурга запиской о том, что он выступает и предлагает ему присоединиться. Кобург был умный человек, он понял, что выяснение отношений лучше оставить на потом, и просто присоединился к отряду Суворова. В последующем бою, несмотря на преимущество в живой силе и артиллерии, турки были разбиты и отброшены.

Фокшанская битва не была переломной, но она показала реальные силы союзников, особенно когда ими командовал русский полководец. Суворов после этого вернулся со своим отрядом в Бырлад и стал там дожидаться развития событий, которое вскоре последовало.

Главные силы турецкой армии под командой великого визиря численностью более 100 тысяч человек двинулись вперед, на этот раз надеясь успеть задавить живой силой небольшой корпус австрийцев, которые стояли у реки Рымник. Кобург, командовавший корпусом, старался выиграть время и удержаться на позиции, не вступая в прямой контакт с турками. Эстафета была послана Суворову, который на этот раз должен был проделать большее расстояние, потому что расположение австрийцев изменилось. Опять же с частью своих войск пройдя днем и ночью по раскисшим от дождя рекам, форсируя горные ручьи, он подошел к австрийцам в тот момент, когда те уже отчаялись его дождаться. Выступая из Бырлада, он успел послать Потемкину известие о том, что решил

предпринять, и тот тут же отправил императрице записку, что «Кобург почти «караул» кричит и наши едва ли к нему поспеют». Но наши успели. {42} Когда турецкий разведчик доложил великому визирю, что Суворов соединился с австрийцами, великий визирь велел повесить своего шпиона за распространение ложных слухов. Нормальной скоростью передвижения войск в то время было максимум 10–15 верст в сутки. Суворов перекрыл эту скорость в три с лишним раза.

У русских и австрийцев было в общей сложности до 25 тысяч человек. У турок — 100 с лишним тысяч. У Суворова почти не было артиллерии, у турок она была многочисленной и мощной. Но турки очень странно расположились по частям, и Суворов, как только разобрался в этом, понял, что единственный способ с ними разделаться — это начать бить их в том же порядке, по частям, что и было сделано. Главное командование опять принял на себя Суворов, Кобург и здесь играл вторую скрипку, причем кавалерии у русских не было, вся кавалерия была у австрийцев, а командовал ею знаменитый кавалерийский генерал Александр Карачай.

В бою, который продолжался почти целый день, была разбита сначала первая группа турецкой армии, затем, несмотря на невероятно сильный артиллерийский огонь, вторая. А третья уже не могла сопротивляться, потому что паника охватила всю турецкую армию. Великий визирь с Кораном в руках бросился в войска, пытаясь остановить своих солдат, но сделать этого не смог. Турки были сброшены в разлившийся Рымник, который был сзади них, и просто уничтожены. Великий визирь с трудом переправился через реку, чтобы через несколько дней умереть в какой-то деревушке.

Эта победа фактически решала исход кампании, потому что дальше можно было вести активнейшие действия на правом берегу Дуная, где уже не было турецкой армии, и турки стали бояться высадки русских у Константинополя. На Суворова стал изливаться дождь наград: он был сделан графом Священной Римской империи, получил титул графа Рымникского, высшие награды Австрии, «Георгия» I степени, бриллиантовые украшения на шляпу. Сама императрица писала Потемкину: «Хотя уже целая телега бриллиантов наложена, однако посылаю Георгия I степени — он того достоин». Действительно, Суворов ценил этот орден больше всех остальных наград. Понятно, почему: у нас Георгиевский крест значил чрезвычайно много. Вы должны помнить, что сначала это была чисто офицерская награда, а потом, значительно позже, появился Георгиевский крест для солдат. Солдаты получали его только за личное мужество и только в бою, офицеры могли получить Георгиевский крест сначала низшей степени и дойти до высшей, причем «Георгиев» I степени было дано не так уж много. О том, как много значил этот орден, говорит тот факт, что Суворов получил «Георгия» I степени за рымникский разгром, а Кутузов — за изгнание Наполеона из России. Этим орденом не бросались, в отличие, скажем, от главного государственного ордена — ордена Андрея Первозванного, которым награждали довольно широко.

4. Морские сражения

Итак, в войне произошел перелом, тем более что на море происходило нечто подобное тому, что было на суше: флот после неудачного похода во время шторма привели в порядок, а командование принял Ушаков, который и уничтожил турецкий флот в нескольких сражениях.

Ушаков — мало известная у нас фигура. Пожалуй, оценить его мог только Суворов, поскольку они действовали одновременно и состояли в переписке. Суворов неплохо знал морское дело. Когда ему пришлось инспектировать русские войска в Прибалтике, он должен был командовать и прибрежным флотом. Английский адмирал на русской службе не желал подчиняться Суворову, потому что у него-де не было морского образования. Суворову пришлось сдавать экзамен на чин мичмана. Экзамен сдавался по всем правилам, без всяких послаблений. В отличие от обычных своих приемов, Суворов явился на борт адмиральского корабля при полном параде, со всеми орденами, которые только можно было себе вообразить. Он блестяще отвечал на все вопросы по теории кораблевождения, по тактике, теории морского боя и т. д., а напоследок должен был пройти еще одно испытание, которому подвергались в то время все гардемарины, сдающие экзамены на звание мичмана: испытываемому завязывали платком глаза и предлагали вслепую найти ту снасть, которую называл экзаменующий. На парусном корабле несколько тысяч снастей, каждая со своим названием. Названия сложные, морской жаргон абсолютно непонятен. Представьте себе, Суворов безошибочно находил все, что от него требовалось. Наконец ему было предложено найти бушприт (это мачта, лежащая под углом на носу корабля, которая служит для постановки кливеров, необходимых для управления кораблем при перемене ветра; благодаря этим парусам корабль поворачивается). И тут произошла совершенно невиданная вещь. У английского адмирала, который экзаменовал Суворова, было оригинальное прозвище: «сэр Бушприт», которым он был обязан своему выдающемуся носу. Суворов, видимо, это знал, потому что когда ему предложили найти бушприт, он развернулся и схватил адмирала за нос. Тот оценил юмор, и все конфликты были исчерпаны.

Так вот, Суворов понимал, что такое Ушаков, понимал его масштаб, тем более что впоследствии им пришлось действовать рука об руку против Франции. Если иметь в виду воспитание и манеру поведения, то Ушаков был прямой противоположностью Суворову, который говорил на шести языках, был начитан, невероятно умен и проницателен, но как бы прятал все это под маской некоего юродства. Ушаков же был настоящий моряк, грубый, жесткий, с мощным голосом. Его побаивались матросы, но ни в какой литературе я не встречал упоминаний о его каких-либо жестокостях. Видимо, он обладал какими-то другими методами воздействия: служили у него не за страх, а за совесть.

В одном из последних боев Ушаков должен был встретиться с самой крупной эскадрой турок, находившейся в Черном море, причем командовал этой эскадрой турецкий адмирал с длинным восточным прозвищем: «Крокодил морских сражений». До этого он сеял ужас на Средиземном море, грабя все, что только можно было грабить. Отправляясь на поиски эскадры Ушакова, он дал опрометчивое обещание {43} привезти его в золоченой клетке. Не то от перебежчиков, не то от пленных Ушаков узнал об этом обещании. У него был интересный тактический прием. В XVIII веке законодателями мод в морских боях были англичане, разработавшие принцип так называемой линейной тактики: два флота идут параллельными курсами, и все решает артиллерия. За нарушение линейного построения приговаривали к смертной казни, несмотря ни на какие заслуги в прошлом. Ушаков призывал очень свободно относиться к этому принципу и сам регулярно ломал линию баталии. Его флот окружал хотя бы часть турецких кораблей, сбивал их в кучу и тут же расстреливал. При этом он требовал, чтобы его корабли подходили к турецким на пистолетный выстрел, т. е. на 30 шагов.

В пылу этого последнего боя (а надо сказать, что такие бои бывали очень скоротечны) он действительно подвел свой флагманский корабль «Св. Павел» к турецкому флагману на картечный выстрел, и вот в момент между залпами его штабные офицеры вздрогнули от

рева, который раздался с адмиральского места. Выведенный из себя Ушаков орал (естественно, по-русски): «Сеид, бездельник, я отучу тебя давать такие обещания!» Он увидел турецкого адмирала на мостике его корабля. Потом тот был взят в плен.

5. Взятие Измаила

Эти два человека — полководец и флотоводец — разгромили турок. Турки лишились флота на Черном море и армии на суше. Но оставалась еще одна крепость на левом берегу Дуная — последний оплот Турции в этой войне: Измаил. Это была крепость необычная. Ее долго укрепляли французские инженеры по последнему слову тогдашней инженерной техники, и в нее были поставлены части, которые тогда были эвакуированы из других турецких крепостей, которые пришлось сдать. Там находилось более 40 тысяч обстрелянных войск, которым было указано, что если они сдадут эту крепость, то их ждут массовые казни. Сами турки называли Измаил «ордукалеси», что означает «армейская крепость». Они были снабжены порохом, продовольствием и лошадьми на несколько лет. То есть, строго говоря, эта крепость была неприступной. Ее окружали глубокие валы, с одной стороны ее защищал Дунай, в нижнем течении достаточно широкий. Бастионы, валы, стены — короче говоря, там было все, что могла выдумать тогдашняя фортификационная наука.

В 1790 году Измаил был осажден русской армией, которая очень вяло действовала, а с наступлением осени стала терпеть лишения от скверного подвоза продуктов, недостатка снаряжения, пороха и снарядов. В ноябре было уже решено, постреляв остатками зарядов, снять осаду и удалиться на зимние квартиры, потому что взять эту крепость русская армия не могла, тем более, что и численностью она была поменьше. Обычная пропорция осаждающих и осажденных была иной.

Когда до Потемкина дошло, что военный совет принял решение снять осаду, он сразу понял, что после тех успехов, которые были в минувшем году, этого делать нельзя. Это будет расценено как поражение, тем более что Австрия к этому времени уже вышла из войны. Император Иосиф умер и австрийцы заключили сепаратное соглашение с турками. Франция, Англия и Пруссия с удовольствием толкали Турцию в спину, не жалея средств, поэтому в случае неудачи под Измаилом все могло перемениться или уж во всяком случае замедлиться. Тогда Потемкин написал свой знаменитый приказ Суворову, где говорилось: «с получением сего извольте отправиться под Измаил и взять войска, находящиеся там, под свою команду, а также принять меры к овладению крепостью». Коротко и ясно.

Получив сей приказ, Суворов вместе с казаком, который вез мешок с продовольствием, за двое суток проделал переход через молдавские степи, где шныряли бандиты, цыгане, недобитые турки, дезертиры, и 2 декабря 1790 года оказался в виду крепости. Там увидели, что со стороны степи подъезжают два казака — это был Суворов со своим спутником. Он тут же объехал Измаил и отправил Потемкину сообщение: «Крепость без слабых мест, обещать нельзя». Потемкин знал язык Суворова и понял, что тут действительно что-то необычное. Но одно дело — осторожность в донесениях, а другое — то, что Суворов никогда не отступал перед трудностями.

Он тут же приказал вырыть огромный ров в натуральную измаильскую величину, насыпать соответствующий вал и в течение семи дней сам как простой капрал гонял всю

свою армию через этот ров и вал. Солдаты рубили фашины (связки хвороста), забрасывали ров, бросались туда, карабкались на вал по лестницам. Вся армия успела пройти эту сногшибательную тренировку по нескольку раз. После такой гимнастики дух армии становился совершенно иным.

Через семь дней Суворов посчитал, что дело сделано, и собрал совет. Надо сказать, что на совете первым полагалось подавать голос младшему по чину; таковым оказался атаман Платов, впоследствии герой 1812 года. После того, как Платов сказал «штурмовать», Суворов объявил, что он решил штурмовать крепость или погибнуть под ее стенами. Все, кто знал Суворова, понимали, что он никогда не бросает слов на ветер.

В Измаил с парламентаром была отправлена записка следующего содержания: «Сераскиру и всему обществу. Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление — и воля. Первый мой выстрел — уже неволя. Штурм — смерть, что оставляю на ваше усмотрение». Естественно, последовал ответ, что необходимо вступить в переговоры, нужно ехать в Константинополь, получать полномочия — все, что полагается в таких случаях.

Суворов и сам понимал, что они не капитулируют, поэтому он отдал приказ о подготовке штурма. В последний вечер перед штурмом те, кто был рядом с ним, отметили необычность его поведения: он был очень молчалив, совершенно перестал с кем бы то ни было разговаривать и находился в своей палатке, даже не вскрывая корреспонденцию, которая приходила на его имя. Он сосредоточился, ушел в себя. {44} После полуночи войска по всей окружности Измаила стали выдвигаться на передовые позиции в строгом порядке. В 2 часа ночи они уже стояли на исходных рубежах, а в 4 часа начался штурм. Со всех сторон подходили колонны, впереди которых шли солдаты с фашинами и лестницами. Но главный удар наносился, противу всех правил, из-за Дуная, потому что стена, которая смотрела на Дунай, была самая низкая. Там надо было форсировать Дунай на плавсредствах, которых, правда, было достаточное количество. Бой шел 12 часов: он начался в 4 утра (или ночи — стоял декабрь) и закончился с наступлением сумерек. Этот бой изобиловал невероятной жестокостью с обеих сторон. Были моменты на разных участках, когда турки отбрасывали атакующие колонны. В один из таких моментов командующий одной из колонн генерал Кутузов послал просьбу о помощи резервом. В ответ он получил записку, которая тоже вошла в историю: «Назначаю тебя комендантом Измаила». Кутузову этого хватило.

К 4 или 5 часам дня Измаил был взят. Там полегло больше 30 тысяч турецких солдат, остальные попали в плен. Предание говорит о том, что ни один турок не сумел уйти из Измаила. Было захвачено несколько тысяч пудов пороха, 10 тысяч лошадей, вся артиллерия, сотни знамен и т. д. В бою погибли все командиры турецких войск.

Официальная цифра потерь русских — 10 тысяч человек — конечно, не вызывает доверия. Погибло не менее 15 тысяч, потому что если только 10 тысяч было убито непосредственно во время штурма, то нужно еще принять во внимание, что масса людей погибла от ранений, поскольку тогда медицина была на примитивном уровне.

Взятие Измаила привело к окончанию войны. Европейские державы, проводившие в это время очередную конференцию антирусского характера, конференцию эту прекратили; послы разъехались по своим столицам, потому что, собственно говоря, стало непонятно, что же обсуждать. А турки сами запросили мира, который канцлер России Безбородко и подписал в в 1791 году в Яссах. России отходила вся территория между Днестром и Бугом (Днестр становился границей между Россией и Турцией). Таким образом, все, что касается северного Причерноморья, вошло в состав России.

Надо сказать, что в это же время шла война со Швецией — с 1787 по 1789 год. Она не изобиловала серьезными событиями. Но когда мир со Швецией был подписан, то Екатерина писала Потемкину, что «одну лапу из грязи мы уже вытащили» Мир со Швецией не принес никаких территориальных изменений, поэтому особого значения эта война не имела.

6. 3-й раздел Польши и его последствия

В это время решался и польский вопрос. Пруссия была заинтересована в долгой русско-турецкой войне, потому что надеялась и впредь обеспечить свои интересы в Польше. Когда Фридрих предложил делить Польшу в очередной раз, Россия согласилась. Австрия в это время была занята войной и своими делами и во втором разделе не участвовала. Происходило это следующим образом. Сначала польский сейм изменил конституцию страны. Новая конституция уничтожала выборность короля и знаменитое право «liberum veto». Таким образом, на сейме все вопросы должны были теперь решаться большинством голосов. Но поскольку Польша всегда была известна своими нестроениями, то недовольная таким демократическим решением вопроса наиболее богатая часть польской шляхты составила конфедерацию в местечке Тарговицы и для того, чтобы обеспечить свои права, пригласила русские войска, которые вошли в Варшаву, а немцы вступили с севера и запада.

В 1794 году поляки подняли восстание. Их можно понять: в 1793 году произошел формальный второй раздел Польши. Пруссаки взяли Гданьск, который стал называться Данциг, взяли Торн, Познань и часть Великой Польши, а к нам отошла вся Белоруссия, часть Литвы и правобережной Украины. В результате этого раздела от Польши оставался какой-то обрубок, она не имела выхода ни к одному из морей и не имела устьев рек. Ясно, что долго так существовать она не могла, и патриотически настроенные поляки подняли восстание во главе со знаменитым польским патриотом и национальным героем Тадеушем Костюшко. Сначала восстание развивалось очень успешно, потому что широкие массы польского населения стали поддерживать свои войска, но вскоре социальная поддержка прекратилась. Шляхта, настроенная патриотически, вовсе не собиралась что-либо менять в положении крестьян, а коли так, то крестьянство вскоре отошло от этого движения, которое осталось в основном дворянским. Это восстание привело к тому, что с трех сторон в Польшу вошли войска Пруссии, Австрии и России. Варшава была оставлена для действия русских войск, Краков захвачен пруссаками, а Люблин австрийцами. Для подавления польского восстания (как тогда говорили, для действий в польской войне) был направлен Суворов. Мгновенно отобилизовав отряды, которые действовали в разных направлениях, он повел их разными дорогами к Варшаве. А дальше произошло следующее. На восточном берегу Вислы находится ее предместье, которое называется Прага (не путайте с чешской столицей). Чтобы переправиться через мост, соединяющий предместье со столицей, надо было эту Прагу взять. Она была замечательно укреплена: рвы, валы, артиллерия, солдаты.

Когда Суворов подвел свои части к Праге, он все это увидел. Было принято решение о штурме, и у нас не любят вспоминать о том, что произошло в Праге. Она была взята штурмом и из тех, кто там защищался, уцелели немногие. Повторилась история Измаила — в меньшем масштабе. Раздраженные сопротивлением поляков, войска

устремилась к мосту, но Суворов отдал приказание зажечь мост и таким образом не дал войскам ворваться в Варшаву. Сделал он это по очень простой причине: категорически запрещавший своим войскам бессмысленные разрушения, насилие и грабежи, он понимал, что удержать войска здесь он не сможет после того, что они испытали во время этого штурма. А Варшава не имела никакой защиты. Поэтому мост и был подожжен. Войска двигаться не смогли. Спустя несколько дней, когда страсти поутихли и мост починили, Суворов торжественно вступил в Варшаву. Никаких насилий и грабежей {45} не было, было отпущено сразу 500 пленных польских офицеров, а варшавяне поняли, чем они обязаны Суворову, и торжественно поднесли ему драгоценную табакерку с надписью: «Спасителю Варшавы». Они поняли, что могло бы произойти, если бы солдаты в день штурма Праги вошли в столицу. За взятие Варшавы Екатерина произвела Суворова в фельдмаршалы.

Последовал третий и последний раздел Польши, после чего Польское государство перестало существовать на довольно длительный срок — до 1917 года. России отошла почти вся Литва, почти все белорусские и украинские земли, кроме тех, которые были отданы Австрии (Прикарпатье), и Курляндия. Варшаву и все, что на север от нее, получила Пруссия, а все остальное получила Австрия.

Поляки никогда об этом не забывают. Но в течение того времени, когда Польша была в составе России, никаких насилий над поляками в национальном отношении, никаких притеснений в отношении религиозном и языковом со стороны России не было. Я не говорю о двух польских восстаниях в XIX веке, которые были подавлены — это другое дело. Но во всем остальном в отношении поляков Россия действовало гуманно, и в некоторых отношениях Польша жила лучше, чем сама Россия. Как известно, Александр I даже даровал Польше конституцию. В благодарность поляки через несколько лет подняли бунт. Николай I конституций не любил. Бунт был подавлен, а конституция ликвидирована.

Для поляков это история очень трагическая — они утратили свое государство. С другой стороны, надо сказать, что русские руки в польской крови все-таки не повинны: никаких насилий, никакой попытки русификации не предпринималось. Единственное, что создали в Варшаве, — это прекрасный университет, а в XIX веке построили прекрасную легкую промышленность, ориентированную, правда, на русское сырье, т. к. своего сырья в Польше не было. После 1917 года, как вы знаете, Польша возродилась, как феникс из пепла, но сильным государством она так и не стала. Она была до краев переполнена национализмом и воображала себя значительно сильнее, чем ее соседи. В 1939 году она в этом могла разочароваться, потому что два политических деятеля — Адольф Гитлер и Иосиф Сталин — договорились разделить Польшу в четвертый раз. В августе был заключен пакт Молотова-Риббентропа. Сохранилась контурная карта с автографом «Иосиф Сталин», где уверенной рукой проведена линия приблизительно по Западному Бугу — примерно так, как она шла и по третьему разделу. Все, что туда, — твое; все, что сюда, — мое. Вся Прибалтика опять попадала к нам.

1 сентября 1939 г. началась война: немецкие танки атаковали Польшу, польская армия отступала, пытаясь сопротивляться конными дивизиями, а спустя две недели в освободительный поход с востока выступили части Красной Армии. Шли, правда, опять на Украину и в Белоруссию. Поляки отступали. Когда стало ясно, что противопоставить немцам они ничего не могут, части польской армии пошли навстречу уже войскам Красной Армии, не пытаясь сопротивляться, а имея в виду, что попасть в плен к русским все же не так страшно, хоть и нежелательно. В газетах у нас запестрели фотографии, на которых немцы в своих высоких фуражках и наши, в фуражках пониже, разложив карту

на броне танка, «обсуждают планы совместного ведения боевых операций» (такие были подписи). Были снимки, где на трибунах стоят гитлеровские и сталинские генералы и принимают парад, где в едином строю маршируют brave солдаты Красной Армии и не менее brave солдаты вермахта. Тогда это воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Молотов вызвал к себе польского посла и заявил, что поскольку Польского государства не существует, то непонятно, какой он посол и какое посольство. Все это было сделано в невероятно грубой форме. От этого поляки любить нас больше, естественно, не стали. Это была самая трагическая страница польской истории. Екатерина таких методов не знала.

Все польские офицеры, которые были захвачены Красной Армией в плен, были интернированы и посажены в концлагеря. В 1941 году почти все они были свезены в Катынь под Смоленском, в лес, где были расстреляны частями НКВД по прямому приказанию Берии, и все это было санкционировано полным составом сталинского Политбюро.

Их расстреляли и закопали. Когда пришли немцы, они разрыли эти рвы и заявили, что это не их работа. Они создали международную комиссию из представителей Швеции и Болгарии, которая подтвердила, что здесь потрудились не немцы. Естественно, в 1944 году последовала новая комиссия, уже наша, которая «доказала» противное. Сами немцы, не отрицая за собой Бухенвальда, Дахау, Заксенхаузена и пр., никогда не признавали Катыни. Поляки терпеть не могут немцев, но Катынь они никогда немцам не приписывали. Они всегда знали, что это дело рук советских палачей. В 1976 году я был в Польше. Ездил по стране, побывал в Варшаве, в Кракове и других городах. И вот как-то ночью, по дороге из Кракова в Гданьск, в поезде мне захотелось выпить чаю. Я отправился к проводнику, постучался и спросил, можно ли выпить чаю. Конечно, ответил он, и тут же дал какое-то печенье и чай и на не очень правильном русском языке спросил, откуда я и что делаю в Польше. Этот человек был гораздо старше меня. Я ответил, что приехал из Москвы, путешествую по приглашению. Через несколько фраз он спросил, знаю ли я что-нибудь о Катыни. Я ответил, что это такое место под Смоленском, где сталинские палачи расстреляли польских офицеров.

«Вы знаете, что это сделали ваши?» — спросил он.

«Что значит «наши»? — ответил я. — С нами проделывали то же самое, и вы должны это понять. А то, что это преступление, — это факт, и скрывать здесь нечего».

После этого отношение ко мне изменилось, и мы довольно долго говорили. Я понял, что поляки сумели воспитать целое поколение на такой исторической памяти. Все, что потом воспоследовало — Солидарность {46} и прочее, — это не только католический момент, не только желание жить без указки Москвы, но и вот эта историческая память, которую истребить невозможно. Хорошо, если бы мы умели так хранить память о своих несчастьях.

Итак, подведем итог. В начале предыдущей лекции я уже говорил, что внешняя политика Екатерины была куда более эффективна, чем политика внутренняя. Бесспорно, можно считать успехом приобретение, в общем-то, исконно русских земель. Екатерина была достаточно умна и не стремилась захватывать земли, где исторически жили поляки. В Россию вошли земли украинские и белорусские и только часть литовских. Бесспорно, достижением была активная политика в Закавказье — Георгиевский трактат. Что же касается внутренней политики, то здесь имела место определенная стагнация, потому что

крепостное право стояло непоколебимо. Управление губерниями, жалованные грамоты городам — все это носило характер чисто административный, улучшало управление, но принципиально не меняло ничего.

Лекция 10

_1. — Личность Павла I. 2. — Государство в начале царствования Павла I. 3. — Законодательство этого царствования. 4. — Внешняя политика Павла I. 5. — Государственный переворот 11 марта 1801 г. 6. — Восшествие на престол Александра I. 7. — Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова.

Сегодня пойдет речь о событиях самого конца XVIII века — о кратковременном царствовании императора Павла Петровича, которого у нас почему-то называют Павлом I, как будто у нас были Павел II и Павел III.

1. Личность Павла I

Несколько слов о личности этого человека сказать необходимо. Он родился за 9 лет до воцарения своей матери. Как известно, Екатерина была поставлена перед необходимостью родить наследника престола, и отцовство будущего наследника не было строго определено. Вряд ли она была любящей матерью, да и интересы ее были сосредоточены на достижении российской короны, а отнюдь не на воспитании собственного сына. Став императрицей, она быстро поняла, что проблему сына нужно будет как-то решать, поскольку в глазах очень многих людей он являлся законным наследником престола. Когда происходило воцарение Екатерины, ему было 9 лет и царствовать он, естественно, не мог, но по достижении совершеннолетия он мог стать государем, и это понимали многие, в частности его воспитатель Панин, который сумел посвятить своего воспитанника в эти тонкости. Екатерина, как известно, не пожелала сделать своего сына императором российским и, укрепившись на престоле, отстранила его от ведения абсолютно всех дел. Он получил в подарок от матери мызу Хотчино под Петербургом, которая стала именоваться на немецкий манер Гатчиной. Там был выстроен дворец, где в очень тесном мирке, окруженный очень небольшим штатом придворных и миниатюрной собственной гвардией, жил Павел Петрович.

2. Государство в начале царствования Павла I

В литературе о нем бытуют два мнения. Первое — что Павел был психопат, неврастеник, психически неполноценный, масон, гонитель Суворова, ненавистник Потемкина и т. д., и

убийство императора в ночь на 11 марта 1801 года было благом для России. Такова, к сожалению, распространенная точка зрения. Но существует и другая — менее популярная, но достаточно основательная. Если посмотреть на то, что успел Павел за 5 лет своего царствования, то получается любопытная картина.

Прежде всего, нужно сказать о том, в каком состоянии принял Павел дела от своей матери. Финансы российские были достаточно расстроены. Во всяком случае, говорить о том, что казна сводила концы с концами, не приходилось. Конечно, это не было тем безобразием, которое царило во времена Елизаветы, но до порядка было далеко. Казнокрадство при Екатерине приняло колоссальные размеры и заставляло вспоминать времена Петра I и деятельность его временщиков. Дела в екатерининских судах не велись, и когда Павел по своем воцарении заглянул в Сенат, он увидел 11 тысяч нерешенных дел. Состояние армии было очень не простым. Армия делилась на гвардейские и обычные армейские части, и жили они совершенно разной жизнью. В гвардии люди числились, но не служили. Гвардейский офицер имел колоссальные привилегии и практически не успевал по-настоящему понюхать пороха и потянуть солдатскую ляжку. Он должен был без конца менять мундиры, появляться в свете и при дворе. Екатерина требовала, чтобы гвардейский офицер имел новую карету, запряженную не меньше чем четверкой лошадей, чтобы у него было шесть парадных мундиров, запас фраков, жилетов, модных чулок и туфель и т. д. Даже на вахт-парад офицер мог являться в шубе поверх мундира и с муфтой на руках, чтобы они не мерзли. Трудно все это себе представить, но, тем не менее, это было, и говорить о порядке в гвардии не приходится. Распущенность нравов была совершенно невероятной, любовь к привилегиям делала этих людей малоуправляемыми и малоценными для армии. Если Петр задумал в свое время гвардию как своеобразный институт подготовки офицеров для армии, то теперь все это походило на нечто противоположное петровским идеям. Жестокость в обычных армейских частях была прямо пропорциональна привилегиям в гвардейских частях. Телесные и другие наказания были совершенно обычным делом.

3. Законодательство этого царствования

Одним из первых указов Павла был указ о престолонаследии, который он издал накануне своей коронации в Кремле. Указ отменял знаменитый злополучный указ Петра I и восстанавливал порядок, по которому престол автоматически переходил от отца к сыну по прямой нисходящей линии. Только в случае, если император умирал бездетным, престол мог перейти к его брату и наследовался уже по линии этого брата.

{47}

Вторым указом был указ о трехдневной барщине. Он не был обязательным и носил рекомендательный характер, но это была первая, хотя и очень робкая, попытка ограничить права помещиков. Помещик, естественно, стремился заставить крестьянина работать у себя на поле фактически всю неделю подряд, за счет чего в крестьянских хозяйствах творилось страшное разорение. Павел пытался навести здесь порядок, введя трехдневную барщину в качестве рекомендации. Конечно, последовали указу единицы.

С другой стороны, Павел был непоследователен и за свои 5 лет раздарил в качестве наград несколько сот тысяч душ, превысив во много раз темпы подобной деятельности своей матери.

В армии Павел Петрович навел довольно своеобразный порядок. Он действительно любил прусскую систему, но здесь нужно особо говорить об участии солдат и участии офицеров. Для положения солдат Павел сделал больше, чем ожидалось. Павел резко сократил число телесных палочных наказаний, и солдатам стало жить легче. Солдаты получили довольно свободный, удобный и к тому же дешевый мундир, как и офицеры, которые не имели права отклоняться от установленного образца. Павловский офицерский мундир стоил 22 рубля (при Екатерине он стоил 150 рублей, и это было целое состояние: годичный оклад чиновника отнюдь не самого низшего ранга). Павел ввел пресловутые парики и косы. Действительно, это было неудобно после обычных причесок, и за это его страшно ругали. Воюя с казнокрадством, он старался улучшить снабжение армии; преследуя распушенность командиров, он отстранял всех кто пытался сохранить екатерининский стиль от работы с войсками, отправляя их в ссылку (между прочим, он никого не казнил). Поэтому когда Павел умер, солдаты об этом скорее скорбели, чем радовались. При Александре палочная дисциплина была значительно более жестокой, чем при Павле Петровиче — при том, что Павел отнюдь не слыл либералом, а Александр, как известно, снискал себе лавры чуть ли не конституционалиста. Мы видим здесь искреннее желание навести порядок в России, привести армию в более человеческий вид, преодолеть те вопиющие недостатки, которые Павел унаследовал от предыдущего царствования.

4. Внешняя политика Павла I

Если говорить о внешней политике, то она была следующей. Фактически Павел сначала унаследовал от своей матери участие в коалиции против Франции. Екатерина прямо не примыкала к коалиции, но и против ничего не имела. Она считала Французскую революцию заразой, а борьбу против революционной республики — святым делом. Но при этом Екатерина, изощренный политик, прекрасно понимала, что ослабление Франции ведет автоматически к усилению Англии, и, как мы знаем, знаменитая декларация о вооруженном нейтралитете фактически действовала против английского господства на морях.

Павел был в этом отношении более прямолинеен, и коль скоро Франция поправа все законы, Божеские и человеческие, то нужно было участвовать в коалиции и наводить порядок, что и было сделано во время знаменитого Итальянского и Швейцарского походов Суворова и средиземноморской экспедиции адмирала Ушакова. Но вскоре, столкнувшись с прямым предательством австрийцев, своих союзников, сообразив, что англичане заставляют его таскать каштаны из огня и проливать русскую кровь, не давая ничего взамен, увидев, что революция во Франции задушена Наполеоном, Павел резко переменял курс и после Итальянского похода Суворова очень быстро повел дело так, что вскоре были фактически заключены союзнические отношения Франции и России.

Это имело следующие последствия. Во-первых, складывалась очень мощная политическая коалиция против Англии, а во-вторых, в России возникала очень не простая проблема в связи с хлебным экспортом. Экспорт хлеба у нас осуществлялся в основном в Англию, как, впрочем, и остальных видов сырья, будь то лес, пенька, кожа, парусина и т. д. Русские

помещики наживались на экспорте русского хлеба, получая полновесные английские фунты, и эта торговля приостановилась, потому что Павел наложил секвестр, или эмбарго, на английские корабли в русских гаванях. Он справедливо полагал, что эта торговля обогащает Россию только частично, поскольку, во-первых, все вывозилось английскими кораблями (русский торговый флот практически не существовал), а во-вторых, что подобный меркантилизм в финансовой политике может нанести ущерб русским интересам в Европе.

5. Государственный переворот 11 марта 1801 г.

В ночь на 11 марта 1801 года Павел Петрович был убит в своей спальне, в только что построенном Михайловском замке заговорщиками — гвардейскими офицерами (всего их было несколько десятков). Заговор возглавил военный генерал-губернатор Петербурга граф Пален. Видимо, Павел знал об этом заговоре. По некоторым данным, офицеры, тяготясь манерой Павла управлять войсками, даже предлагали Суворову принять участие в восстановлении порядка в стране, на что фельдмаршал якобы ответил скороговоркой: «Не могу, кровь сограждан». Будучи убежденным монархистом, он, хоть и не любил Павла, тем не менее отказывался принять участие в чем бы то ни было, похожем на гражданскую войну.

Заговор этот был гвардейским, обычных пехотных армейских офицеров там не было, а если и были, то те, кто недавно был сослан. Пален, став генерал-губернатором Петербурга, сосредоточил в своих руках колоссальную власть, поскольку контролировал фактически все, что происходило в столице, и, видимо, заслужил полное доверие со стороны императора. При этом Пален понимал, что самый продуманный и точно исполненный заговор обречен, вероятно, на неудачу, если в нем не примет участие наследник, старший сын императора Павла, будущий император Александр Павлович.

Александр был воспитан своей бабушкой в очень либеральном духе, при этом чувствительность уживалась в нем, как это иногда бывает, с жестокостью. С одной стороны интеллигентность и мечтательность, с другой — недооценка событий и поразительная политическая наивность. Толкуя Александру о том, что Россия гибнет, что разрушается армия, император душевно нездоров и т. п., Пален вовлек его в заговор, причем об убийстве императора не было речи, а когда Александр стал о чем-то догадываться, {48} его убедили, что императору просто предложат отречься от престола. Впоследствии Пален с поразительным цинизмом рассказывал, что и не думал всерьез исполнять обещания, данные Александру, потому что прекрасно понимал, что в подобной ситуации речь об отречении идти не может, и шел на сознательный обман наследника из самых лучших побуждений, не желая отягощать его совесть [[15. Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников убийства Павла I. М., 1990. репр.]].

Заговор созрел довольно быстро. Офицеры, которые имели личные основания быть обиженными или недовольными, нашлись, тем более что Павел по прошествии 5 лет своего царствования амнистировал всех, кто был сослан. Их вернули в Петербург, но по приказанию Палена туда не пускали. Они останавливались на постоянных дворах, бедствовали, не имея возможности поселиться в городе и не получая никакого обеспечения, и их озлобленное настроение быстро получало распространение в виде

слухов об очередной причуде императора. Слухов было очень много, и заговорщики распускали их весьма умело.

Накануне заговора у Палена уже было под рукой достаточно помощников, в том числе главный — знаменитый генерал Беннингсен из остзейских немцев. Поздно вечером на одной из квартир был устроен товарищеский ужин с обильными возлияниями, после чего офицеры, уже подготовленные, пошли несколькими группами к Михайловскому замку, охранявшемуся караулом Семеновского полка, шефом которого был великий князь Александр Павлович. Только два гайдука, стоявшие непосредственно у покоев императора, попытались оказать сопротивление, но один из них был тут же убит, а другой тяжело ранен. Распаленные вином и ненавистью заговорщики вбежали в спальню императора, но некоторое время не могли его найти, потому что на кровати его не оказалось. Генерал Беннингсен со свечой очень внимательно стал осматривать покои и увидел, что император прячется в камине за экраном. Он вступил с императором в разговор, рекомендуя ему сохранять спокойствие, после чего Беннингсена очень заинтересовали картины, которые висели в прихожей. Была глухая ночь — самое подходящее время для созерцания картин, но он вышел их посмотреть, потому что был тонким ценителем прекрасного. Как только он вышел, один из братьев Зубовых, Николай, совершенно пьяный, ударил императора кулаком в лицо, в кулаке была зажата табакерка. Император был одновременно забит и задушен. Душили его несколько офицеров, и пальму первенства нужно отдать Скарятину, а кто бил, сказать трудно; избит он был так, что в течение 30 с лишним часов тело нельзя было выставить для прощания, и театральные гримеры пытались привести его в порядок, гримируя чудовищные кровоподтеки. В гробу тело императора лежало, облаченное в мундир, шарф и какие-то платки чуть ли не до глаз, а сверху была еще и шляпа, чтобы никто не видел последствий работы, которую проделали бравые гвардейцы той тяжелой ночью.

6. Восшествие на престол Александра I

Когда Александр узнал, что отец его убит (а он жил в этом же дворце), он разразился невероятными рыданиями. Пален схватил его за руку и сказал: «Хватит плакать. Идите царствовать». И Александр должен был явить себя народу и войскам, которые собрались под окнами.

В Петербурге среди аристократии и части дворян царило непристойное ликование. Пьяные офицеры в качестве курьеров-любителей разносили весть по всему городу, возглашая, что император скончался от апоплексического удара. Все понимали, какого рода был этот удар, и сразу начинали поднимать тосты за упокой души новопреставленного, потому что все страшно намучились. Некоторые в своих мемуарах писали, что они испытывали состояние, которое бывает только на Пасху. Так закончилась жизнь этого непростого, противоречивого, не всегда последовательного, но, бесспорно, благородного человека. Мне кажется, что легенда о том, что он был сумасшедший, неврастеник, базируется в основном на тех слухах, которые распускали участники заговора — птенцы екатерининского гнезда — для того, чтобы оправдать свое преступление.

Существует сборник воспоминаний под названием «Цареубийство 11 марта 1801 года», где собраны воспоминания и очевидцев, и некоторых участников этой трагедии. Они

были изданы еще до революции, но года 3–4 тому назад переизданы. Один из вопросов, о которых постоянно пишут историки и который нельзя исследовать за отсутствием документов, — это вопрос об участии английской дипломатии в этой истории. Коль скоро англичанам союз Павла с Наполеоном был горше смерти, и прекращение очень выгодной для них торговли с Россией было тоже поперек горла, то возникает вопрос, потратил ли Вильям Питт, руководитель английского кабинета, деньги на заговорщическую деятельность? Е. В. Тарле считает бесспорным, что попойки заговорщиков щедро оплачивались за счет английской казны. Английский посол в Петербурге был любовником одной из светских дам, родные братья которой служили в гвардии и приняли деятельное участие в подготовке заговора. Все может быть. Доказать это нельзя, т. к. нет документов, но слухи эти возникли с момента царевубийства. Вполне возможно, что нечто подобное было: уж слишком выгодно это было для Англии.

7. Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова

Итальянский и Швейцарский походы и средиземноморский поход русского флота. У Павла с Суворовым были отвратительные отношения. Суворов был убежденным монархистом и поэтому никакого разговора об отречении императора ни с кем вести не собирался, но, считая Павла не военным человеком, болезненно воспринимал все его новации в армии. Суворов позволял себе невероятно оскорбительные вещи в отношении императора. Так, на одном из парадов, куда его пригласили, он публично заявил, что у него понос, и отправился вон. Когда дело дошло до взаимных оскорблений, Павел отправил его в ссылку, и отнюдь не почетную. Он отправил его под надзор полиции в село Кончанское Новгородской губернии — глухое село, существовавшее без всякой связи с внешним миром. Фельдмаршалу было тогда 69 лет. Это обстоятельство, между прочим, тоже подогревало ненависть многих военных к Павлу и объективно работало на {49} заговорщиков. Суворов писал в письмах, что впереди у него только смерть, что уже «весь сок высох в лимоне» У него бывали случаи частного кратковременного паралича, время от времени открывалась та или иная рана, но он еще интересовался внешней политикой. Когда ему время от времени привозили какие-то газеты, он их внимательно читал, следя за тем, как Бонапарт колошматит австрийцев и завоевывает Италию, и произнес фразу, которая стала пророческой: «Далеко шагает мальчик. Пора унять».

И вот в 1799 году в Кончанское буквально влетел один из генерал-адъютантов Павла с личным письмом императора. Там были такие слова: «Граф Александр Васильевич, теперь не время вспоминать прошлое». Император-де австрийский просит, чтобы вы приняли под команду русские и австрийские войска, и вам надо срочно это сделать. За год до этого, когда Павел вызвал фельдмаршала в Петербург, Суворов тащился 200 верст чуть ли не две недели, демонстрируя, что он болен и не может ехать быстро. На этот раз он приехал со своей обычной скоростью. Вдруг мундир перестал его волновать, он перестал обращать внимание на то, как натерты полы, у него перестала отстегиваться шпага, он перестал кукарекать во дворце и не вполне прилично острить — короче говоря, он увидел дело и воскрес к жизни. Очень скоро он уладил все необходимые формальности. Был произведен перерасчет тех частей, которые должны были принять участие в походе, и он выехал через Митаву и Прибалтику в Австрию, в Вену, где должен был получить дальнейшие инструкции.

Он получил полные полномочия от Павла с одной оговоркой: выполнять все рекомендации, которые дает ему придворный военный совет в Вене — знаменитый гофкригсрат. Проезжая через Митаву, он посетил будущего Людовика XVIII, находившегося тогда в изгнании и жившего в Митаве за русский счет, и когда один из придворных спросил, чем он объясняет успехи Бонапарта, Суворов с присущей ему резкостью сказал: «Ваша братия не умеет хотеть».

В Вене на него смотрели как на освободителя Австрии от французской тирании, потому что прекрасно помнили успехи при Фокшанах, Рымнике и Измаиле. Он выступил очень быстро в Верону, где принял командование австрийскими частями, которые находились уже там, и русскими, которые подходили постепенно. Придворный военный совет познакомил его со своим планом, по которому в течение ближайшей летней кампании 1799 года Суворов должен был очистить от французов небольшой уголок Северной Италии от Вероны до реки Адды (левый приток реки По). Все это было продемонстрировано на очень солидной карте с учетом всех дорог, мостов, рек и т. д. Просмотрев карту, Суворов схватил карандаш, перечеркнул карту крест-накрест и произнес: «Я начну с Адды, а кончу, где Богу будет угодно». И действительно, сразу же произошло что-то поразительное. Суворов так направил войска к Адде, что французы, боясь оказаться в окружении, эвакуировали селение за селением, город за городом и практически оказались вытесненными до самой Адды без боя. При форсировании Адды неподалеку от города Лоди произошло первое сражение, где в основном сражались австрийцы, поскольку еще не все русские части подошли. Французами должен был командовать один малоизвестный и малоспособный генерал, но непосредственно перед боем он был заменен одним из самых видных полководцев Франции — генералом Моро. Когда разведка донесла об этом Суворову, он сказал: «Мало славы — разбить шарлатана. Лавры, которые мы отнимем у Моро, будут еще лучше цвести и зеленеть».

Этот бой не был решающим для исхода кампании, но он показал французам, с кем они имеют дело. Французы были отброшены, причем австрийцы сражались очень хорошо и Суворов их похвалил — одному из курьеров, который должен был ехать в Вену, он сказал: «Передайте его величеству, что австрийские войска сражаются почти так же хорошо, как русские». Дальше он отправился с русскими и австрийскими войсками на столицу Северной Италии — Милан, который был взят без боя.

Суворову противостояли французы, которые одной своей армией фактически закрывали Геную и проход по берегу Средиземного моря в Южную Францию, а с другой стороны могла подтянуться армия из Центральной Италии. Сначала Суворов решил разделаться с армией, которая отступила от Адды, но Моро увел свои войска в Геную. Получив известие, что от Болоньи подтягивается армия генерала Макдональда, Суворов оказался перед трудным выбором, потому что не знал темпов продвижения Макдональда и вместе с тем должен был опасаться подхода Моро, который понимал, что должен соединиться со своим коллегой.

Тогда был предпринят поразительный по скорости марш от Александрии, где стояли суворовские войска, до реки Треббиа, с тем чтобы упредить встречу двух французских армий. 85 верст по каменной горной дороге в жару (дело было в июне) русские и австрийские войска преодолели за 36 часов. Обычная скорость передвижения войск в то время не превышала 10–14 километров в день. Особенностью битвы при реке Треббиа было то, что войска вступали в бой с ходу, без какого бы то ни было предварительного развертывания.

Бой был очень ожесточенным, он продолжался трое суток, и Суворов так им руководил, что Макдональду все время казалось, будто появляются свежие войска, а не те, которые только что покрыли 85 верст практически бегом. Макдональд был опрокинут и отброшен, после чего 4 августа последовало сражение при Нови против армии, которая прикрывала Геную. Сам Суворов доносил, что сражение при Нови было, может быть, самым ожесточенным из всех, которые он дал. Оно кончилось опять-таки победой русского оружия, и Италия была, таким образом, очищена от французских войск. Как боевые силы они уже не представляли никакой опасности.

Казалось, дело было закончено, причем в очень короткий срок — фактически за два месяца, если иметь в виду сражения, которые были в июне, июле и августе. Но австрийцы придумали план — перебросить {50} армию Суворова в долину Рейна, в район Цюриха, с тем чтобы действовать на новом театре войны против французов, поскольку здесь-де, в Северной Италии, уже все в порядке. Движение из Северной Италии в долину Рейна могло быть прямым, через горные перевалы, и обходным. Обходной путь был дольше, но более безопасен и удобен. Поскольку уже кончалось лето, было решено, что Суворов пойдет напрямую.

Австрийцы задержали выход армии на две недели, поскольку вовремя не были даны ни вьючные животные, ни повозки, ни соответствующее снаряжение, и Суворов, потеряв драгоценные дни, только в начале сентября выступил в Альпы, которые по географическим условиям представляют собой примерно то же, что и Северный Кавказ. Пожалуй, наиболее удачным временем для путешествия в этом районе является середина июля — конец августа. Потом погода в горах начинает портиться, а в высокогорье идут снегопады и наступают заморозки. Переход в это время, прямо скажем, весьма затруднителен. Учитывая, что в XVIII веке не было горной обуви и альпинистского снаряжения, а русские войска (в том числе и сам фельдмаршал) никогда не видели снежных гор, и что идти надо было с ружьями, штыками, патронами, пушками, зарядами и какими-то запасами, все это представлялось невероятной авантюрой.

12 сентября Суворов вышел из Тортоны в предгорьях Альп, 13-го его передовые части уже имели столкновения с французами, которые прикрывали первый перевал — Сен-Готард. Защита перевалов не представляет особых сложностей даже сейчас, потому что тот, кто сидит на перевале, прекрасно видит всех, кто поднимается снизу. Война в Афганистане показала, что боевые действия в горных условиях даже сейчас не сулят большого успеха тем, кто пытается проломить оборону. Сен-Готард был взят и ударом в лоб, и одновременным обходом, который совершил авангард под командованием Багратиона. Как русские солдаты лезли по кручам без троп в тыл французам, представить себе, честно говоря, невозможно.

Тем не менее Сен-Готард был взят, и суворовская армия продолжила свой путь. В условиях гор армия двигалась, естественно, колонной, причем довольно узкой, а часть повозок и горные пушки приходилось постоянно перетаскивать на руках — вьючные животные довольно быстро исчезали (срывались в пропасти и подыхали от переутомления). Вся армия состояла в основном из пехоты, небольшой артиллерии и казачьих частей, которые должны были вести разведку. Казачьи лошади оказались очень выносливыми. Нужно было форсировать реку Рейса по арочному мосту. Когда подошли к Чертову мосту (он действительно производил жуткое впечатление, потому что глубоко внизу грохотала река), раздался взрыв — французы подорвали мост и форсировать его уже было, казалось, невозможно, тем более что с той стороны французская артиллерия картечью сметала все живое, что показывалось на этой стороне. Но там, где остановились русские части, стоял какой-то амбар. Он был тут же раскатан по бревнам, бревна

связывались офицерскими шарфами (которыми тогда не укрывали горло, а обматывались вокруг пояса), поэтому они были очень длинными). Офицеры и солдаты положили этот импровизированный настил на остатки опорных арок, и часть войска сумела переправиться по мосту и ударить в штыки французских артиллеристов. Остальные в это время спустились ниже моста по течению реки к берегу, сумели ее там форсировать и взобраться на тропу уже с другой стороны. Французы не выдержали, и их специально обученные горные егеря отступили.

Дальше Суворов уже выходил к озеру, вдоль которого должна была идти дорога на Цюрих. Там в это время должны были стоять австрийские части и развертываться русский корпус генерала Римского-Корсакова, на соединение с которым и пришел Суворов. Но оказалось, что австрийская карта врет, и дороги нет вообще никакой. Суворов понимал, что положение австрийцев и русских очень серьезно: французы, пока он не подошел, постараются разбить их по частям. Перед ним встал вопрос, как идти. И тогда, доверившись проводникам, он перевалил горный хребет Росшток и спустился в Муттенскую долину. Здесь он получил известие о том, что корпус Римского-Корсакова разбит французами, что до этого сражения австрийцы эвакуировали свои части, оставив русских в жертву французам, а главное, что Муттенская долина закупорена герметически французскими дивизиями со всех сторон. Суворов оказался в мешке.

Отступать было некуда, к тому же сама мысль об отступлении ему претила. На военном совете он так и сказал, что никогда не отступал. Тогда очень быстро было принято решение, что они пойдут туда, куда повелит фельдмаршал, и он принял решение подниматься на уже заснеженный (дело было в сентябре) высокогорный хребет Паникс, чтобы перейти его и оторваться от французов.

Подниматься надо было по дороге, которую летом называли бы овечьей тропой — по таким тропам гоняют овец на пастбище, по ним не ходят и не совершают переходов от селения к селению. Состояние армии было ужасным, патронов уже не хватало, солдаты были фактически разуты и голодны. В это время Суворов получил известие, что французы спускаются в Муттенскую долину, и отдал соответствующее приказание, чтобы арьергард удерживал их возможно долее, пока армия будет подниматься на Паникс. Бой в Муттенской долине продолжался практически три дня. Русские отбросили французов, хотя те имели двух-трехкратное превосходство. Артиллерия была оставлена при подъеме и заклепана, чтобы пушками не мог воспользоваться враг, а дальше арьергард втянулся на этот чудовищный подъем, потому что тропы уже не было, все оказалось под снегом. Никогда не бывавшие в высокогорье люди шли на высоту более 3 тысяч метров фактически наугад. Переход этот занял приблизительно 4 дня. Шли, опираясь на ружья, поддерживая друг друга. Тот, кто падал, оставался в горах навсегда. Практически вся армия была пешей, и только Суворов сидел на казацкой лошади, причем все время порывался идти пешком, {51} но два казака, идущие рядом, не пускали его. Время от времени Суворов впадал в беспамятство (70 лет, высокогорье, кислородная недостаточность, холод и страшный ветер делали свое дело).

Так они взобрались на вершину Паникса, а дальше началось самое страшное — спуск, осложненный условиями зимы. Троп не было. Попытка спуститься по скалам заканчивалась смертью. И вот они шли наугад, определяя место, где можно спуститься, пока несколько офицеров не увидели что-то похожее на склон. Что было внизу, неизвестно, но решение было принято, и по этому склону русская армия покатила вниз. Тот, кто срывался, откатывался в сторону и погибал, остальные же продолжали этот головоломный спуск. Таким образом спаслась основная часть армии.

Французы не преследовали их. Пленных, которые достались во время боя в Муттенской долине, Суворов вывел с собой.

В деревушке на другой стороне хребта Суворов сделал смотр своей армии. Из 20 тысяч человек, вышедших в поход, налицо было 15 тысяч человек. Учитывая Сен-Готард и трехдневное сражение в Муттенской долине плюс потери при переходе через Паникс, можно считать, что потери поразительно малы. Суворов написал письмо главнокомандующему австрийской армией герцогу Карлу, где были снова чрезвычайно резкие. Говоря о том, как австрийцы бросили русских под Цюрихом, он писал: «Вы ответите перед Богом за пролитую под Цюрихом кровь». Австрийцы поняли, что дело идет к разрыву, тем более что Павел приказал Суворову вести армию в Россию. Тут же завязалась дипломатическая переписка, но Суворов ответил еще только раз письмом, в котором были слова: «Такого старого солдата, как я, можно обмануть один раз».

Конечно, это было одно из самых фантастических событий в истории человечества — если иметь в виду военную историю. Вспоминал ли Суворов, ведя свои войска через Паникс, как в 10-летнем возрасте в доме своего отца в Москве, у Никитских ворот он зачитывался рассказами о Ганнибале и его переходе через Альпы? Но то, что он произнес слова, делая смотр своим войскам: «Орлы российские облетели орлов римских», — это известно.

Армия возвращалась в Россию в то время, когда Павел перестраивал дипломатическую ситуацию. С одной стороны, Павел щедро наградил Суворова чином генералиссимуса русских войск. Было приказано воздавать ему почести, которые воздавались только царствующим особам. Его наградили титулом князя Итальянского. Все это было ему уже не нужно, потому что он прекрасно понимал, что едет в Петербург умирать. Его тешила, конечно, только мысль о том, что он еще раз послужил отечеству.

По непонятным причинам Павел при торжественном въезде Суворова в Петербург отменил все мероприятия, которые были назначены, и фактически наложил на него опалу, запретив появляться при дворе. Одни считают, что это было сделано потому, что Павлу донесли о попытке склонить Суворова к участию в заговоре. По мнению других, его оговорил Пален (хотя об этом нет никаких сведений), чтобы еще больше возбудить ненависть в армии к императору. Третьи считают, что это просто результат полной неуравновешенности самого императора, который в это время действительно был крайне перевозбужден.

Ночью карета с Суворовым въехала в Петербург. Он остановился в доме графа Хвостова, своего дальнего родственника, где и прожил оставшиеся ему недели. Состояние его все время ухудшалось. У него началась гангрена, и в начале мая 1800 года он скончался.

Незадолго до смерти Суворова его посетил Державин, с которым у него были хорошие отношения. Существует рассказ о том, что Суворов спросил Державина, какую эпитафию он напишет ему на могиле. На что Державин спокойно ответил: «По-моему, много слов не нужно. Достаточно написать просто: «Здесь лежит Суворов». Если вы побываете в Александро-Невской Лавре, то увидите могилу Суворова и эту надпись.

На церемонии прощания с фельдмаршалом не было назначено гвардии, и по пути следования процессии стояли только армейские части.

Что касается средиземноморской экспедиции, то Ушаков, уже в союзе с турецким флотом, вышиб французов с Ионических островов. Один из фантастических эпизодов этой

экспедиции — взятие русской морской пехотой первоклассной крепости Корфу. Небольшое количество русских моряков, которые стали пехотинцами, штурмовали крепость и взяли ее, произведя невероятное впечатление на всех, кто знал толк в военном деле Суворов, получив в Италии известие о взятии крепости Корфу, написал знаменитую записку Ушакову, в которой были слова: «Как жаль, что я не был при Корфу хотя бы мичманом». Как вы помните, Суворов имел чин мичмана русского флота.

Вспоминая Суворова, у нас принято говорить о его полководческом гении и о различных его причудах. В Суворове было очень много всего намешано. Он знал шесть языков, на всех говорил и писал. С турками он говорил по-турецки, с итальянцами — по-итальянски, с поляками — по-польски, про немцев и французов и говорить нечего.

Как-то один художник писал портрет Суворова, и фельдмаршал ему сказал: «Ваша кисть изобразит только внешние черты лица моего. Но внутренний человек в них скрыт. Я пролил реки крови и прихожу в ужас от этого. Но я никого не сделал несчастным. При приливах и отливах счастья уповал на Бога и был непобедим». Эти слова Суворова — самое лучшее, что можно сказать об этом поразительном человеке.

{52}

Лекция 11

1. — Периодизация царствования Александра I. 2. — Начало царствования Александра I. 3. — Последние годы жизни императора. 4. — Реформы начала царствования. Негласный комитет. 5. — Крестьянский вопрос. 6. — Еврейский вопрос. 7. — Реформа образования.

В этом семестре нам предстоит разобраться в событиях XIX века. Если уже в XVIII столетии количество событий увеличивалось лавинообразно, то объем информации, которую надо усвоить, изучая XIX век, просто пугает. Чтобы облегчить ситуацию, советую вам приобрести учебник Корнилова «Курс истории России XIX века». Это переиздание, впервые книга вышла в 1918 году. Уже тогда это был лучший курс истории России XIX века, таковым он и остался. Это не значит, что курс исчерпывающий, но он единственный систематический. Соловьев довел события до царствования Екатерины, Ключевский дал XIX век лишь обзорно. Корнилов написал очень серьезный учебник-исследование, но у него есть своя специфика: там почти ничего не говорится о войнах, а акцент делается на историю государственных учреждений, реформ, развитии хозяйства и достаточно, но не очень подробно говорится о внешней политике. Поэтому те, кто хотят знать о войнах и внешнеполитических событиях, должны поискать что-то другое. Корнилов хорош еще тем, что у него дается прекрасная библиография вопроса — через несколько глав приводится список литературы на начало 20 века по соответствующим историческим разделам. И тот, кто хочет углубиться в их изучение, найдет здесь для себя немало полезного. Учебник хорошо задуман и хорошо написан.

1. Периодизация царствования Александра I

Мы начинаем говорить о царствовании императора Александра I, которое обнимает время с 11–12 марта 1801 года, когда произошло цареубийство Павла Петровича, до осени 1825 года, когда император Александр I скончался в Таганроге. На эти 24 года падает колоссальное количество событий, причем событий, имеющих глобальное значение. Следовательно, требуется какая-то система в подходе к изучению этого вопроса, поскольку просто сваливать все в кучу здесь нельзя.

Корнилов дает свою периодизацию царствования Александра I, и мы можем ею воспользоваться:

1-й период царствования — 1801–1805 гг. Это период первых, не очень больших реформ. Молодой царь жаждет перемен, пытается разобраться в проблемах, которые он получил в наследство, и что-то сделать для страны.

2-й период — с конца 1805 по 1807 гг. Это период участия России в войнах Наполеона.

3-й период — 1808–1812 гг. Время союза России и Франции и участия России в континентальной блокаде. На этот же период приходятся некоторые реформы, носящие иной характер, чем те, которые были раньше.

4-й период — 1812–1815 гг. Отечественная война и заграничный поход русской армии, Венский конгресс.

5-й период — 1816–1818 гг. Этот период называют временем международных конгрессов в Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне, в которых принимал участие Александр I.

6-й период — 1819–1825 гг. Это период реакции. У нас слово «реакция» воспринимается в уродливо-политическом понимании. Реакция — ответ на какое-то явление; это прилив и отлив, качание маятника в одну и другую сторону. Когда мы говорим о реакции этого периода, здесь нужно иметь в виду усталость монарха, государственного организма и всей страны после происшедших событий. Другое дело, что реакция эта выразилась в отнюдь не приятных событиях. Естественно, всегда стагнация вызывает у одной части населения протест, а у другой активность и быстрое приспособление к ситуации. В период, который называют периодом реакции, у нас зарождается революционное движение, которое выльется в события 1825 года — восстание декабристов.

2. Начало царствования Александра I

Перед тем, как начать изложение событий, скажу несколько слов об Александре I. Он родился в декабре 1777 года, был старшим сыном императора Павла Петровича и наследником престола. Любящая бабушка, императрица Екатерина II, сразу же забрала его у родителей и стала воспитывать сама. Воспитывать не так, как мы представляем себе

этот процесс сегодня: она не нянчила его — она разработала план воспитания, определила его принципы, набрала штат воспитателей, и сама контролировала этот процесс.

Все это было чрезвычайно хорошо обдуманно. Великому князю предоставили прекрасных педагогов, серьезных воспитателей, которые следили за гигиеной, физическим развитием, прививали ему немало хороших качеств. Но во всех этих, в общем хороших действиях было одно выдающееся явление: первой нянюшкой, склонившейся над кроваткой будущего императора, была бонна-англичанка и первые слова он произнес на английском языке, а самым любимым его учителем и воспитателем был швейцарец-республиканец Лагарп, человек по-своему замечательный. И хотя историю русской словесности преподавал ему известный тогда писатель Муравьев, а учили его физике, математике, астрономии замечательные мастера своего дела, Александр рос европейцем. Он сам впоследствии говорил, что всем хорошим в себе обязан Лагарпу.

Лагарп, судя по всему, был замечательный педагог, но человек республиканских взглядов, выросший в традициях такой необычной страны, как Швейцария. Он плохо представлял себе, что такое Россия. Это непонимание он и привил своему воспитаннику — естественно, не специально.

Воспитанник получился настоящим европейцем. Достаточно сказать, что он говорил совершенно свободно, помимо русского, на французском, немецком и английском языках. Они, можно сказать, были {53} для него родными. Мать и бабка его были немки, французский язык был языком, на котором все говорили в высшем обществе, нянька его была англичанкой, так что удивляться не приходится. Поэтому среди европейских государей он чувствовал себя на равных, у него не было проблемы языкового барьера. При том, что он себя считал русским, его всегда тянуло к иностранцам, и это было естественно после воспитания, которое он получил.

3. Последние годы жизни императора

И вот Александр, которого Лагарп воспитывал честным и благородным человеком на классических примерах, взятых из истории разных стран и веков, тем не менее, уже с детских лет должен был учиться скрывать свои чувства. Потому что, с одной стороны, он жил при дворе своей бабушки, которая души не чаяла в своем внуке, называла его ангелом и втайне продумывала проект устранения Павла, своего сына, от наследства, чтобы империя сразу перешла к любимому внуку. С другой стороны, он, естественно, часто проводил время в Гатчине, во дворце своего отца, где царил совершенно иной дух, иные манеры, иные разговоры. И он должен был уметь в Гатчине показать себя верным сыном своего отца, а в Петербурге, в Зимнем дворце, вести себя совершенно противоположным образом. В нем очень рано развилось лицемерие, и в этом, как утверждают современники, он не имел себе равных. Он умел внушить людям такое мнение о себе, какое хотел. «Лукавым византийцем» его впоследствии называл Наполеон.

С одной стороны, в нем было много от типичного интеллигента — чувствительность, склонность к задумчивости, меланхолии. С другой стороны, это был неутомимый путешественник, привыкший ездить без всякой поклажи в обычной открытой коляске, иногда с поднимающимся верхом. И если там наличествовал какой-то походный скарб, то это был просто сафьяновый матрасик, который привязывали сзади. Он ехал в дождь, в

стужу, ехал в санях вдвоем с кучером, без охраны. Здоровьем он отличался прекрасным, и потребность путешествовать у него была, видимо, в крови. Он объехал всю Европу, без конца ездил по России. Возможно, это было своеобразной реакцией на придворную жизнь.

Когда ему было 16 лет, любящая бабка женила его на баденской принцессе, которая, перейдя в Православие, получила имя Елизаветы Алексеевны. Она не оставила о себе памяти как о государственной деятельнице, но ее образ в русской истории сияет особым светом даже в ту эпоху. У Пушкина есть замечательное стихотворение с необычным названием: «Плюсковой». Плюскова была фрейлиной Елизаветы Алексеевны, через которую императрица однажды попросила Пушкина, молодого и уже очень известного поэта, написать ей какое-нибудь стихотворение — самой ей было просить об этом неудобно. И Пушкин, тронутый такой деликатностью, написал стихотворение «Плюсковой», чтобы только императрица знала, кому оно посвящено. Это очень искреннее и очень возвышенное произведение, одно из самых проникновенных в творчестве поэта. Она вышла замуж 14–15 лет, и первое время супруги были не столько супругами, сколько просто друзьями. Они чувствовали себя странно в придворном мире. Впоследствии жизнь их была не безоблачной. Были периоды охлаждения и даже неверности друг другу, но друзьями они сумели остаться навсегда. Они сумели простить друг другу и ошибки, и прегрешения, и конец их был тоже очень необычным. В начале 1825 года императрица была уже больна, а к осени стало ясно, что петербургский климат ее убивает. Врачи настаивали на поездке в Италию, но они на семейном совете почему-то решили, что поедут на юг России.

И вот Александр в своей коляске с очень небольшой свитой уехал в Таганрог, там снял дом, сам руководил расстановкой мебели, развесил картины. Вскоре приехала императрица. В обычном доме с палисадником они прожили, может быть, самые счастливые дни своей жизни. Александр наслаждался покоем, хотя где-то рядом квартировала свита и он, естественно, общался со своими приближенными. Но все-таки он жил отдельно от светской петербургской жизни. Много ездил, путешествовал по Крыму. В одну из таких поездок он очень сильно простудился, а вернувшись в Таганрог, занемог еще сильнее, вскоре слег и скончался. Тело его было забальзамировано, и свита повезла его в Петербург. Императрица не поехала его провожать, она задержалась в Таганроге, а потом очень медленно поехала в Петербург и скончалась в одном из городков при дороге.

Характер Александра потерпел сильное потрясение в 1801 году. Он действительно не думал, что отец его будет убит. Он был настолько наивен, что полагал, будто отца заставят отречься, что его необходимо сместить, убрать с трона для спасения страны. Воспитание, полученное Александром, породило в нем мечтательность и недалекость.

Когда он осознал, что отец его убит, он понял, что был соучастником этого убийства, и уже никогда не мог отделаться от этой мысли. В том, что у него не было детей (дочь его от связи с придворной красавицей Нарышкиной умерла в юности), он видел Божью кару. Впоследствии, предупреждая своего младшего брата Николая о том, что ему придется царствовать, он говорил, что видит Божью милость в том, что у Николая большая семья, много детей и все благополучно, тогда как он, не имеющий наследников, несет Божью кару за то, как он прожил жизнь. Так что Александр — фигура во многом трагическая.

Чтобы предупредить ваш вопрос о старце Федоре Кузьмиче, скажу, что это рассказ Толстого — и не более. Старец этот — реальная фигура, но к Александру Павловичу он не имеет никакого отношения. Не буду вдаваться в тонкости и детали, но факт смерти

императора был зафиксирован свидетелями, потому что умирал он в окружении своих приближенных. Нельзя совершить подмену тела так, чтобы не прошел соответствующий слух, когда так много свидетелей. Во-вторых, когда тело покойного императора было привезено в Петербург, то перед отпеванием его переложили из гроба, в котором везли, в новый. Это сделали его генерал-адъютанты, как и полагалось по протоколу. Люди, которые прожили с ним не один {54} год и знали его очень хорошо, сами облачали императора в мундир и перекладывали и гроб. Один из них, граф Комаровский, писал, что принимал в этом участие. Зачем ему было скрывать подобный обман? Да и при всем желании не могли бы они этого сделать — сразу пошли бы слухи.

Другое дело, что мы не можем вполне точно определить, кто из русских аристократов отправился в Сибирь и жил там под именем Федора Кузьмича. Есть мнение, что это был один из Урусовых, есть другие мнения. Может быть, кому-то и льстило, что его принимали за императора.

4. Реформы начала царствования

Итак, Александр, родившийся в 1777 году, в возрасте 24 лет стал российским императором.

Первый период его царствования — это желание реформ. Чтобы лучше понять ситуацию, он обращается к людям, которые могут что-то посоветовать. Близких людей в старшем поколении у него не было. Он знает приближенных бабушки и отца, но далеко не все привлекают его. Те, кто убили его отца, ему не симпатичны, да и бывшие бабушкины фавориты тоже не вызывают особой любви.

Александр сразу же вызывает своих друзей. Это был довольно узкий круг: молодой граф Строганов, сын знаменитого екатерининского вельможи и богача; двоюродный брат Строганова аристократ Новосильцев; племянник бывшего канцлера Российской империи князь Безбородко князь Кочубей; князь Адам Чарторыйский, незаконный сын русского фельдмаршала князя Репнина, в свое время командовавшего войсками в Польше и имевшего связь с польской аристократкой княгиней Чарторыйской. От этой связи родился сын Адам, естественно, носивший фамилию отчима.

Князь Адам был польский патриот и честно, со всем пылом молодости, говорил Александру, что будет отстаивать интересы Польши, если ему придется выбирать между интересами Польши и интересами России. Александр внимал этим заявлениям и впоследствии сделал Чарторыйского министром иностранных дел России. Не думаю, что это был самый удачный выбор.

Строганов тоже был своеобразный тип. Когда ему было 15–16 лет, его отправили в Европу с гувернером-французом, чтобы завершить образование. Поездив по Европе, он оказался во Франции, где в то время как раз разразилась революция. Строганов почувствовал себя там как рыба в воде: он вступил в клуб якобинцев и даже стал библиотекарем клуба. Кроме того, у него была связь со знаменитой ультра-революционеркой и революционной гетерой Франции некоей Теруань де Мерикур, которая стала одним из символов Французской революции.

Когда Екатерина узнала, как лихо проводит время в Париже молодой Строганов, она потребовала его немедленного возвращения, а его гувернеру был запрещен въезд в Россию. Строганов вернулся, его отправили в деревню под строгий надзор матери и запретили появляться в Петербурге. Со временем он излечился от своих якобинских пристрастий, хотя французскую жизнь перед революцией помнил неплохо. Его воспитатель окончил дни на гильотине.

Таков был своеобразный круг друзей Александра, из которых и был составлен знаменитый Негласный комитет, начавший действовать с лета 1801 года. Прозаседал он примерно год с небольшим и решил три круга вопросов.

ПЕРВЫЙ — оборона государства, армия и флот. Обсуждение было недолгим, так как сразу стало совершенно очевидно, что этим должны заниматься профессионалы, поэтому военные дела и были переданы в соответствующие инстанции. ВТОРОЙ круг вопросов касался международных дел. Здесь Александр проявил себя как человек, абсолютно не знакомый с внешней политикой России. Вышел даже некий казус: он предложил заключить какую-нибудь конвенцию против Англии, хотя незадолго до того именно с Англией была заключена очень выгодная конвенция. Англия была основным русским торговым партнером: все сырье и продовольствие, которое Россия вывозила, шло в Англию. Лес, лен, смола, пенька и хлеб на английских кораблях вывозились в Англию, а Россия получала весьма солидный эквивалент товаров в валюте. Александр это плохо понимал, но друзья по Негласному комитету сумели ему это объяснить, и было принято решение поддержать хорошие отношения с Англией. Что касается Франции, где первый консул управлял, как хотел (и уже в это время, в 1801 году, с ним вынуждена считаться Австрия), то было решено поставить предел ее честолюбивым устремлениям. Здесь обнаружилась та политическая недалекость Александра, которая была характерна для всего периода его царствования Александра, безусловно, нельзя назвать глупым человеком. Более того, его следует признать очень тонким дипломатом, но дипломатия — это не только искусство вести переговоры, но и, прежде всего, это умение верно определить стратегические цели для своей страны. В первом Александр не имел себе равных, второе ему было не дано. Он умел блестяще вести переговоры, но это искусство было растрчено впустую, потому что цели, поставленные Александром, были утопичными.

ТРЕТИЙ вопрос — что делать в России? — был самым сложным. По этому вопросу собирались чаще всего. Было прочитано немало докладных записок, написано проектов, которые доставлялись в Негласный комитет. Все крутилось вокруг одного и того же: что делать с крепостным правом?

Самое интересное, что воспитанный Лагарпом самодержавный монарх очень хотел ограничить самодержавие и ввести у нас нечто вроде конституционной монархии. Как это сделать, он не знал, как не знали и его друзья. А некоторым из его окружения при дворе, которые услышали, о чем говорят на заседаниях Негласного комитета, просто показалось, что все это — происки якобинской шайки. В конце концов пришли к выводу, что для отмены крепостного права надо резко активизировать просвещение в России. Но чтобы распространить просвещение, нужно было отменить крепостное право. Получался замкнутый круг. Не стоит судить Александра слишком строго: уже то, что он задумался над проблемой, свидетельствует в его пользу. На этой проблеме споткнулась, как мы помним, даже Екатерина. {55} Александр пытался что-то сделать, и это было реализовано, но не сразу. Его преемник император Николай I в течение всего своего царствования держал секретный комитет по крестьянскому вопросу, который наработал колоссальный

материал и подготовил кадры людей, сумевших провести реформу. Но эта реформа должна была вызреть, сделать ее одномоментно было невозможно.

Александр это не столько понимал, сколько чувствовал. Поэтому ограничились реформами более локальными, менее значительными. Среди этих реформ нужно помнить о реформе управления: вместо коллегий были учреждены министерства. Их было немного. 8 сентября 1802 года указом государя были учреждены министерства иностранных дел, военное, морское и абсолютно новые, уже не соответствовавшие коллегиям министерства внутренних дел, финансов, народного просвещения и юстиции, а впоследствии — министерство коммерции, т. е. торговли. Так что с 1802 года у нас есть то самое учреждение, заботами которого мы живы и сейчас. Сенат, который и сам не до конца понимал свои задачи, был не то что реформирован, но несколько упорядочен. Строго говоря, подредактировали регламент, данный Сенату Петром I, и оставили его высшим судебным контролирующим учреждением.

Естественно, указы Сената имели ту же силу, что и указы императора, но могли быть отменены императором. Сенат имел право делать императору представление, если находил какие-то несоответствия или противоречия в тех или иных указах, а также имел право контролировать министерства. Председательствовать в Сенате должен был государь, но в целом это не выходило за рамки того, что придумал для Сената Петр.

5. Крестьянский вопрос

И еще несколько слов о крестьянском вопросе. 20 февраля 1804 года были даны «Правила для крестьян Лифляндской губернии». По этим правилам:

воспрещалось продавать и закладывать крестьян без земли;

крестьянам предоставлялись личные гражданские права, вводилось крестьянское самоуправление и крестьянский суд;

крестьяне становились наследственными владельцами своих участков;

вводилось ограничение барщины двумя днями в неделю;

сумма оброка устанавливалась не помещиком, а специальной комиссией, и ею же контролировалась;

помещик сохранял дисциплинарную власть только над дворовыми и батраками.

Через год подобные Правила были даны и для крестьян Эстляндской губернии. Перед этим был учрежден закон о вольных хлебопашцах, который разрешал помещикам отпускать крестьян на волю поодиночке, семьями и чуть ли не деревнями, но только с землей. То есть помещик, желавший сделать такое хорошее дело, должен был заключить с крестьянами договор, который шел на утверждение государю. За все царствование Александра было освобождено 43 тысячи душ крестьян. Конечно, это бесконечно мало,

если иметь в виду все количество крепостных, но все же это было нечто принципиально новое. Эти мелкие шаги как-то видоизменяли сознание, заставляли думать.

6. Еврейский вопрос

Еврейский вопрос в России — это тема, при упоминании о которой кто-то улыбается, кто-то морщится, а кто-то негодует. Строго говоря, еврейского вопроса в России до XIX века не было вообще. И хотя какое-то количество евреев проживало на украинских землях, которые воссоединились с Россией, но оно было настолько незначительно, что на государственные дела никак не влияло. Но когда Екатерина присоединила к России колоссальные земли Белоруссии и Украины, принадлежавшие Польше, то многочисленное еврейское население этих территорий стало гражданами России, и проблема возникла.

Екатерина ввела черту оседлости: лица иудейского вероисповедания не имели права селиться в великорусских губерниях, а фактически могли оставаться лишь там, где проживали и до этого. Александр черту оседлости расширил, отнеся туда все южные русские губернии, начиная от Астраханской: Таврическая, земли Новороссии, все Витебские, Виленские, Подольские, Киевские, Литовские и прочие западные губернии тоже вошли в черту оседлости. Там лица иудейского вероисповедания могли жить совершенно легально. Все евреи, которые хотели получить образование, имели право учиться во всех учебных заведениях абсолютно без всякого ограничения. Что же касается духовных иудейских учреждений, то они должны были содержаться на соответствующих территориях за собственный счет. Я говорю об этом, потому что к еврейскому вопросу придется возвращаться, во-первых, когда мы будем говорить о восстании декабристов (у Пестеля были весьма определенные взгляды на этот вопрос), а во-вторых, как это ни печально, в связи с разговорами о еврейских погромах в России, возникшими впоследствии.

Между тем в самой России за всю ее историю не было ни одного еврейского погрома. На молдавских, украинских территориях они имели место, но на собственно русских территориях — ни разу. Что же касается царского правительства, то как только создавалась подобная взрывоопасная ситуация, казаки должны были защищать еврейские кварталы от погромщиков, и зачастую это им удавалось. Поэтому расхожий штамп, что Россия — страна еврейских погромов, должен быть отмечен. Что касается украинских отношений с еврейским населением, то это тяжелейшее наследие XVII века. Как вы знаете, во время распространения унии православные храмы конфисковывались и сдавались в аренду еврейским держателям шинков (кабаков). Тогда-то и родился на этих землях антисемитизм, пустивший глубокие корни.

Напомню, что в Российской империи до 1917 года ни в одной анкете не было графы «национальность». Была графа «вероисповедание», потому что вероисповедание могло быть православное, католическое, протестантское, мусульманское, иудейское — какое угодно. И это делалось не для того, чтобы унижить человека, а как раз для того, чтобы не поставить его в ложное положение. Национализм вообще для нас не типичен. У нас имел место подъем патриотизма. Как известно, в 1812 году один из представителей {56} русской аристократии, князь Голицын, выразил свои патриотические чувства тем, что нанял учителя, чтобы выучиться русскому языку. Он с детства говорил только по-

французски. В 1812 году это было неудобно, и он пошел на такой серьезный шаг — выучить русский язык с учителем.

У Суворова были проблемы с некоторыми офицерами, которые плохо говорили по-русски. И он говорил: «Бог с ними, пускай говорят по-французски, лишь бы думали по-русски». Можно ли говорить о национализме как явлении массовом в такой стране? Это одна из удивительных особенностей нашей страны, нашего народа — очень разного, очень в чем-то наивного, но и очень хорошего.

7. Реформа образования

Остается поговорить о реформе образования. Вводилось шесть учебных округов, в каждом из которых центром был город с университетом. Именно, Санкт-Петербург, Москва, Вильно (это был центр, объединявший всю Литву, Белоруссию и Юго-западный край), Казань, Харьков и Дерпт (ныне эстонский Тарту). Сначала было введено пять округов, но вскоре добавился шестой, потому что харьковское дворянство собрало огромные по тем временам деньги (450 тысяч рублей) и учредило у себя университет.

Во главе каждого округа стоял попечитель, который жил в столице и представлял там интересы округа. Это были люди, входившие в самые высшие сферы. Так, попечителем Петербургского округа был Новосильцев (личный друг Александра и участник Негласного комитета), попечителем Московского округа — Михаил Никитич Муравьев, учитель Александра; попечителем Виленского округа был Чарторыйский.

На нужды просвещения в 1804 году была ассигнована фантастическая сумма — 2 млн. 800 тыс. рублей. Самая большая сумма, ассигнованная на просвещение Екатериной, была 780 тыс. рублей. Каждый университет получал 130 тыс. рублей в год. Учитывая, что годичный заработок чиновника иногда исчислялся десятками рублей, это была большая сумма. На каждую из 42 гимназий выдавалось примерно по 6 тыс. рублей, на каждое уездное училище (а их было 405) — по 1,5 тыс. рублей. Сверх казенных были частные учебные заведения — Демидовский лицей в Ярославле и гимназия высших наук имени Безбородко в Нежине. В 1804 году был принят университетский устав, который даровал университетам автономию, а ученый совет университета становился высшей инстанцией для всех уездных гимназий и училищ. Попечители, ничего не контролируя, только представляли интересы. Здесь царила удивительная свобода. В это время был основан Царскосельский лицей, а Карамзин получил пенсию в 2 тыс. рублей в год, которые он истратил по-своему: поселился в Остафьево и начал работать над «Историей государства Российского»

Кроме того, Александр истратил 60 тыс. рублей на оплату заказанных переводов. Переводили на русский язык Тацита, Бентама, политические, экономические и прочие трактаты. Если уровень учебного учреждения, его программы определять по тому, какие выпускники выходят из этого учреждения, то равных лицей в Царском Селе никогда не было. Одного Пушкина было бы достаточно, чтобы навсегда прославить любое учебное заведение. Но кроме Пушкина в лицее учился и канцлер Российской империи князь Горчаков, учились генералы и адмиралы, правоведы, писатели и переводчики, поэты.

Все это успел сделать Александр в начале своего царствования. Это произвело сильное впечатление на современников, и недаром эти годы запомнились как «дней Александровых прекрасное начало». Но вскоре все переменялось, и внешняя политика, которую очень своеобразно понимал Александр, заняла основное место в его жизни.

Лекция 12

_1. — 3-я антинаполеоновская коалиция. 2. — Аустерлицкое сражение. 3. — Тильзитский мир. 4. — Континентальная блокада. 5. — Русская дипломатия в 1808–1812 гг. 6. — Континентальная блокада и русские финансы. 7. — Соотношение сил и планы сторон накануне войны 1812 г. 8. — Начальный период Отечественной войны. 9. — Бородинское сражение. 10. — Оставление Москвы. 11. — Отступление наполеоновской армии.

Сегодня у нас пойдет речь о наполеоновских войнах, т. е. о событиях 1805–1807 годов и о войне 1812 года.

1. 3-я антинаполеоновская коалиция

В 1805 году составила третья антинаполеоновская коалиция, в которую вошла и Россия. Напомню, что первая коалиция европейских государств против Франции составила еще в 1792 году, в разгар Французской революции; вторая имела место в конце XVIII столетия (как раз в 10-летие действия этой коалиции были предприняты Итальянский и Швейцарский походы Суворова), а в 1805 году сложилась третья коалиция. Инициатором ее создания была Англия, которая находилась в состоянии войны с Францией с 1803 года. Для того чтобы понять специфику действий Англии, надо вспомнить, что в то время в этом государстве не было регулярной армии, а был только первоклассный, самый большой в мире флот, и потому Англия, будучи великой торговой державой, готова была понести немалые расходы на финансирование армии континентальных государств. Наполеон в 1804 году готовил уже армию для десанта в Англию, и в Булони, на берегу пролива Ла-Манш, был устроен огромный армейский лагерь. Готовились десантные суда, и Наполеон говорил: «Нужен только один день туманной погоды, чтобы стать хозяином Лондона и Английского банка». Для англичан было вопросом жизни и смерти организовать союз континентальных государств, которые бы заставили Наполеона заняться проблемами на континенте.

Английской дипломатии удалось это сделать, и в начале осени 1805 года в войну вступает Австрия, а на помощь Австрии начинают двигаться русские армии. Передовая австрийская армия продвинулась в Баварию и сосредоточилась в крепости Ульм; австрийская стратегия была рассчитана на то, что основные {57} силы французской армии будут сосредоточены на берегах Ла-Манша и, следовательно, Наполеону не удастся быстро развернуть свою армию для отражения нападения австрийцев.

Русская армия двигалась в это время через территорию современной Чехословакии на помощь австрийской армии. Наполеон сумел в течение месяца перебросить всю свою армию на австрийский фронт и, окружив крепость Ульм, заставить капитулировать 30-тысячную австрийскую армию со всем ее колоссальным снаряжением. После этого небольшая русская армия, которой командовал Кутузов, и которая в это время уже подходила к городу Браунау, попала в тяжелейшее положение, потому что Кутузов вынужден был срочно разворачивать армию на обход в условиях горных дорог, в то время как французы по лучшим дорогам уже обходили русскую армию, прижимая ее к Дунаю.

В этой ситуации Кутузов сумел отвести русскую армию от берегов Дуная, осуществить переход Дуная и почти оторваться от французов. Французская армия уже заняла Вену, сумела без выстрела захватить Венский мост, переправиться через Дунай, и опять Кутузов оказывался почти в окружении. Тогда 4-тысячный отряд под командованием генерала Багратиона был послан предупредить французов на дороге, по которой они выходили в тыл русской армии. Он сумел задержать французский авангард у Шенграбена, в течение суток отбивая его атаки, и Кутузов смог вывести армию из-под удара.

2. Аустерлицкое сражение

Казалось, такие действия если не сулят громкой славы, то во всяком случае являются бесспорным достижением. У австрийцев оставалось не очень много боеспособных частей, но из России подтягивалась гвардия, подтягивались дополнительные части и на позиции. В местечке Оломуц русская армия насчитывала около 100 тысяч человек вместе с 15–20 тысячами австрийцев. Приблизительно столько же было и у Наполеона. Прибывший в армию император Александр вместе с австрийским императором желали сражения, поскольку им казалось, что французы, оторвавшись от своих баз, находятся в невыгодном положении. Главнокомандующий русской армией Кутузов был убежден, что сражение будет проиграно. Он говорил об этом совершенно откровенно императору и его окружению, но Александр — самодержец всероссийский, человек очень не простой и неглупый, — обладал одним недостатком: он был не способен к военному делу.

Несмотря на предупреждения Кутузова, сражение было дано и было полностью проиграно русской армией, причем с очень большими потерями. Под Аустерлицем погибло очень много людей, были разбиты лучшие русские части, и хотя гвардия и другие войска сражались очень храбро, но само руководство войсками было утрачено в первые же часы битвы. Во многом этому способствовала диспозиция, написанная австрийским генералом Вейротером, который служил еще во времена Суворова, но, тем не менее, вся его кабинетная стратегия стоила в реальных условиях очень мало.

Аустерлиц стал особой победой для Наполеона, поскольку это было годовщиной его коронации, и Аустерлиц был вечным стыдом русских войск, хотя они были в этом не виноваты. Кутузов никогда не мог забыть этого позора. Он был ранен в Аустерлицкой битве и чудом избежал пленения. Уже в конце 1812 года, победив Наполеона, он говорил офицерам: «Вы помните? Я не виноват в Аустерлицком поражении». И он действительно был не виноват.

После этого разгрома австрийский император тут же прислал к Наполеону парламентариев, и тот милостиво согласился вступить с ним в переговоры, но с неперемным условием,

чтобы русские войска покинули территорию Австрийской империи. Таким образом, Австрия пошла на сепаратный мир, а Россия должна была отвести свои войска за границу.

Казалось, что этот урок не мог пройти бесследно не только для России, но и других европейских монархов, но дальше произошла очень курьезная история со вступлением Пруссии в войну. Если читать изложение этого события у академика Тарле в книге о Наполеоне, то создается впечатление, что это просто не поддается никакому рациональному объяснению.

Осенью 1806 года Пруссия начала военные действия против Наполеона. Она была разбита в течение каких-то двух недель, причем полный разгром прусской армии произошел в знаменитой битве при Аушtedте-Иене, в двух сражениях, происшедших в один день в двух городах неподалеку друг от друга. Прусская армия прекратила свое существование, после чего все главные крепости прусской монархии сдались без единого выстрела; французы просто подходили к очередной крепости, с пушками или без, и крепость сдавалась. Деморализация Пруссии в 1806 году кажется совершенно невероятной. Таким образом, третья коалиция была уничтожена в 1805 году, а в 1806 году перестало существовать Прусское королевство в прежнем своем виде, поскольку по условиям мира, который продиктовал прусскому монарху Наполеон, Пруссия лишалась очень многого.

Оставалась Россия, которая не вела переговоров о мире с Наполеоном и была вынуждена действовать в Польше. Кампания 1807 года поначалу даже обнадеживала. Русской армией командовал генерал Беннигсен, один из основных деятелей событий 11 марта 1801 года — человек, бесспорно, хладнокровный. В сражении при Пултуске успеха, в общем-то, не было ни у французов, ни у русских войск — была ничья. Генерал Беннигсен докладывал, что он разбил Наполеона, а французский генерал Ланн говорил о своей победе. Следующее сражение разыгралось зимой, в метель, у города Прейшиш-Эйлау и было чрезвычайно кровопролитным: на поле боя остались лежать десятки тысяч трупов от каждой стороны. Говорили, что это было самое страшное сражение за все время наполеоновских битв. И хотя русская армия отошла в боевом порядке, но и французская армия отошла, а впоследствии сам Наполеон, командовавший французскими войсками, говорил русскому дипломату: «Поскольку вы отвели свои войска после окончания сражения, то я его назвал своей победой». {58} Французы ничего не добились. Но наступало лето, и в сражении при городе Фридланде (сравнительно недалеко от Кенигсберга) Наполеон, наконец, смог нанести решающее поражение русской армии. Надо сказать, что многие старшие офицеры полагали, что именно летом Наполеон сумеет одержать победу, и указывали Александру на то, что надо срочно начинать переговоры с французами, а его брат Константин Павлович сказал за день до сражения, что проще дать каждому солдату заряженный пистолет и велеть застрелиться — результат будет тот же. Сражение при Фридланде изобиловало трагическими эпизодами. Русская армия с большим трудом держалась на позициях, но потом была сбита, попала в тактическое окружение и могла быть полностью уничтожена, но Наполеон не преследовал русскую армию и дал ей спокойно уйти за Неман. Это было расценено как желание Наполеона вести переговоры.

3. Тильзитский мир

Поскольку армия была расстроена, а Наполеон обладал колоссальными силами, император Александр вынужден был вступить в переговоры. Начавшиеся переговоры о перемирии быстро перешли в переговоры о мире и, наконец, 13 июня 1807 года в Тильзите последовало знаменитое свидание двух императоров на плоту, укрепленном посредине реки Неман. С этого момента в течение двух недель Наполеон и император Александр вели переговоры обо всем, что их интересовало, с глазу на глаз.

Документов сохранилось очень мало. Систематической записи этих переговоров никто не вел, поэтому судить о них можно лишь по немногим воспоминаниям тех, кто имел к ним какое-то отношение, и по их результатам. А результатом было подписание двух договоров: договора о мире с Францией и секретного договора с ней же о союзе. Наполеон проявил бесспорную широту: он не имел никаких претензий к России — наоборот, готов был предложить России разделить Пруссию просто пополам. Одна сторона отошла бы к Франции, другая — к России. Он готов был рассматривать вопрос о Турции — одряхлевшей Оттоманской империи, которая не представляла никакой угрозы, и Наполеон намекал, что он готов уступить Турцию России. Александр вежливо отказался и в турецком и в прусском случае, но в прусском он даже настаивал, чтобы от Пруссии даже что-то сохранилось. Наполеон пошел на это, сохранив от бывшего большого европейского государства небольшую его часть. Причем в четвертую статью договора он велел вставить слова, что он сохраняет Прусское государство только из уважения к императору российскому.

Результатом Тильзитского мира было присоединение России к континентальной блокаде. Континентальная блокада — политическая система, которую создал Наполеон, была оформлена декретом в 1806 году после разгрома Пруссии. Наполеон подписал этот декрет, находясь в Берлине. В нем говорилось, что отныне ни одно европейское государство не имеет права торговать с Англией. Таким образом, европейский континент был для Англии закрыт. Сейчас мы бы назвали это экономической блокадой. Так оно и было. Этим Наполеон добился, как ему казалось, экономического ослабления Англии и стимулировал развитие торговли на континенте, поскольку конкуренции английских товаров больше не было.

На самом деле оказалось, что он ошибался и в первом, и во втором случаях. Задушить экономически Англию он не мог, т. к. она продолжала вывозить все из своих бесконечных колоний, хотя уровень жизни упал, и экономика Англии была не в блестящем состоянии. Что же касается европейской торговли, то, как полагают специалисты, Наполеон нанес ей огромный ущерб, потому что как раз и французская экономика, и экономика других стран, которые шли в фарватере Наполеона, были завязаны на Англии.

4. Континентальная блокада

К этой континентальной блокаде и должен был присоединиться император Александр. Хорошо, если бы это было просто политическим моментом, но присоединяясь, надо было соблюдать еще и экономические условия. Александр, правда, сумел так расплывчато сформулировать договор, что потом уже Россия могла вольно толковать отдельные его параграфы. В частности, там отсутствовала статья о запрете торговать с нейтральными государствами. Но тем не менее, раз у нас прекращалась торговля с Англией, то, следовательно, прекращался вывоз хлеба, древесины, льна, пеньки и т. д., на чем,

собственно говоря, и держалась наша внешняя торговля. Следовательно, прекращалось поступление полновесных монет в русскую казну, а русские финансы были уже расстроены.

В 1805 году дефицит был уже весьма значительный, и на протяжении последующих лет он неуклонно возрастал. У нас, как вы знаете, была двойная денежная система — серебряные деньги и бумажные. И вот сначала за бумажный рубль стали давать 70 копеек, а через несколько лет он уже стоил 20 копеек. Был момент, в месяц рубль падал до 10 копеек.

Русское национальное самолюбие было ущемлено Тильзитским миром, хотя при том, в каком положении оказался тогда Александр, Тильзитский мир был политическим успехом. Россия ничего не потеряла из своих территорий, даже немного приобрела, но то, что Россия лишилась возможности проводить самостоятельную политику в национальных интересах, конечно, многими рассматривалось как бесспорная неудача. Помещики были недовольны, потому что не могли продавать хлеб, коммерсанты были недовольны, потому что не могли торговать с Англией. Ропот был, и, как говорят, были даже анонимные письма Александру, где ему напоминали о судьбе его отца. (Интересно, что именно в это время Александр восстановил тайную полицию, которая, как вы помните, была уничтожена сразу после 11 марта 1801 года.) Но надо было соблюдать хорошую мину при плохой игре, и в 1808 году последовало еще одно свидание императоров, уже в Эрфурте — немецком городе.

5. Русская дипломатия в 1808–1812 гг.

Свидание это было нужно не столько Александру, сколько Наполеону. Дело в том, что Наполеон в это время уже начал испанскую войну, которая лавров ему не принесла. Несмотря на то что французские войска заняли Мадрид и другие испанские города, несмотря на то, что испанская королевская фамилия была уже отвезена во Францию, простой испанский народ сражался с французами до последнего, {59} ведя партизанскую войну в масштабах всей страны. Наполеон вынужден был держать в Испании не менее 150 тысяч отборных войск, и конца-края этой войне не было видно. Поэтому ему нужен был и дипломатический успех, что он и продемонстрировал на встрече в Эрфурте. Опять декларация, опять демонстрация альянса, но именно тогда произошло событие, о котором у нас любят вспоминать. Именно тогда министр иностранных дел Франции князь Талейран, имея аудиенцию у императора Александра, заявил ему буквально следующее: «Русский император — цивилизован, французский народ — цивилизован, французский император — нецивилизован, русский народ — нецивилизован. Надо, чтобы русский император и французский народ стали союзниками».

Александр, изощренный дипломат, понял, что во Франции есть пусть пока негласная, пока неявная, но уже значительная оппозиция политике Наполеона.

Вскоре в дипломатической русской переписке начинает упоминаться имя какой-то Анны Ивановны, которая дает очень ценную информацию и получает за нее деньги от русской казны, причем немалые. Спустя много-много лет выяснилось, что «Анной Ивановной» был министр иностранных дел Франции. В одной из популярных книжек по истории шпионажа глава так и называется: «Алчная Анна Ивановна».

Становится очевидным, что союз императоров — вещь недолговечная. Армия не прочь смыть горечь предшествующих поражений, дворянство недовольно Тильзитским миром, и Александр вынужден к этому прислушиваться. Наполеон еще пытается поддерживать с Россией хорошие отношения, но в 1810 году наступает явное ухудшение. В это время Наполеон в очередной раз разбил Австрию. В 1810 году он заключает второй брак (со своей первой супругой он развелся, так как она не могла родить ему наследника)

Тогда одновременно были сделаны запросы в Петербург относительно сестры императора Александра Анны Павловны и в Вену, в австрийский царствующий дом. В Петербурге Александр отказал со всей возможной вежливостью, написав, что он ничего не имеет против и вообще только об этом и мечтает, но Анна слишком молода, и мать, вдовствующая императрица, желает, чтобы она еще немного подросла.

Наполеон понял, что получил отказ, и тут же был сделан соответствующий запрос в отношении Марии-Луизы, принцессы Австрийской, которая однажды написала своей близкой подруге, что не желает ничего подобного, но если это нужно для спасения страны, она на это пойдет. Император австрийский мгновенно дал положительный ответ, и брак был заключен. (В этом браке был рожден мальчик, который чуть ли не при рождении получил титул Римского короля и который видел своего отца очень недолго. В 1815 году Наполеон был сослан на остров Св. Елены. Мальчик вырос, имел титул герцога Рейнштадтского, жил в Австрии и умер молодым).

6. Континентальная блокада и русские финансы

В 1810 году в России происходят события более существенные: вводится новый тариф. Финансы наши пришли в такой упадок, что спасти их могло только что-то радикальное. Новый тариф облагал все товары, которые ввозятся из-за границы, колоссальной пошлиной, а поскольку ввозились только французские товары, а английские не ввозились, то это было, естественно, по интересам французских купцов

Наполеон протестовал, но ему объяснили, что это направлено не против него, а просто нет денег. Одновременно было использовано отсутствие в Тильзитском договоре статьи о нейтральных государствах. Отныне все российские порты были открыты для всех кораблей под нейтральным флагом. Англичанам не надо было ничего объяснять, они сразу все поняли. При заходе в русский порт английские капитаны поднимали на мачте флаги государства Тинериф (это островок в Атлантическом океане) и загружались до самого верха, честно расплачиваясь своими золотыми фунтами. Благодаря этим кардинальным мерам российские финансы устояли. Но было ясно, что добрым отношениям с Наполеоном приходит конец, потому что они просто нежизненны, и с 1810 года оба государства начинают подготовку к войне.

Именно в начале 1810 года Наполеон приказал подать ему книги о России. Он читал о русской истории, в частности, очень интересовался историей Петра I. Именно тогда, возможно, во Франции было сфабриковано подложное завещание Петра I, как некоторые считают. Наполеон интересовался русской географией, климатом, расспрашивал русских послов во Франции о России. С этого момента он готовится к войне — начинается мобилизация армии и переброска ее в Пруссию и Польшу, но пока все довольно спокойно.

В России тоже понимают, к чему идет дело, благо есть абсолютно точные доказательства. В российском посольстве во Франции был военный атташе полковник Чернышев — молодой, веселый светский человек с приятными манерами, достаточно легкомысленный. Он без конца летал курьером из Парижа в Петербург и обратно. Во Франции он присутствовал на всех балах, которые давались в высшем обществе Парижа. Однажды во время бала начался пожар, и Чернышев, рискуя жизнью, спасал из огня французских красавиц. Естественно, после этого двери всех парижских салонов были перед ним открыты

Его считали веселым танцором, гулякой, романтической личностью, у него была возлюбленная в высшем свете. Но никто не предполагал, что у этого светского франта есть еще один вид деятельности: он был главой русской военной разведки в Париже.

Чернышев поставил дело на солидную ногу. Наполеону раз в месяц составлялся отчет о великой французской армии, о состоянии снаряжения, вооружения, о дислокации и численном составе войск — короче, обо всем, что императору следовало знать. Он составлялся в единственном экземпляре. Наполеон очень долго не подозревал о том, что специально для Чернышева составлялся второй экземпляр, который тот прочитывал почти одновременно с императором и умудрялся переправлять в Петербург.

Впоследствии контрразведка Наполеона вышла на след чиновников военного министерства, которые этим занимались. Сам Чернышев в это время уже уехал в Россию. Разумеется, изменники родины были расстреляны, но ущерб ей они нанесли чудовищный. В Петербурге знали все — о таком можно было только мечтать. В это же время русская разведка сумела выкрасть военные планы и в Вене. Вена была союзником Парижа, Наполеон требовал, чтобы она приняла в будущем участие в войне против России. Составлялись соответствующие планы, которые опять-таки были скопированы и попали в Петербург.

Стало очевидным, что Наполеон готовит огромную коалицию против России. С севера должны были ударить шведы, с запада — французы и австрийцы, а с юга — турки (напомню, что с Турцией шла война с 1707–1708 гг. с Россией больше воевать не хотели, они потеряли всю Финляндию и были бы довольны, если бы Россия не возражала, чтобы к ним отошла Норвегия.

С турками война шла с переменным успехом много лет, но когда туда был назначен Кутузов, он сумел эту войну закончить и в 1812 году подписал Бухарестский мир — за 37 дней до наступления Наполеона. Турок выбили из этой необъявленной коалиции, и впоследствии Наполеон говорил, что он должен был остановить действия, получив сведения, что Турция подписала мир.

Что касается австрийцев, то с ними обошлись еще проще: как только бумаги с австрийскими планами были положены на стол в Петербурге, русский канцлер вызвал к себе для беседы австрийского посланника. Ему показали все эти суперсекретные документы и потребовали объяснений. Пока он подбирал слова, из-за занавески вышел сам император всероссийский Александр Павлович, который очень сухо сказал, что если австрийцы вздумают воевать, то с ними будут воевать до победного конца. Тут же Александр получил заверения, что дальше планов дело не пойдет. И, в общем, австрийцы сдержали свое слово.

Дипломатическую фазу подготовки к войне Наполеон проиграл. Наступала военная стадия, и надо сразу вспомнить, что качество вооружения было одинаково. Что же касается численности войск, она была разной: Наполеон подготовил армию для военных действий в 600 тысяч человек, она была сосредоточена в Пруссии и частично в Польше, и перед ним стоял выбор: или ждать, пока русские войска вступят в Польшу и разгромить их там (для него это было наиболее выгодной ситуацией), или самому переходить русские границы.

7. Соотношение сил и планы сторон накануне войны 1812 г.

Русских планов он не знал, поскольку на бумаге они не существовали. Военный министр России генерал Барклай-де-Толли был слишком умным человеком, чтобы писать подобные документы: если их можно было украсть в Париже и в Вене, то что мешало осуществить подобное и в Петербурге? Не произнося никаких лишних слов, он определенно был против вторжения в Польшу и планировал стратегическое отступление. Он мог оценить истинную силу французской армии, потому что знал точные цифры численности французских войск, а этого больше не знал практически никто. Ему было известно, что Наполеон непосредственно для вторжения в Россию отрядил эшелон численностью в 440 тысяч человек, а второй эшелон, приблизительно в 160 тысяч человек, находится за Вислой и может присоединиться к первому в очень короткий срок.

Две русские армии (первая — приблизительно в 100 тысяч человек в районе Вильнюс — Каунас — Ковно, а вторая приблизительно в 50 тысяч человек под командованием генерала Багратиона в районе Гродно), естественно, уступали по численности французским войскам в три-четыре раза. Южная армия, которая базировалась в районе Луцка, должна была все-таки прикрывать австрийское направление. Барклай понимал, что авантюра с наступлением в такой ситуации губельна.

8. Начальный период Отечественной войны

И вот когда 22 или 24 июня 1812 года французы начали наступление, русские стали отступать. Но не сразу стало ясно, что надо делать. Император Александр со своим пристрастием к иностранцам (известна знаменитая просьба генерала Ермолова, который, когда Александр обратился к нему: «Что ты хочешь у меня попросить?» — сказал: «Государь, произведите меня в немцы!») в это время принял в армию с чином генерал-майора прусского генерала Пфуля, автора прусской кампании 1806 года, которая кончилась Иеной-Аушtedтом. Пфуль, типичный кабинетный теоретик, размышляя над картой, при помощи линейки и циркуля высчитывал марши и контрмарши и считал, что первая армия должна отвлекать на себя французские силы и находиться в укрепленном лагере у местечка Дрисса на Западной Двине, а в тылу французской армии будет действовать вторая армия. Все это выглядело бы довольно красиво, если бы он действительно, во-первых, понимал планы Наполеона, а во-вторых, знал, истинную силу французской армии.

Ничего этого он не знал и знать не мог, но Александру смог внушить свою идею. И поэтому первая армия была вынуждена отступить в Дриссу, но там генералитет в резких выражениях дал Александру понять, что это все не просто глупость, а преступление. Толстой приводит слова маркиза Паулуччи, который был на русской службе, о том, что Дрисский лагерь мог придумать либо изменник, либо сумасшедший, а тогда ему нужен либо сумасшедший дом, либо виселица. И вот происходят события чрезвычайно важные.

Александр, во-первых, высылает Пфуля из армии, а во-вторых, сам уезжает из армии в Москву, чтобы возбудить патриотические чувства у русских людей. Это был правильный шаг. Барклай получил известную свободу действий и тут же повел армию к Полоцку. Надо сказать, что потеря времени, затраченного на отступление из Дриссы, вызвала затруднения, и приходилось отступать с тяжелыми арьергардными боями. Если посмотреть на географическую карту, то русские армии шли как бы в разные стороны: они расходились — вместо того, чтобы сходиться. Багратион от Гродно попытался пройти к Минску, но Минск уже был занят французскими частями. Он повернул на юг, в тяжелых условиях оторвался от французов, переправился через Березину, а дальше пошел на Могилев, надеясь дойти до Витебска и там соединиться с первой армией, но опять в разрез успели выйти французские корпуса. Он опять {61} повернул южнее, пошел на Красный (знаменитый бой у Красного с французским авангардом), и наконец русские войска смогли соединиться у Смоленска.

Барклай в своем плане исходил из того, что французы, отходя от своих баз, удлиняя коммуникационные линии, будут терять войска на гарнизоны, на коммуникации, большими, просто в стычках и французских сил не хватит на то, чтобы преодолеть русские пространства.

Он был абсолютно прав: падеж лошадей во французских обозах начался практически сразу. Но Наполеон еще надеялся перехватить инициативу, а для этого ему нужно было успеть поймать русские войска и разгромить их в генеральном сражении. Но русская армия уходила из Полоцка, из Витебска, и вот она, наконец, соединилась в Смоленске. Началось смоленское сражение, и Наполеону казалось, что здесь он уже получит желаемое. Но через три дня сражения русская армия по приказу Барклая отошла и от Смоленска. Смоленск сгорел, взрывали пороховые склады, бросали тех, кого не могли увести, раненых, и отходили на восток. Здесь Наполеон впервые столкнулся с тактикой выжженной земли, но не понял, что его ожидает.

В русской армии роптали, армия хотела воевать. Плана Барклая не понимал никто, и Багратион в письмах своим знакомым в Петербург и даже царю обвинял Барклая в измене. Начинает формироваться ополчение, а в те времена полагалось давать ополчению предводителя. И вот и Петербург и Москва практически одновременно выбирают в качестве руководителя ополчения генерала Кутузова. Это был совершенно ясный намек императору Александру на то, кого хотят видеть во главе армии. Александр сделал следующее: он собрал своеобразный неофициальный комитет из нескольких человек (Негласного комитета уже не было) и попросил их подумать, кто будет главнокомандующим. И когда те рекомендовали ему Кутузова, он согласился. Александр не любил Кутузова после Аустерлица, и я думаю, что нелюбовь эта объяснялась не только тем, что Аустерлиц был позором для русской армии. Кутузов был гениальный дипломат, человек выдающихся способностей, и Александр был замечательный дипломат — им было трудно ужиться. Александр был по духу западник, а Кутузов думал только о русских интересах.

Так вот, после Смоленска для Александра стало ясно, что нужно что-то делать, и Кутузов был назначен главнокомандующим русских войск. Он тут же получил титул князя Смоленского и приехал в армию, когда она стояла в Царевом Займище. Это была позиция, на которой Барклай считал возможным дать сражение. Армия восторженно приветствовала приезд Кутузова, и полководец, пробурчав знаменитую фразу: «С такими молодцами — и отступить!» — тут же приказал отступление.

Он считал, что нужно отводить французов как можно дальше на восток, и никаких мыслей об изменении плана Барклая у него не было, потому что Барклай-де-Толли был абсолютно прав. Но Кутузов также понимал, что ему не дадут отступить без сражения до бесконечности. Несмотря на его русскую фамилию, несмотря на его моральный авторитет, несмотря на его полководческие дарования, на то, что он был учеником великого Суворова и т. д., ему не дадут отступить просто так, хотя он полагал, что сражение не нужно, что Бонапарт погибнет на необъятных российских просторах.

9. Бородинское сражение

И вот квартирмейстер армии полковник Толль положил перед Кутузовым план местности, в центре которой, на берегу реки Колочи, находилось село Бородино, и он принял решение дать сражение именно там. Место было выбрано для баталии «одно из лучших, которое на плоских местах выбрать можно. Слабые места я надеюсь исправить посредством искусства» — это из донесения Кутузова. Русская армия, численностью приблизительно в 120 тысяч человек (к ней подошло еще московское ополчение), должна была развернуться, а для этого требовалось время. Французы наседали, и разделяло их главные силы с русскими всего несколько километров. На этом пространстве сражался русский арьергард с французским авангардом.

24 августа (по старому стилю) у Колоцкого монастыря, в 8 километрах от села Бородино по Смоленской дороге, шел бой, где русский арьергард, которым командовал генерал Коновницын, сдерживал французов. В эти часы у деревни Шевардино строили редут и устанавливали батарейные орудия, т. е. тяжелые пушки, чтобы опять-таки задержать французов и дать нашей армии время для развертывания. В это же время возводились в километре за Шевардинским редутом укрепления, так называемые флеши (которые вошли в историю под названием Багратионовы флеши), неподалеку от деревни Семеновское.

И вот приблизительно в час дня полки Коновницына отошли в расположение русской армии, и показались французы. Когда Наполеону доложили, что русская армия развертывается, он понял, что наступило время генеральной баталии.

Ему сказали, что небольшой редут загроживает местность, мешает развертыванию французской армии, и Наполеон приказал взять редут. В 2 часа дня на Шевардинский редут началась атака французских сил. Шевардинский отряд был невелик: 12-я батарейная рота — это 12 тяжелых орудий и 10 тысяч пехоты и легкой кавалерии. Поскольку Наполеон хотел очень быстро раздавить этот редут, туда были направлены лучшие дивизии 1-го корпуса генерала Даву и вспомогательные силы — всего около 40 тысяч человек.

Побоище за редут продолжалось до наступления темноты. Редута уже не было, не было насыпей, пушек — все это было погребено под горой окровавленных тел; по бокам от редута в рукопашных схватках сходились пехотные части, совершали свои рейды гусары и уланы, а когда наступила темнота, то уцелевшая русская пехота оторвалась от французов и перешла в состав главных сил.

Теперь — план Бородинского сражения. Река Москва, река Колоочь, которая в нее впадает. В Колоочь впадают Война, Стонец, Каменка. Все это поле пересекает новая Смоленская дорога, южнее идет старая Смоленская дорога, деревня Утицы, село Бородино, Горки — ставка Кутузова во время сражения, {62} флеша Багратиона, батареи Раевского. Очевидно, что Кутузов расположил свои войска очень странно. Они фактически заняли положение углом, обращенным к французам. Расстояние от левого фланга до излучины Москвы-реки 10 километров, большое пространство занимают леса. И получалось, что для наступления французов открыт небольшой проход, ограниченный берегами реки Колочи и утицким лесом, шириной в три с половиной километра. При этом Кутузов главные силы, фактически всю первую армию (почти 80 тысяч человек) расположил на правом фланге, а слабую армию Багратиона — на левом.

Наполеон сразу понял, в чем тут дело, и, посвятив весь день 25 августа осмотру позиций, уточнениям, распоряжениям и дав французским солдатам отдохнуть, решил, что русские войска расположились настолько неудачно, что никаких особых трудностей тут не предвидится. Правда, он обсуждал со своим маршалом план сражения, и знаменитый маршал Даву, командир первого корпуса, предложил совершить глубокий обход по старой Смоленской дороге. И тут Наполеон ему заявил, что этого делать ни в коем случае нельзя, потому что русская армия сразу уйдет, а он не мог этого допустить, ему нужно было генеральное сражение. К вечеру настроение Наполеона немного испортилось, он понял, что стратегическая инициатива — не его. Обычно он совершал свои маневры и нападения так, что противник этою не ожидал, а теперь он вынужден был атаковать там, где ему было указано. Станным расположением своих войск Кутузов выбил у него из рук стратегическую инициативу. Кутузов подставился, но подставился настолько ловко, что Наполеону ничего не оставалось делать, как принять сражение на условиях, которые ему продиктовали. Всю ночь перед сражением Наполеон не спал, он заставлял своих адъютантов выходить из палатки и смотреть, не ушли ли русские, горят ли костры. Он говорил о сражении, о том, что грядет победа, очень нервничал и время от времени вставлял замечания по поводу военного искусства вообще и тактики в частности, упоминал Кутузова, ругал его.

План Кутузова был очень прост: раз приходится давать сражение, то надо дать такое сражение, которое сможет обескровить французскую армию, т. е. сражение на истребление живой силы противника. Поэтому ему было важно, чтобы французы атаквали. Он считал, что когда французы произведут атаку на русские позиции, то части из войск правого фланга, который не будет атакован (потому что здесь течет река Колоочь и высокий берег закрывает эту армию), будут переходить на левый фланг. Наполеон пытался все-таки схитрить, и все началось с атаки на Бородино. Был полный туман, и полк гвардейских егерей был атакован линейной французской пехотой. Свалка в этой деревне длилась полчаса, егеря были выбиты, отступили на мост, французы пошли за ними, но подошли стоявшие рядом части и матросы гвардейского экипажа. В штыковой атаке французы были сброшены с моста, и боевые действия здесь больше не возобновляются,

т. е. этот фиктивный удар был разгадан русским командованием, и стало ясно, что Наполеон будет атаковать именно там, где было ему предложено.

Приблизительно в 7 часов начались атаки на флеши, которые продолжались приблизительно до 12 часов дня. Историки насчитывают восемь атак, которые шли с постоянным наращиванием силы. Практически все лучшие части французской пехоты армии были вовлечены в эти атаки. Французы накатывались на флеши, их выбивали в рукопашной схватке, они опять накатывались, их опять выбивали. В течение этих восьми атак шла почти непрерывная рукопашная свалка. Французские силы таяли, русские силы таяли тоже, а военных подкреплений не было. Во время восьмой атаки Багратион лично повел в контратаку все наличные пехотные части, чтобы упредить удар на флеши, и был смертельно ранен. Ему французским ядром раздробило бедро. Он был вынесен с поля боя, а Дохтуров, который взял на себя командование, тут же отвел войска за Семеновское.

Наполеон хотел предпринять атаку на батарею Раевского, но в этот момент ему донесли, что в тылах французской армии появилась русская кавалерия. Испуг был настолько силен, что он приказал прекратить все атаки. Примчавшись в тылы, русской конницы он уже не увидел. (Еще в 10 часов утра по приказу Кутузова русская легкая кавалерия — казаки — совершили обход и, никем не замеченные, разгромили несколько обозов. При этом была опрокинута итальянская дивизия. Казаки не потеряли никого и благополучно вернулись). Таким образом, инициатива опять была выбита у Наполеона из рук.

За эти два часа резервы правого фланга заняли позиции на левом фланге. Кутузов понял, что пехота французов действовать уже не будет, она разбита и следует ждать кавалерийских атак. Поскольку надо было держать определенное направление, то вдоль Семеновского ручья встали гвардейские полки, которые еще не были в деле: Литовский, Финляндский; Семеновский и Преображенский полки стояли в тылу, за батареей Раевского. Кирасирские части, тяжелая кавалерия, которая предназначалась для взламывания обороны противника или для нанесения тяжелых контрударов, встали там же.

Кирасиры носили кирасы, которые предохраняли грудь от ударов и пистолетных пуль. Это были люди соответствующих габаритов: рост 1 метр 80 сантиметров был минимальным. Для них подбирали огромных лошадей. Так вот, именно кирасиры стали за батареей Раевского на возвышении. Место было выбрано с таким расчетом, чтобы врезаться на галопе во французских кавалеристов, когда они возьмут эту батарею. Приблизительно в 2 часа началась атака на батарею Раевского, и в 3 часа она была взята колоссальными массами французской кавалерии. Кавалерия при этом разделила судьбу той французской пехоты, которая полегла на флешах несколькими часами раньше. После чего и здесь произошел отход пехотных частей на 500–700 метров. На старой Смоленской дороге Утицкий курган штурмовался польским корпусом в течение всего дня, но успеха поляки не имели.

Ближе к сумеркам этого страшного дня стало ясно, что русские части на старой Смоленской дороге утратили взаимодействие со своим правым флангом, потому они также были отведены и восстановили {63} контакт с главными силами. Вечером Кутузов сдал приказ, что на следующий день русская армия контратакует французов, по ночью он получил сводку о потерях. Она была страшной, потому что из строя выбыла фактически половина: каждый второй был убит или ранен. И тогда Кутузов приказал отступить. Французы тоже потеряли половину своего войска (Толстой в «Войне и мире» не преувеличивает). В этом пространстве 26 августа (7 сентября по новому стилю) полегло 100 с лишним тысяч человек.

10. Оставление Москвы

На совете в Филях Кутузов произнес слова о том, что с потерей армии потеряна Россия, но с потерей Москвы Россия не потеряна, и приказал отступать дальше. Москва была занята французами 2 (14) сентября, а 5 (17) уже ревел московский пожар, и когда он стих, от города осталось не так уж много.

Сохранились подвалы, огромное количество алкоголя было найдено французскими войсками, хватало и продовольствия, но начался страшный падеж лошадей, потому что кормить их было нечем. Попытки найти что-нибудь в деревнях приводили к тому, что фуражиры либо пропадали, либо возвращались ни с чем. Мужики жгли все, что можно было скормить лошадям. Кутузов отвел свою армию сначала на Рязанскую дорогу, а потом там, где сейчас стоит город Люберцы, повернул вправо, ближе к Калужской дороге, и отвел ее в Тарутино (знаменитый Тарутинский маневр).

11. Отступление наполеоновской армии

За тот месяц, который французы оставались в Москве, русская армия получила хорошее пополнение, отдохнула и нанесла частное поражение французским войскам, которые ее там стерегли. Наполеон понял, что сидя в Москве он ничего не добьется, а попытки вступить в переговоры ни к чему не привели. Кутузов объяснил французским парламентам, что ни он, ни император Александр ничего изменить не могут, война уже стала народной. И тогда Наполеон вывел свою армию из Москвы на Калужскую дорогу. Ему нужно было дойти до Калуги, еще не разоренного города с большими хлебными запасами, а там можно повернуть на запад — конечно, не тем путем, которым он шел к Москве, потому что там все разорено.

В Малоярославце дорогу перегородили русские части, которые подходили к городу постепенно, и бой продолжался целый день. Город 8 раз переходил из рук в руки, после чего французы повернули обратно на Смоленскую дорогу и вышли на нее между Москвой и Бородино. Им опять пришлось пройти через Бородино (можно себе представить, что они там увидели). Они дошли до Вязьмы, но здесь они не задержались, а побежали в Смоленск. Смоленск обманул их ожидания: огромные продовольственные склады уже были разграблены ранее проходившими через город корпусами, и армия опять осталась ни с чем. Пришлось двигаться дальше.

По дороге на армию постоянно нападали казаки, а на части, которые откалывались, нападали партизаны. Кутузов вел свою армию параллельно, чуть южнее, не стремясь к генеральному сражению. Под Красным было не сражение, а истребление французов: зафиксированы случаи, когда в плен сдавались целые полки. В это время начались заморозки, и французы, полностью деморализованные, предпочитали плен, поскольку это была хоть какая-то надежда выжить. Наполеон, когда вел войска к Могилеву, понял, что огромные клещи готовы захлопнуться, потому что Южная армия подошла к Березине, к

Борисову, где была переправа. Подошла она только передовыми отрядами. То, что Наполеону удалось переправиться, отчасти его заслуга (он, конечно, великий полководец), отчасти — везение, отчасти — неудача тех генералов, которых он сумел обмануть. Он имитировал начало переправы в одном месте, и как только там сосредоточились передовые отряды, начал переправу в другом. Вода была еще не покрыта льдом, температура держалась около нуля, и французские саперы ценой своей жизни сумели построить свайный мост, по которому боеспособные части и были переведены на другой берег.

Как только части, не потерявшие стойкости (гвардия и еще несколько полков), перешли Березину, Наполеон приказал поджечь мосты. Огромная масса французов, немцев, поляков, испанцев, итальянцев, некогда бывших бойцами его армии, оказалась брошена на произвол судьбы. Уже стояли морозы. Казаки, сориентировавшись в обстановке, очень скоро перестали стрелять, а просто начали хватать французов в плен, наблюдая при этом жуткие сцены самоубийств и психических расстройств. Это был какой-то лагерь смерти — то, что они увидели при Березине. Уцелевшие части побежали в Вильно, но начались нешуточные морозы, был декабрь, температура опускалась до 20 градусов. И французы падали десятками и сотнями, погибая от обморожения. На каждом километре дороги вдоль обочины насчитывали до сотни мертвых тел.

В Вильно французы задержаться уже не могли, и в конце декабря через Неман переправились последние остатки Великой армии. Считается, что перешли границу в обратном направлении 30–40 тысяч человек, причем в основном из тех корпусов, которые действовали на Петербургском направлении и далеко не зашли, либо из тех гарнизонов, которые оставались все время в тылу и, естественно, пострадали меньше. Как только Наполеон оказался в Польше, он оставил армию и поехал в Париж в простых санях с небольшим окружением, чтобы собирать новую армию для борьбы с коалицией.

25 декабря, в Рождество Христово, ни одного француза, вооруженного и не плененного, в России уже не было. Поэтому 25 декабря по старому стилю — это день изгнания Наполеона, День Победы над Наполеоном. Поэтому Храм Христа Спасителя был освящен в честь Рождества Христова. Такова судьба Наполеона в России, такова краткая история Отечественной войны. Сейчас у нас эта война подернута флером героизма, это наш эпос, несмотря на то, что это Новое время. Рассказы о ней любят наши дети, но не надо забывать, что эта война настоящая, которая по своему значению сопоставима с нашествием татаро-монголов в XIII столетии и с нашествием гитлеровских немцев 50 лет тому назад. Это была война со всеми ее ужасами, убийствами, насилиями, грязью и дикой жестокостью. {64} Не нужно думать, что французы-европейцы вели войну какими-то деликатными способами. Европейцы в России всегда вели себя как варвары, достаточно вспомнить, что творилось в Москве, в Кремле. В середине Успенского собора была печь, в которой переплавляли все, что было похоже на золото. К иконостасу привязывали лошадей, иконы кололи топорами на дрова, гадили везде, не считаясь ни с чем, закусывали прямо на престолах в церквях, пытали священников — все это было. То же самое было в отношении мирного населения. Когда побежали обратно и начали подыхать от голода, то стали заниматься каннибализмом, повторяя подвиги поляков в 1612 году. Такие случаи были широко известны. Уходя из Москвы, Наполеон приказал взорвать Кремль, и не его заслуга, что не все было пущено на воздух. Была взорвана Никольская башня, часть Москворецкой стены, звонница у Ивана Великого, остальное взорвать просто не сумели: где-то взрыватели были плохо вставлены, где-то москвичи сумели их вырвать.

В Москве французы искали поджигателей, расстреливали сотнями, в основном у стен Новодевичьего монастыря. Что же удивляться, что в ответ они получили то же самое? Мужики не жалели французов, их били в хатах, закапывали на огородах, а партизаны тоже не всегда проявляли чудеса милосердия. И если Денис Давыдов избегал расстреливать пленных, то Фигнер пленных не брал принципиально, и всех французов, которые к нему попадали, ставили к ближайшей стенке. Поэтому не нужно воспринимать эту войну как что-то романтическое, она приобрела такой облик только потом — благодаря победе. Если же говорить об убытках, то это такие суммы, которые потрясли всю страну до основания.

Когда Наполеон был изгнан, Кутузов предложил Александру прекратить преследовать французов, потому что это не нужно России, потому что не надо тратить русскую кровь, русские деньги на европейские интересы. У Александра представления были другие, и он отвечал: «Михаил Илларионович, вы спасли не Россию, вы спасли Европу!» Таким образом, вопрос был решен. Дальше — заграничный поход, битвы под Лейпцигом, взятие Парижа в 1814 году, десятки тысяч убитых и, конечно, удовлетворенное самолюбие. Но объективно это была война не в интересах России, и Кутузов это понимал. Он умер в начале 1813 года, в местечке Бунцлау, похоронен в Казанском соборе в Петербурге, и могила его там и поныне.

Лекция 13

1. — Венский конгресс. 2. — 100 дней Наполеона. 3. —
Последствия Отечественной войны 1812 г. и внутренняя политика Александра I. 4. —
Военные поселения. 5. — Образование. 6. — «Освободительное» движение. 7. —
Масонство к концу XVIII — началу XIX вв.

1. Венский конгресс

Сегодня речь пойдет о результатах войны 1812 года и заграничного похода. Эти проблемы, строго говоря, можно сгруппировать как экономические, политические и социальные. Такая традиционная схема никого не удивит, но одни проблемы привлекают больше внимания и кажутся нам более серьезными, другие меньше, хотя здесь, как мне кажется, все взаимосвязано.

Закончилась война 1812 года, закончился заграничный поход русской армии в 1814 году, русская армия вступила в Париж. Солдаты, вступая в столицу Франции, говорили: «Здравствуй, батюшка-Париж, как ты нам ответишь за матушку-Москву?» Но по сравнению с высококультурной Европой русские варвары вели себя как-то странно: Париж никто не поджигал, а когда толпа роялистов, приехавших в Париж в обозе русской армии, попытались снести Вандомскую колонну, поставленную в честь побед Наполеона, то один российский полк их разогнал, и город остался цел и невредим.

Венский конгресс, который начал работу в 1814 году, решал вопрос о восстановлении границ. Было очевидно, что наполеоновская империя закончилась и пора приводить в порядок европейские границы. И здесь сразу возникла проблема: что делать, во-первых, со странами, которые поддерживали Наполеона (это касалось ряда немецких государств, в первую очередь Саксонии), а во-вторых, как поступить с герцогством Варшавским, которое, как вы знаете, было устроено Наполеоном из польских земель, отобранных им у Пруссии? Александр не без оснований претендовал на эти земли, полагая, что раз в русских руках находится большая часть польских земель, то неплохо присоединить и кое-что еще, а что касается Пруссии, то она должна быть, во-первых, благодарна России за помощь, а во-вторых, ее можно просто удовлетворить за счет Саксонии (курфюрст Саксонии при Наполеоне очень помогал французскому императору).

Но австрийский двор забеспокоился по поводу русской гегемонии в Европе, и очень скоро во время конгресса составил антирусский дипломатический, а фактически военный союз, в который вошли только что поверженная Франция, союзница России Австрия и Англия. Союз был тайно заключен против Александра и частично против Пруссии, поскольку Пруссия в этот момент была на стороне России. Через некоторое время Александр узнал об этом союзе, но при очень странных обстоятельствах.

2. 100 дней Наполеона

Наполеон, как вы знаете, был сослан на остров Эльба, который дан был ему в полное владение. Отслеживая события, которые происходили во Франции, он понял, что Бурбонов начинает ненавидеть уже вся страна. В один прекрасный день, посадив батальон на корабль, он проплыл небольшое расстояние, которое отделяет Францию от Эльбы, и высадился на берег.

Пешком он дошел до Парижа, встречая повсюду необыкновенный энтузиазм крестьян, горожан, солдат, офицеров. Франция была как будто бы довольна. Весьма любопытна эволюция газетной терминологии, которую можно было заметить в эти дни. В одной и той же газете за неделю уместились самые разнообразные заголовки. Как только в Париже получили известие о высадке Наполеона, в тот же день в одной из газет появился заголовок: «Чудовище высадилось на берег Франции»; затем последовали {65} заголовки: «Людоед в Гренобле», «Узурпатор в Лионе»; последний же гласил: «Его императорское величество будет завтра в Париже». Это одна из тех красочных историй, которые подтверждает нехитрую истину о том, что собой являет журналистика.

Наполеон вошел во дворец Тюильри спустя несколько часов после позорного бегства Людовика XVIII, который впопыхах забыл опустошить ящики стола в своем кабинете. Наполеон решил посмотреть, что там осталось, и нашел сверхсекретный договор, который был заключен Францией, Австрией и Англией против Александра. Немедленно полетел фельдъегерь в Вену, который и доставил Александру этот документ. К тому времени самолюбие Александра было полностью удовлетворено (Наполеон побежден, Париж взят и т. д.), и он имел полную возможность заняться своими делами, а Европу предоставить ее собственной судьбе. Но Александр был полностью захвачен идеей легитимизма, как он его воспринимал. Он вызвал канцлера Австрии, дал ему понять, что тот собой представляет, но в то же время заверил, что все остается по-прежнему. Наполеон процарствовал, как вы знаете, еще 100 дней, и все это кончилось битвой при Ватерлоо, где

Наполеон почти разбил английскую армию, но на поле боя подошли не кавалерийские корпуса Наполеона, а армия Блюхера, которая и нанесла решающий удар по противнику. Наполеон сдался англичанам и был отправлен на остров Св. Елены в Южную Атлантику, где-то посередине между Южной Америкой и Африкой, и там прожил до конца жизни, написав мемуары, которые у нас уже изданы.

Венский конгресс отдал все-таки большую часть герцогства Варшавского России, и теперь польские земли в составе России стали называться Царство Польское, а часть Саксонии отошла Пруссии. Галиция осталась в руках Австрии, хотя Александр мог в тех условиях отнять у нее эти земли. Александром владела идея легитимизма, и в последующий период он задумал создать союз европейских государей на основании евангельских истин — ни более, ни менее, и этот союз был создан и получил название Священного союза.

Австрийцы, пруссаки, англичане и другие государи, в том числе и французы, цинично смотрели на эти идеи Александра, который хотел после всех ужасов, сопровождавших Наполеоновские войны, не просто порядка в Европе, а порядка, основанного на каких-то нравственных идеалах. Ему поддакивали, но на деле хотели использовать Россию в качестве полицейского государства для подавления революционных и национальных движений. Так оно и получилось.

Александр понимал свою роль, свои обязанности весьма своеобразно. Даже когда турки стали вырезать православных греков, он не поддержал греков по-настоящему, заявив, что они — бунтовщики против законного правительства.

Авторитета в глазах подданных это ему не прибавило, но с подданными можно было не церемониться. И подданные это поняли. Государя они видели не часто: он был на конгрессах то в Ахене, то в Вероне, то в Троппау. В сущности, эти конгрессы только поддерживали идею Священного союза, а русские дела были пущены на самотек.

3. Последствия Отечественной войны 1812 г.

Уже не было реформ — наоборот, наступала какая-то стагнация, и понять это было можно, потому что император устал.

В Манифесте об окончании войны была фраза, которая касалась практически всего населения России, поскольку оно было крестьянским и крепостным: «Крестьяне, верный наш народ, да примут мзду свою от Бога». Больше о крестьянах ничего не было сказано. Такая формулировка как бы игнорировала прошедшие великие события.

Если говорить о потерях России в этой войне, то они сводятся к следующему: по переписи 1811 года в стране жило 18 миллионов 740 тысяч душ мужского пола, но коль скоро женщин часто бывает больше, чем мужчин, то общее население страны подходило к 40 миллионам. За четыре года естественный прирост составлял где-то от 1 до 1,5 миллионов. По переписи 1815 года в стране оказалось 18 миллионов 880 тысяч душ мужского пола, т. е. прирост составил всего 140 тысяч. А если мы подсчитаем всех не родившихся, то получим, что страна за 4 года потеряла 2 миллиона душ.

Полностью были разорены Ковельская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Виленская, Смоленская, Московская губернии, частично Псковская, Курляндская, Тверская, Калужская. Там не было боевых действий, но они шли неподалеку, поэтому имела место реквизиция скота, фуража, продовольствия. В рублях убытки никогда подсчитаны не были, но англичане, которые субсидировали Россию, все-таки интересовались, сколько потеряла Россия, сколько нужно денег на восстановление. Они сумели подсчитать убытки Московской губернии, которые составили 270 миллионов рублей — приблизительно в полтора раза больше государственного бюджета России. Можно себе представить, какие чудовищные траты предстояли.

Где взять деньги? На содержание армии за границей в месяц требовалось около 7 миллионов рублей золотом. В казне было пусто. Отчасти спасала положение Англия, которая продолжала субсидировать русскую армию. Так, ввоз в 1812 году был меньше, чем на 90 миллионов рублей, а вывоз достигал 150 миллионов. Положительное сальдо было 60 миллионов рублей, это было немало и нас держало на плаву, хотя были моменты, когда рубль падал до 10 копеек на серебро. Вот что получила Россия в результате соприкосновения с Европой в лице Наполеона.

4. Военные поселения

Александр должен был хорошо это знать, но реакция его была странной. Устройство военных поселений казалось благой идеей: пусть армия постарается прокормить себя сама, т. е. солдат превращали в крестьян, а крестьян делали солдатами. Они должны были под началом своих командиров косить, {66} пахать, складывать, обрабатывать, строить и т. д., и при этом заниматься еще военной подготовкой. Военные поселения решено было строить по всей западной границе и под Новгородом. Система воспитания солдат в этих лагерях была такова, что, во-первых, они там умирали от болезней, а во-вторых, там возникали бунты, которые жесточайшим образом усмирялись. Александр однажды высказался в том духе, что военные поселения будут существовать, хотя бы ему пришлось выстелить трупами всю дорогу от Петербурга до Чудова.

Ожидаемого облегчения военные поселения не принесли, потому что были экономически невыгодны, т. е. по-прежнему солдаты прокормить себя не могли. А учитывая затраты на устройство этих поселений, эта затея оказалась крайне вредной с точки зрения даже экономики.

5. Образование

Политика в остальных вопросах была в том же духе. Когда-то император Александр даровал знаменитый университетский Устав 1804 года, который давал университетам автономию; научные советы университетов фактически самостоятельно управляли всем учебным и научным процессом. Но вот Александром в это время стали владеть странные мистические настроения, в которых чувствовалась мешанина из самых различных убеждений, советов, неосознанных желаний, воззрений. Естественно, сразу появились

люди, которые на словах разделяли такое увлечение императора. В университетах стали наводить порядки, исходя из требований «сегодняшнего дня», математику, биологию и прочие дисциплины стали приводить в соответствие с Ветхим Заветом — ни более ни менее. Кончилось это тем, что профессоров стали выгонять, а кого не выгоняли, те уходили сами, потому что работать под руководством Магницкого и Рунича было просто невозможно. Не говоря о том, что это могло дискредитировать и Православную Церковь. Рунич и Магницкий не были иерархами, а просто чиновниками, но все их действия прикрывались христианской фразеологией, что делало ситуацию чрезвычайно неприятной.

Итак, армия вернулась в Россию. Молодые офицеры побывали за рубежом, насмотрелись на комфорт, на быт, на обычаи, по-французски говорило колоссальное количество людей, многие говорили по-немецки, для кого-то этот язык был родным. Нигде в Европе они не увидели крепостного права. Запас сведений о Французской революции оказался достаточно большим. Французские газеты тоже оказывали определенное влияние.

6. «Освободительное» движение

В 1816 году еще не было никаких организаций. Сначала были просто разговоры «у беспокойного Никиты, у осторожного Ильи», обсуждали книги, обменивались мнениями и т. п. Потом начали формироваться какие-то идеи, некие общие программы — о том, что и как надо делать. Затем от программ перешли к уставу, т. е. к созданию организации и ее принципам, причем уже четко оговаривалось, на каких условиях будет человек вступать в ее ряды.

При создании организаций такого сорта обычно определяют программу-минимум и программу-максимум — на ближайшее время и на перспективу. Цели были определены, говорили о средствах их достижения и методах работы. Первоначально все это было совершенно легально — потому, что говорить в ту пору можно было о чем угодно.

7. Массонство к концу XVIII — началу XIX вв.

Подоплека была еще и в том, что эти офицеры действовали в рамках уже существовавших организаций — это были масонские ложи. И здесь надо сделать лирическое отступление по поводу этого весьма непростого явления.

От французского слова «мезон», что означает «дом», получила название эта необычная организация. Дома строили в Европе каменщики, потому что там каменное строительство, и вот по подобию цеховых средневековых организаций каменщиков, которые возводили соборы, возникла эта организация. В той доступной литературе масонов, которая опубликована, можно прочесть, что в XVII веке английские эсквайры решили посвятить свой досуг и деньги делу распространения просвещения и добродетели.

И действительно, было в этом явлении, очень не простом, направление чисто просветительское. Но в конце XVIII века стало очевидно, что и политикой там тоже занимаются, поскольку все деятели Французской революции были масонами. Все эти робеспьеры, мараты, дантоны — все эти головорезы 1793 года были масонами. А где же просветительство, гуманность, добродетель и т. д.? Правда, слово «добродетель» в стенах французского Конвента звучало невероятно часто.

В этом же столетии масонство попало и к нам. Петр Первый не жаловал этих людей, масоны стали устраиваться в России значительно позже. Государь-романтик, государь-рыцарь Павел Петрович сам стал масоном, а вскоре с просьбой о покровительстве к нему обратился Мальтийский орден, и он стал гроссмейстером этого ордена, который фактически уже был головной организацией этого явления, ставшего к тому времени общеевропейским.

Самое интересное, что убивали Павла Петровича тоже масоны. Масонство процветало у нас и дальше, масоном был и Кутузов, масоном был Суворов, как утверждают масоны, совершенно искренним, и это не противоречило его религиозным убеждениям, потому что гуманистическое, просветительское, христианское крыло у них было сильно. Возникает вопрос: эта организация была как бы раздробленной или, наоборот, она была слишком единой и одно крыло служило прикрытием для другого?

Трудно дать ответ, но поставить такой вопрос можно. Масоны, как вы знаете, организовывались в ложи, ложи делились на соответствующие обряды — например, шотландский обряд или ложа великого Востока; там есть градусы, или степени посвящения. В XVIII веке уже присутствуют обряды посвящения, которые напоминают то ли оккультизм, то ли восточную магию. Когда Александр получил четкую информацию о том, чем заняты головы гвардейцев, он принял меры, и гвардия была отправлена в поход к западным границам, а масонские ложи запрещены в 1822 году.

{67}

Судьба масонов в России очень любопытна и очень мало изучена, мы знаем только некоторых, которые занимались изданием Библии: Лопухина и других людей, о которых ничего плохого сказать нельзя. Многие деятели Временного правительства состояли в этой организации.

Повторяю, что систематической истории этой организации нет. В газетах иногда можно прочитать, что на Западе все современные деятели — масоны, и, не будучи членом одной из лож, достичь какой-нибудь политической вершины невозможно. Очень может быть. Традицию этой организации надо полагать очень солидной. Все декабристы были масонами, все наши бестужевы, марлинские, пестели и рылеевы — все они состояли в этих ложах вольных каменщиков, клялись друг другу в верности идеалу, говорили о свободе, братстве и, может быть, даже о равенстве. Это должно было наводить на неприятные ассоциации, поскольку подобные лозунги звучали уже во Франции в конце 80-х — начале 90-х годов, и результаты были весьма тяжелые. Количество жертв «Свободы, Равенства, Братства» — этой немудреной фразеологии — исчислялось уже тогда десятками тысяч.

Бесспорно, среди декабристов было много прекрасных людей — по своим душевным качествам, по способностям, по искреннему порыву. И вместе с тем ясно, что все эти люди очень многое не обдумали — то ли не сумели этого сделать, то ли не были допущены к глубинам или высотам мыслей своих руководителей. Декабризм нужно

понимать, если быть историками, в первую очередь вспоминая традицию гвардейских переворотов XVIII века. Это один момент. Второй момент: а чего, собственно, хотели декабристы? Каковы были их цели, программы? У нас много говорят об их личном мученичестве, об их героизме, о подвиге их супруг. А чего они хотели? Мы знаем, что была конституция Никиты Муравьева, был проект Пестеля, а о чем говорилось в этих проектах? У нас это не очень широко освещается. Есть еще один любопытный документ. Сам государь Николай Павлович написал для своей семьи мемуары обо всех этих событиях. Для печати он их не предназначал.

Итак, я очертил обстановку в стране в конце царствования Александра I. Чем меньше он занимался внутренними делами, тем круче набирал ход процесс, который потряс Россию и оказал огромное влияние на ее дальнейшую судьбу.

Лекция 14

1. — Тайные общества в России. 2. —
Преддекабристские организации. Союз Спасения. 3. — Союз Благоденствия. 4. —
Семеновская история. 5. — Северное и Южное общества. 6. —
Программные документы. 7. — Вопрос о престолонаследии в 1825 г. 8. —
События 14 декабря 1825 г. 9. — Следствие по делу декабристов. 10. —
Жены декабристов.

1. Тайные общества в России

В прошлый раз мы начали разговор о декабристах. Сегодня нам предстоит перейти к более детальному изучению истории тайных обществ в России. Первые попытки создания тайных политических организаций приходится на время возвращения русской армии из заграничного похода — 1815–1816 гг. Нельзя сказать, что эти попытки были особенно удачны. Полковник Александр Муравьев, генерал Михаил Орлов и юнкер Борисов, не сговариваясь, пытались создать какую-то организацию, причем действовали (особенно Орлов и Муравьев) в рамках существовавших тогда масонских лож. Борисов интересен тем, что он был всего-навсего юнкер, действовал в провинции, а общество, которое он пытался организовать, называлось идилически «Обществом друзей природы». Политикой здесь вроде бы и не пахло.

Разговоры велись среди людей, которых можно было посвятить в подобные планы. Люди эти друг друга все знали. У Муравьева было несколько братьев, а если считать всех двоюродных и троюродных родственников, то получалась довольно большая компания. Все они были гвардейскими офицерами, это был один круг, где все определялось одинаковым социальным происхождением, родственными связями, до известной степени общностью судьбы, но было непонятно, чего же они, собственно, хотят.

В масоны почти все они вступили за границей и были приняты в члены французских и немецких масонских лож. При этом цели, которые они ставили перед собой или пытались поставить, не были как-то сформулированы.

Так продолжалось примерно до 1816–1817 гг. В 1816 году Муравьевы стали определяться — в тот момент, когда в их компанию вошел полковник Павел Иванович Пестель. Он, в отличие от Муравьевых, скорее идеалистов-мечтателей, был человек дела. В сущности, он и дал всем неясным помыслам конкретную форму. Он прекрасно понимал, что если создается политическая организация, то, во-первых, она должна основываться на определенных принципах и иметь жесткую структуру, а во-вторых, у нее должна быть программа действий, причем цели должны быть как близкие, так и отдаленные (программа-минимум и программа-максимум). Пестель представлял себе структуру тех социально-политических организаций, которые существовали в это время в Европе. Среди них выделялись три типа организаций: одна была организацией революционеров-якобинцев во Франции (это было уже дело прошлое), другая — общество карбонариев в Италии (тайная политическая организация; «карбонарий» — от «карбон» (уголь), поэтому их называли угольщиками), а третья — немецкое учреждение под названием «Tugendbund» («Союз добродетели»). Якобинцы были крайними революционерами-террористами, которые произвели Французскую революцию и сами же в ее огне погибли; итальянские «угольщики» были тайными политическими заговорщиками, которые в условиях жесткой конспирации преследовали свои политические цели (а поскольку Италия в то время находилась под властью Австрии, то понятно, против кого они действовали); что касается «Союза добродетели», то это была организация скорее культурная, чем политическая, и предусматривала она {68} не борьбу, а некие действия против врагов отечества; никаких внутренних проблем этот союз решать не собирался и, строго говоря, был лоялен по отношению к властям.

2. Преддекабристские организации

Пестель использовал фактически готовые формы. Он посчитал, что общество карбонариев — наиболее подходящее для пересадки его принципов на русскую почву, и организация была создана. В 1817 году ей было дано название «Союз спасения, или истинных и верных сынов отечества».

Вступление в общество сопровождалось принесением клятв, списанных с масонских стандартов. Например:

«Клянусь во имя Верховного Строителя Всех Миров никогда никому не открывать без приказа ордена тайных знаков, прикосновений, слов, доктрин и обычаев франкмасонства и хранить о нем вечное молчание. Обещаю и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии. Если я не сдержу этой клятвы, то обязуюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи пред посвящением нового брата как предмет проклятий

и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по воздуху, чтобы на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника».

И вот наши офицеры, герои войны, желающие навести порядок в своей неблагоустроенной стране, давали такую клятву и при вступлении в масонскую ложу, и при вступлении в общество (там клятва была, видимо, несколько видоизменена).

Цель тоже была сформулирована Пестелем точно и просто: цареубийство (возможно, уничтожение царской фамилии) и — как перспектива — установление конституционной формы правления России.

Общество было организовано по следующему принципу: все его члены подразделялись на четыре группы. Верхняя (так называемые «бояре») были руководителями; их было очень немного. Затем следовали «мужи», которые вместе с «боярами» имели право знакомиться с уставом общества и знать его цели; далее следовал третий разряд — рядовые члены («братья»), которые не должны были ни о чем спрашивать, а обязаны только слепо повиноваться; четвертый разряд под названием «друзья» — люди, которых предназначали в члены общества, хотя их самих об этом и не спрашивали. Здесь проглядывала мысль о том, что вербовать в члены общества надо среди людей, заранее для этого намеченных. Поэтому когда позднее в руки следствия попали списки организации, там оказалась масса людей, которые о ней слыхом не слыхивали. Следственной комиссии пришлось извиняться перед ними, а некоторых даже награждать в качестве компенсации за понесенный моральный ущерб.

3. Союз Благоденствия

В 1818 году Пестель получил назначение в штаб Южной армии, который находился в Тульчине, в Молдавии, и отбыл к новому месту службы, а Общество спасения осталось без своего руководителя. Надо сказать, что Пестель был одним из самых старших его деятелей, хотя ему было всего 24 года. Все остальные были еще моложе. Когда Пестель уехал, руководящую роль принял на себя Михаил Муравьев, который для начала решил в общество вступить. Когда ему сказали, что он должен сделать это, не читая устава, он удивился и потребовал, чтобы устав ему все-таки дали. Пришлось пойти на нарушение норм «партийной жизни». Кроме устава, ему дали прочесть и текст присяги, которую надо было принести. Ознакомившись с текстом, Муравьев заявил, что присягать не будет. А об уставе сказал, что он годится только для разбойников муромских лесов, а не для культурного общества с политическими целями.

Пестеля не было, наблюдалось шатание умов, и был написан новый устав. Нашлась газета, где был опубликован устав «Тугендбунда», который и стали целиком заимствовать. Ни о каких переворотах, цареубийстве и истреблении царской фамилии здесь речи не было, а предполагалось действовать по четырем направлениям:

филантропия (любовь к ближнему, взаимопомощь, облегчение участи крепостных);

просветительство (сеять разумное, доброе, вечное; здесь декабристы преуспели больше всего: учредили немало полковых школ, где помогали солдатам преодолеть трудности изучения грамоты. Вообще больше всего хорошего декабристы сделали именно в области

народного образования. Строго говоря, в Сибири просвещение началось с декабристов, за что им большое спасибо);

исправление нарушений правосудия (здесь положение в России было ужасное, и многие отнеслись к этому как к святому делу; ближайший друг Пушкина Пущин стал судьей именно потому, что он исповедовал принципы декабристов);

забота о хозяйстве и финансах России (декабристы перевели несколько трудов по вопросам экономики и финансов).

Новый устав общества назывался «Зеленая книга» и был доступен абсолютно для всех, поэтому пропаганду они вели совершенно открыто. Чтобы окончательно порвать с тем, что имел в виду Пестель, они переменили название: в 1818 году появился «Союз благоденствия».

Общество работало ни шатко ни валко; все, кто хотели знать о нем, знали все, что хотели. Там обсуждались абсолютно все проблемы (в том числе и проблема цареубийства, и время от времени Якушкин говорил, что он лично нанесет роковой удар — это была его *idée fixe*, которую он любил обсуждать). Пестель пытался во время редких приездов что-то изменить и преобразовать, но безуспешно.

4. Семеновская история

В 1820 году произошла история в Семеновском полку. Этот старейший гвардейский полк русской армии обладал определенными неписаными привилегиями. Объяснялось это тем, что почти все солдаты {69} этого полка были ветеранами наполеоновских войн. Они были награждены крестами и медалями за самые кровопролитные сражения, и обращение с этими солдатами было не таким, как в обычном армейском полку. Там царили довольно либеральные порядки. Полковой командир генерал Потемкин всячески это культивировал, но его перевели на другое место службы, а полк возглавил полковник Шварц — типичный солдафон-строевик. Он первым делом начал подтягивать дисциплину.

Естественно, солдаты, не привыкшие к такому обращению, стали волноваться. Офицеры (почти все — участники тайного общества) буквально умоляли своих солдат не выступать. Бунта не было — было волнение, возмущение. Но и этого было достаточно, чтобы императору, который находился на очередном конгрессе за границей, доложили, что произошло чуть ли не вооруженное восстание. Последовал высочайший приказ о том, что полк надо раскассировать — формально полк оставался Семеновским, но солдат развели по разным полкам, как и офицеров, а на их место набрали новых. С одной стороны, терялись боевые традиции, а с другой, по всей армии от этой истории, что называется, пошли круги (рассказывали, что царь не контролирует ситуацию, что у него плохие советники, что полк оболгали).

Когда Александр вернулся в Петербург, командир гвардейского корпуса генерал Васильчиков положил ему на стол не донос о том, что творится, а точную справку.

Доносить было не нужно, потому что донос подразумевает тайный сбор информации, шпионаж и т. п. Генерал же сообщил только то, что было известно всем, и Александр получил полные сведения о Союзе благоденствия. Такую же записку написал будущий шеф жандармов Бенкендорф. Александр прочитал и был очень недоволен, но при этом заметил, что поскольку он в начале царствования сам насаждал подобные либеральные идеи, то ему неудобно за это наказывать. Тем не менее, в 1821 году гвардия отправилась на маневры в Литву на полтора года, чтобы немного «проветриться». Александр полагал, что этим все и закончится. Одновременно в Москве состоялся съезд Союза благоденствия, на котором Тургенев, один из лидеров общества, посчитал, что союз должен быть распущен. Собрание приняло соответствующее решение, и Тургенев циркулярно оповестил всех о том, что общества больше не существует.

Но если в Северной Пальмире Союз благоденствия фактически приказал долго жить, то на юге России, наоборот, все шло совсем иначе. Там Пестель работал неустанно над совершенствованием общества, его структуры, над оформлением его цели. Центр общества был в Тульчине, а две другие управы — в других штабах армии в разных местах. Собрание общества проходило регулярно каждый год на контрактной ярмарке в Киеве. Там они обменивались информацией и решали насущные вопросы.

5. Северное и Южное общества

Во главе тульчинской управы стоял сам Пестель, он же был и директором всего общества. На всех съездах и собраниях он внушал подчиненным, что необходимо не просто царевубийство, но истребление всей царской фамилии, иначе-де конституционные порядки восторжествовать не смогут. Пестель выбрал республиканскую форму правления для России, но не все было так просто, и поэтому нужно было держаться самых радикальных средств. В 1822 году северное общество возобновилось, потому что гвардия вернулась в Петербург, оно уже не называлось Союзом благоденствия, а стало именоваться Северным обществом, поскольку существовало и общество Южное.

6. Программные документы

Лидером Северного общества становится Никита Муравьев. Он был доктринер, хотел писать какие-то программы и проекты, написал свою знаменитую конституцию. И если Пестель писал устав, многое заимствуя у якобинцев и масонов, а Михаил Муравьев тиражировал устав «Тугендбунда», то Никита Муравьев просто-напросто использовал испанскую конституцию 1812 года, посчитав, что именно этот документ больше всего подходит для России. Он планировал конституционную монархию, где власть монарха была бы полностью ограничена законодательной и представительной властью — вече и парламентом; планировал разделение страны на 15 автономий (у каждой из которых была бы своя дума, свой парламент, свои законодательные и исполнительные органы, но при этом оставалось и центральное руководство). Землю надо было давать крестьянам, но очень мало — вся земля должна была остаться у помещиков.

Никита Муравьев долго работал над конституцией и придавал этому документу огромное значение. Параллельно Пестель решил сочинить свой проект в Южном обществе. У него все было наоборот: жесточайшая централизация во всем. В качестве преамбулы оговаривалось, что перед тем как заводить республику, надо совершить государственный военный переворот, покончить с монархией, убив государя и вырезав всю царскую фамилию, а потом, поскольку страна все равно не будет готова к введению республиканских порядков, надо в течение 10 лет осуществлять жесточайшую диктатуру, цель которой — подготовить республиканскую форму правления.

Впоследствии Достоевский устами одного из своих героев скажет: «Начиная от безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».

Дальше — республика, которая управляется следующим образом: двухстепенные выборы в законодательную власть, которая, видимо, ничего не решает, потому что все сосредоточивается в исполнительной власти. А ею управляют 5 директоров во главе, конечно, с главным директором — Пестелем. Он свою фамилию туда скромно не помещал, но это подразумевалось. Если у Муравьева была бесконечная автономия, то здесь — жесточайшая централизация. Никаких местных языков — один русский. Господствующая религия — Православие (сам Пестель был лютеранином). Мусульманская религия, с которой приходилось считаться, должна была быть реформирована с целью раскрепощения женщин. Он додумался даже до кардинального решения еврейского вопроса: черным по белому написано, что поскольку евреи являются эксплуататорами крестьянских масс, их необходимо принудительно всех выселить {70} в Палестину при помощи воинской команды. Это был единственный пункт, в котором он разошелся с большевиками.

Вопрос с землей Пестель тоже решал по-большевистски: крестьяне ничего не получали, кроме личной свободы. А земля делилась всего на две части: так называемую коммунальную (находившуюся в общественном управлении) и казенную (которую можно было кому-то и дать — по усмотрению властей; надо полагать, что руководство получило бы здесь преимущества).

Свести эти два проекта воедино, как вы сами понимаете, не представлялось никакой возможности. Поэтому все кончалось обсуждениями, переписываниями, списываниями, чтением доступной политической литературы, изучением трудов Сен-Симона и испанской конституции. Программа Пестеля носила название «Русская правда»

Все это продолжалось до 1825 года. Осуществлялись какие-то контакты, но единого плана действий не было — тут они договориться не смогли. Северное общество, где читали малопонятную испанскую конституцию, было абсолютно либеральным учреждением по сравнению с тем, что зрело на Юге, где планировался военный переворот.

7. Вопрос о престолонаследии в 1825 г.

В 1825 году во главе Северного общества встал чиновник Российской американской компании Кондратий Федорович Рылеев. Осенью император Александр уехал с императрицей в Таганрог, где 19 ноября умер (надо полагать, в результате тяжелого воспаления легких). Курьер скакал в Петербург, чтобы сообщить это ужасное известие,

десять суток, а когда прискакал, то были вскрыты конверты, хранившиеся в Сенате и Синоде (а в Москве такой конверт лежал на престоле Успенского собора в Кремле), на которых рукою императора было написано: «В случае моей смерти вскрыть прежде любого другого действия». В конвертах лежал манифест, датированный 1819 годом, в котором император сообщал о том, что, во-первых, его второй по старшинству брат Константин давно отрекся от престола и наследником престола не является, а является им третий брат — великий князь Николай Павлович. Николай Павлович знал об этом уже несколько лет, и это его не радовало. Он написал мемуары для семьи, которые не предназначались для печати (они были опубликованы у нас только в 20-е годы очень небольшим тиражом), где рассказывает о том, что он служил в армии, получал, как полагалось, чин за чином и дошел, наконец, до командования бригадой (два полка). Он был военный инженер, артиллерист, и будущее представлялось ему очень приятным. У него была семья: жена, которая любила его, и которую он любил, дети», полный материальный достаток, положение в обществе и никаких особых обязанностей, если не считать обязанностей бригадного генерала.

Однажды на смотре его бригады присутствовал государь. Если Александр и Константин были в очень близких отношениях, то особой близости между Александром и Николаем не было. У них была большая разница в возрасте и совершенно разное воспитание. После смотра Александр удостоил своего младшего брата визитом и во время обеда стал говорить, что с удовольствием видит его прекрасную семью, замечательных детей, и во всем этом — знак Божией милости, потому что сам он не имеет детей и в этом видит волю Божию (это был намек на косвенное участие в покушении на жизнь императора Павла). За чаем он поведал о том, что Константин не желает царствовать. Он ушел в частную жизнь, женился вторым браком на польской аристократке, происходившей не из владетельного дома, из-за чего потерял право на наследование российского престола в соответствии с российским законом. Таким образом, наследником престола является Николай.

В своих мемуарах Николай пишет, что это известие повергло его в ужас. Он почувствовал себя как на краю внезапно разверзшейся пропасти. Беззаботная, счастливая и спокойная жизнь кончилась. Известно, что он сразу после этого стал что-то спешно изучать, вникать в какие-то вопросы. До сих пор все это было абсолютно не интересно бригадному генералу. Почему Александр не обнаружил свой манифест в 1819 году, а запечатал и отдал на хранение, мы никогда не узнаем. Каков был его расчет, сказались ли здесь какие-то мистические настроения — неизвестно.

Вскрыв конверт и осознав, что он уже император, Николай понял, что если он объявит о вступлении на престол, то в глазах гвардии будет узурпатором власти, потому что гвардия ничего не знает об отречении Константина. Армия знает Константина, он — второй по старшинству брат. Значит, Николай устраивает государственный переворот. Поэтому он срочно шлет курьера в Варшаву с просьбой, чтобы Константин явился в Петербург и сам принес присягу на верность своему брату. В это время Константин в Варшаве, узнав о смерти государя и помня о своем отречении, принес торжественную присягу Николаю. Когда примчался фельдъегерь с просьбой приехать в Петербург, Константин сказал, что в Петербург не поедет — присяга принесена, все решено. Переписка между Петербургом и Варшавой заняла дней десять. Она не могла оставаться тайной, и было решено действовать, хотя все предчувствовали, что ничего не добьются. Была произнесена масса высокопарных слов — и пошли подымать полки, поскольку на следующий день уже было назначено принесение присяги Николаю.

И вот наступило 14 декабря 1825 года, в 11 часов утра ко дворцу стали съезжаться люди для присяги (и Синод, и Сенат уже присягнули), и вот Николай получил известие о том,

что в Московском лейб-гвардии полку бунт, в гренадерском полку бунт, что оба полка идут на Сенатскую площадь, а с ними часть московского гвардейского экипажа, что несколько старших офицеров ранено бунтовщиками Николай приказал построить батальон Преображенского полка, который приветствовал его как командира и государя, и пошел во главе батальона на Сенатскую площадь, куда стал подтягивать другие верные ему части: Измайловский полк, кавалергардов, конную гвардию и артиллерию.

{71}

Время шло, а декабрьские дни очень коротки. С одной стороны была Нева, а с другой строился Исаакиевский собор; голытьба сбегалась на зрелище, в верные Николаю части летели поленья и камни. Но Николай попытался кончить дело миром.

Сначала на переговоры отправился генерал-губернатор Петербурга Милорадович, который нес определенную ответственность за то, что произошло. Милорадович был очень популярен среди солдат, и нет сомнения, что он уговорил бы их разойтись по казармам. Но когда это стало совершенно очевидным, к нему подошел Каховский и выстрелил в него сзади в упор. Милорадович упал с лошади; его унесли в ближайшую казарму, где через два часа он умер. Умирал он в сознании и все время спрашивал, кто в него стрелял. Тот, кто был рядом, не мог понять такого интереса и сказал, что стрелял какой-то штатский. Тогда Милорадович улыбнулся и сказал, что он счастлив, потому что убит не солдатом. Видимо, ему было больно сознавать, что его могли убить солдаты, к которым он относился очень хорошо.

Затем к бунтовщикам был отправлен митрополит Серафим, первоприсутствующий член Синода. Но он не смог дойти до солдат, ему просто не дали говорить, угрожая расправой. Тогда Алексей Орлов (его родной брат Михаил был одним из деятельных заговорщиков и создателей тайного общества) повел в атаку кавалергардские конногвардейские полки, чтобы рассеять лошадьми восставших, но площадь была подо льдом, а лошади не были подкованы на лед, поэтому из этого ничего не вышло. Атака была предпринята без палашей (без холодного оружия), просто чтобы разбросать толпу, никого не калеча, т. е. намерения были достаточно гуманные.

Восставшие отвечали пулями, несколько человек были ранены. И тогда Васильчиков, обращаясь к императору, сказал: «Ваше величество! Ничего не поделаешь — нужна картечь». Начинало смеркаться, и оставлять все это на целые сутки было невозможно.

Николай ответил: «Неужели вы думаете, что в первый день своего царствования я должен пролить кровь своих подданных?» На что получил простой ответ: «Это необходимо, чтобы спасти империю».

Был дан выстрел несколькими пушками (а отнюдь не залпы батарей), и сразу все побежали к Неве. Площадь была мгновенно очищена, стали ловить заговорщиков. Солдат возвращали, куда следует, но не наказывали: выяснилось, что они просто ничего не понимали, их обманули. Что касается заговорщиков, то некоторые стали сдаваться сами, а некоторых пришлось искать день-два, но собрали их быстро. Сразу удалось выяснить, что диктатором был назначен князь Трубецкой, но он на площадь не явился, а спрятался в доме австрийского посла (они были женаты на родных сестрах — урожденных маркизах Лаваль). Туда для переговоров был послан министр иностранных дел, который убедил посла выдать Трубецкого.

К этому времени в руках Николая был черновик, написанный рукою Трубецкого, где была изложена программа действий на Сенатской площади. Он лично допрашивал Трубецкого, не показывая ему этого черновика и убеждая покаяться, рассказать обо всем, и тогда, может быть, все кончилось бы более или менее благополучно. Но князь все отрицал. Тогда Николай показал Трубецкому его черновик, и тот полностью потерял самообладание.

9. Следствие по делу декабристов

Всего к следствию было привлечено около 500 человек. Очень быстро половину отпустили — это были люди, которые ни в каком обществе никогда не состояли. Они угодили в списки в качестве пресловутых «друзей», на них показывали, как на членов общества, но это никем не подтверждалось. Поэтому их с извинениями отпускали обратно. Некоторых повесили в чине, другим дали ордена — извинялись, как могли.

Осталось приблизительно 250 человек. Было следствие, которое заняло полгода, верховный суд, судивший заочно. Самым легким приговором была ссылка. Когда вердикт верховного суда подали Николаю, он пришел в ужас, потому что нужно было вешать, колесовать, рубить и т. д. Вместо 39 человек, которых решили предать смертной казни, он утвердил смертный приговор в отношении пятерых. Тем, кому полагалось пожизненное заключение на каторге, он утвердил 25 лет; 25 лет заменялось на 20, 20 лет — на 15 и т. д. Ссылка на поселение заменялась ссылкой в имение. Короче говоря, из приблизительно 250 членов общества половина (около 130 человек) были сосланы в собственные имения под надзор полиции или в полки к дальнейшему прохождению службы, где их потом журили усатые полковники: «Ну, Иван Иванович, не ожидал!» И ругали за то, что им вменялось в обязанность каждый месяц писать наверх рапорт об их поведении.

Оставалось еще 120 человек, из которых пятерых повесили, а остальных сослали «во глубину сибирских руд» на поселение. Необходимо уточнить, что такое «глубина сибирских руд». Это рудники, и там действительно надо было работать. Известна даже норма выработки: три пуда на брата за смену. Три пуда — это 48 килограммов, а 48 килограммов — это три ведра камней. Декабристы имели право писать письма, а также получать посылки; они сочиняли стихи, играли в камерах на клавикордах, а один из Бестужевых писал портреты всех своих товарищей и оставил картину под названием «Камера»: шкаф, стол, что-то вроде дивана, клавикорды, ковер на стене. Остается добавить, что во время следствия их не пытали, не били, с ними обращались на «вы», их нормально кормили, никакие методы воздействия к ним не применялись. (Вспомните, что Петр сделал со стрельцами). В результате императора Николая Павловича ославили как палача декабристов. Назовите другое такое государство, где за попытку государственного переворота военных не повесили бы. По уставу любой армии офицер, дерзнувший на такое дело, приговаривается военно-полевым судом только к одному наказанию — казни через повешение или расстрел.

Поэтому, когда говорят о жестокости Николая, надо вспомнить, кого и за что казнили. Пестеля — за планы государственного переворота, цареубийства и т. д. Муравьева-Апостола — за бунт Черниговского {72} полка, кончившийся смертоубийством многих солдат (это был настоящий вооруженный бунт, потекший за собой настоящие военные действия, атаки и контратаки) Бестужева-Рюмина — за соучастие. Каховского казнили за

уголовное преступление — убийство генерал-губернатора Петербурга. И, наконец, кто-то должен был расписаться за весь этот кровавый кошмар на Сенатской площади — и расписался глава Северного общества Рылеев. По-моему, достаточно убедительно. Поэтому наша историография и литературная традиция в определенном смысле лукавят, когда изображают всех этих людей как безвинных страдальцев.

Надо сказать, что пребывание в Сибири подействовало на них очень положительно. Никто из них впоследствии не хвастался тем, что они совершили в 1825 году. Очень многие дожили до амнистии — смертность там была не выше, чем в других частях Российской империи, среди тех, кто был на свободе. Все, кто дожил до воцарения Александра II, получили амнистию. Некоторым по прямому приказанию Александра были возвращены имения.

Вернувшись, они отошли от политической деятельности. Некоторые сделали очень много хорошего для освобождения крестьян, участвовали в реформах Александра II. Но не как политические деятели, а как деловые люди.

В Сибири они фактически начали дело образования. Там о них до сих пор сохраняется благоговейная память именно как о просветителях, а отнюдь не как о политиках. Тем более что в Сибири все это было вообще непонятно, поскольку там не было крепостного права.

10. Жены декабристов

Особняком стоит подвиг (думаю, что слово это здесь вполне уместно) жен этих людей, которые на свой страх и риск, отчетливо понимая свой долг, отправились в Сибирь, будь то французенка маркиза Лаваль (княгиня Трубецкая), или княгиня Волконская (дочь генерала Раевского), или какие-то малоизвестные женщины — например, гувернантка семьи Анненковых Полина Гебль, которая даже русского языка не знала как следует и никогда бы не вышла за Ивана Анненкова, потому что мать не разрешила бы ему жениться на безродной «французской твари». Но когда сын ее стал государственным преступником, она дала Полине кучу денег, и та уехала в Сибирь, где обвенчалась с государственным преступником, которому на время венчания разрешено было снять кандалы, и дожила с ним до глубокой старости, родив 14 детей (в живых осталось 6) и написав интереснейшие воспоминания. На фоне этих воспоминаний героями выглядят отнюдь не декабристы, а эти женщины, которые действительно совершили подвиг и действительно являются настоящими героинями.

Существуют воспоминания Марии Волконской, написанные ею для собственного сына, существуют записки некоторых декабристов. Но в целом эта история выглядит так, как я постарался вам рассказать, хотя я и не убежден, что мое повествование должно претендовать на какую-то законченность.

Что касается неудачи самого восстания, то причины ее крылись не в какой-то там неподготовленности. Войти в Зимний дворец и перерезать всех, кто там находился, можно было за два часа, учитывая богатый опыт гвардии. Думаю, что эти мечтатели, фантазеры, мальчишки, как называл их Грибоедов, нутром понимали, что творится что-то не то. Политические обольстители — их руководители — видимо, сумели им навязать свою

волю, но по-настоящему повести за собой не смогли. То, что случилось с ними 14 декабря (что могло быть глупее, чем полк, стоявший на Сенатской площади час, два, три, четыре, пока по нему не пальнули картечью) — это нонсенс. Все они были военными, имели боевой опыт, некоторые — золотое оружие за храбрость. Таких людей не упрекнешь в трусости, в неумении командовать. Но здесь налицо некий паралич — следствие внутренней раздвоенности. Трубецкой не был трусом, но, видимо, в чем-то сомневался.

Некоторые получили ссылку на Кавказ, где сложили головы — в частности, писатель Бестужев-Марлинский, блестящий гвардейский адъютант. Но многие выслужились. Одного человека Николай помиловал. Генерал Михаил Орлов, довольно беззастенчивый тип и один из руководителей всей этой истории, был схвачен, очень вызывающе вел себя во время допроса у императора, и судьба его, вероятно, была бы печальной, если бы за него не вступился брат — Алексей Орлов, командир полка кавалергардов и личный друг императора. Николай ему ответил: «Сам не знаешь, о чем просишь. Этого прощу — остальных тоже придется прощать». Но обаяние Алексея Орлова было столь велико, что император выполнил его просьбу и отправил Михаила Орлова в имение, чтобы и духу его больше не было в столице (потом, правда, ему было разрешено жить в Москве). Алексей Орлов обещал, что всю свою жизнь посвятит императору, и слово свое сдержал. О его роли в русской истории мы еще будем говорить, она необычна — это был действительно замечательный русский патриот. И так же бестрепетно, как он вел свой полк на декабристов-бунтовщиков, он немало послужил отечеству на другом поприще — дипломатическом.

Николай всю жизнь считал, что 14 декабря он спас Россию. Кажется, что так оно и есть, особенно когда читаешь программу Пестеля, где говорится о цареубийстве, о государственном военном перевороте, диктатуре лет на 10 и т. п. Это очень напоминает то, что последовало после 1917 года.

Лекция 15

1. — Обстановка начала царствования Николая I. 2. —

Формирование взглядов Николая I. 3. — Периодизация царствования. 4. —

Усиление власти бюрократии. 5. — А. С. Пушкин и Николай I. 6. —

Обзор внешней политики. 7. — Внутренняя политика. 8. — Крестьянский вопрос.

Сегодня пойдет речь о времени царствования Николая Павловича. Нам понадобится не менее двух лекций, чтобы разобраться в тех вопросах, которые вы должны себе представлять.

{73}

1. Обстановка начала царствования Николая I

Император Николай I не предназначался к занятию престола и поэтому получил обычное для великого князя образование. Он был военным. Проходя чин за чином службу в армии, он к концу 10-х годов XIX века был уже бригадным генералом, военным инженером. Он меньше всего думал о том, что ему предстоит царствовать, потому что перед ним был еще брат Константин, который был естественным наследником своему бездетному брату, императору Александру I.

Я уже говорил о том, при каких обстоятельствах он был извещен о перемене своей участи и о том, что он, по собственному его признанию, был глубоко несчастен, когда узнал, что ему предстоит царствовать, и попытался спешно набраться какой-то полезной информации. Но заниматься этим систематически он уже не мог, поэтому он вступил на престол, не будучи вполне подготовленным для этой цели. Если Александра готовили к царствованию специально, если Константин практически проходил все необходимые науки вместе с братом, то будущий Николай I был от всего этого далек. С другой стороны, может быть, здесь были и известные положительные моменты, поскольку республиканских и швейцарских идей у него в голове не водилось.

Он был, как некоторые считают, реалистом, мыслил вполне конкретно и был сторонником наиболее простых и ясных решений. Но его царствование началось столь неожиданно и столь печально, что в первые полгода до коронации, которая состоялась летом 1826 года, не приходилось говорить о проблемах управления, о наведении какого-то порядка, поскольку все основное время уходило на следствие по делу декабристов. Потом был суд. Суд определил меру ответственности каждого, затем все это было подано на утверждение императору. И, наконец, состоялась казнь и ссылка тех, кто был приговорен к Сибири, к каторге.

2. Формирование взглядов Николая I

После коронации император начинает дело управления. Но Николай не знал в момент восшествия на престол, что собой представляет Россия. Он сам говорил о том, что будучи бригадным генералом, он много времени проводил в Генеральном штабе, в соответствующей среде и меньше всего задумывался о вопросах глобальных. И здесь на него оказал колоссальное влияние Николай Михайлович Карамзин, который в течение оставшихся ему дней жизни (а прожил он недолго) был первым советником Николая, его воспитателем, учителем, и в этом качестве сумел за очень небольшой срок сделать чрезвычайно много.

Чтобы понять взгляды Карамзина на ход русской истории, назначение России, на специфику русского государства и русской жизни, нужно прочитать «Записку о старой и новой России» [[16. _Карамзин_Н._М._Записка о старой и новой России. М., 1991.]]. Книга опубликована, и в ней много умного, хотя не со всем следует соглашаться. У нас ведутся разговоры, быть нам республикой парламентской или президентской, следует ли нам возвращаться к монархии или наоборот — идти в сторону Февральской революции? Так вот, неплохо бы знать, что думали по этому вопросу весьма умные люди, которые историей России занимались профессионально. И во многом взгляды на предназначение монарха, на значение самодержавия, на Россию в целом у Николая сформировались под непосредственным влиянием Карамзина.

Каждый вечер он вел беседы с императором Николаем в присутствии его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и сохраняя при этом полную деликатность, он беспощадно критиковал царствование Александра I: его политику в отношении Польши, и его конституционные мечтания, и многое другое, что однажды заставило Марию Федоровну воскликнуть: «Николай Михайлович, пощадите сердце матери!» На что Николай Михайлович ответил: «Я говорю не только с матерью почившего государя, но и с матерью царствующего».

Поэтому для того, чтобы уяснить направление внутренней и отчасти внешней политики императора Николая, следует прочитать Карамзина — его «Записку о старой и новой России».

Вторым фактором, который во многом определил деятельность императора Николая, было глубокое убеждение, что, подавив 14 декабря восстание декабристов, он спас страну. В этом убеждении он пребывал всю свою жизнь и никогда с ним не расставался. Вообще он не любил, чтобы вспоминали об этой истории, не любил вспоминать о повешенных. Иногда на бумагах, приговаривающих кого-то к смертной казни, он писал: «Смертной казни у нас, слава Богу, не бывало и не нам ее вводить». Но он заменял смертную казнь 10 тысячами ударов (нужно было 10 раз прогнать виновного сквозь строй в тысячу человек), т. е. ставил виновного под шпигруты.

Советские историки любили говорить о жестокости императора Николая, но это мы обсудим: дальнейшем, а сейчас скажу, что при всех своих недостатках Николай был человек вполне православный, хотя богословом его не назовешь. Многие воспринималось им очень просто и ясно, недаром же он был военным. Еще один аспект, которого я считаю необходимым коснуться. У Льва Толстого есть рассказ, где Николай изображен в виде эдакого сластолюбца, который совращает, пользуясь своим положением Вам, вполне возможно, рано или поздно будут задавать вопросы по поводу личной жизни императора Николая, ссылаясь как раз на этот рассказ. Насколько я могу судить, здесь имеет место обычная клевета. Толстой не любил царствующий дом, а кроме того, будучи сам человеком далеко не безгрешным, награждал своими недостатками многих людей, к которым питал неприязнь.

3. Периодизация царствования

В момент коронации, т. е. в середине 1826 года, начинается царствование и правление императора Николая I. К этому времени было совершенно ясно, что дела в государстве находятся в страшном расстройстве. Император Александр в последние годы ни во что не вникал, армия была в полуразложившемся {74} состоянии. Достаточно вспомнить, что многие герои восстания 14 декабря имели привычку приезжать на развод или на дежурство во фраках и только для того, чтобы соблюсти приличия, набрасывали сверху форменную шинель. Это напоминало порядки при Екатерине II в конце ее царствования. Но с чего начать, как наводить порядок? Следует дать некую периодизацию царствования Николая I. Здесь я не буду оригинальным, а пойду вслед за Корниловым, который выделяет следующие три периода:

первый — с 1826 по 1832 г. Период этот нельзя назвать реформаторством, скорее это период наведения порядка в делах;

второй — с 1832 по 1848 гг., (от подавления польского восстания до европейских революций и венгерского восстания). Период достаточно протяженный, который я бы назвал временем определенной стабильности во внутренней и внешней политике, хотя не все здесь однозначно;

третий период — с 1848 и по 1855 гг., в течение которого были допущены крупнейшие внешнеполитические промахи, а также Крымская война, или Восточная война, как ее еще называют, в ходе которой военные действия велись не только в Крыму, но и на Кавказе.

Бесспорно, Николай впервые (думаю, с подачи Карамзина или в разговоре с ним) задумался о том, как оценить выступление декабристов. Что это: еще один гвардейский выход, наподобие тех, что были в XVIII веке, или нечто большее? В XVIII веке, как известно, гвардейцы сажали на трон монархов, ничего от них за это не требуя, и продолжали им служить. Принципиальную разницу можно было проследить в том, что те гвардейцы, которые посадили на престол Елизавету и Екатерину, отнюдь не писали никаких программ, а отмечали это событие обильными возлияниями; здесь же заговорили о республиканском правлении, о конституционном строе и т. п. вещах.

И вот, видимо, Николай сформулировал для себя следующую мысль. То дворянство, которое всегда было покорно трону и имело какие-то привилегии, на этот раз потребовало не новых привилегий, а права участия в управлении государством, т. е. фактического ограничения самодержавия. Отсюда напрашивался вывод: дворянство уже не может быть опорой самодержавной власти. И тогда возникает вопрос: на кого же опираться? Крестьянская масса в этом отношении была устроена просто: страну не представляли себе без царя-батюшки. Но крестьянская масса, являясь стержнем государственной экономики, в политическом отношении была вполне безучастна. И тогда Николай осознал, что самодержавие может опереться на принцип централизации правления и на тех, кто этот принцип будет претворять в жизнь — т. е. на бюрократию, на государственных чиновников.

4. Усиление власти бюрократии

Централизация управления всегда ведет к росту бюрократии, а разросшаяся бюрократия всегда требует известной централизации, иначе она не будет работать. И действительно, царствование Николая I — это период если не господства бюрократии, то во всяком случае ее большого влияния на все государственные дела.

Уже в январе 1826 года создается Второе отделение собственной Его Величества канцелярии. Канцелярия всегда была у императоров российских. Поскольку есть входящие и исходящие бумаги, то кто-то их должен писать, кто-то должен вырабатывать решения. Было Первое отделение канцелярии, которое этим занималось: оно принимало и оформляло бумаги и т. д.

Создали Второе отделение, во главе которого был поставлен очень известный человек Балугианский, а помощником его был знаменитый реформатор Александра I Сперанский.

Декабристы прочили Сперанского в качестве одного из руководителей страны в случае удачи переворота, и Николай об этом не мог не знать. Именно Сперанскому Николай поручил разрабатывать все принципы судопроизводства по делу декабристов, именно Сперанский разработал степень ответственности в соответствии с разрядами, ввел классификацию тяжести преступлений, именно Сперанский готовил проекты приговоров в соответствии с тем или иным разрядом. Никогда он никакими идеями декабристов, конечно же, не увлекался, и то, что они именно такого человека прочили себе в советники, говорит о политической близорукости декабристов.

Сперанский возглавил работы по упорядочению, или кодификации Российского законодательства. Со времен Алексея Михайловича было издано огромное количество указов, разобраться в которых не представлялось возможным. И вот уже в 1830 году был издан колоссальный труд — «Полное собрание законов Российской империи», включивший в себя все законы, которые были изданы начиная с середины XVII века. Открывало этот огромный 45-томный труд «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича. Через три года был издан 15-томный свод действующих законов, т. е. если первое издание носило характер справочный, то второй свод был именно действующим сводом.

Интересно, что впоследствии, уже в 40-е годы, когда создавалось уголовное законодательство в России, там использовались отдельные положения соответствующих глав и статей Соборного уложения 1649 года. Можно поражаться тому, как долго жили некоторые русские традиции в области права и как умело их использовали. Так вот, это все сделал Сперанский. Мы видим здесь не реформу, а просто наведение порядка.

Спустя полгода, в конце июня 1826 года, указом императора был создан корпус жандармов, о котором в нашей литературе написано много нехорошего. Строго говоря, это была государственная полиция. Тайной полицией ее не назовешь, потому что жандармы действовали совершенно открыто, но спустя неделю после учреждения корпуса жандармов, во главе которого был поставлен Александр Христофорович Бенкендорф, герой войны 1812 года, было создано Третье отделение собственной Его Величества канцелярии.

{75}

Что же оно собой представляло? Поскольку у нас много говорят о том, что это были сплошь шпионы, доносчики, осведомители, которые отравили жизнь Пушкину, то я просто приведу список дел и проблем, которыми занималась тайная полиция Николая I или, иначе говоря, Третье отделение.

1. Вся информация по вопросам государственного значения. Естественно, речь идет о государственной полиции, о государственных преступлениях. Как вы понимаете, большинство людей не занимаются вопросами, относящимся к этой категории дел. Но после восстания декабристов было бы странно не завести такого учреждения и не собирать подобную информацию.
2. Информация о сектантах и раскольниках (именно информация).
3. Информация о фальшивомонетчиках и о тех, кто подделывает документы.
4. Информация о поднадзорных лицах, т. е. тех, кто был под надзором полиции, гласным и негласным.

5. Высылка и размещение вредных и подозрительных лиц. Здесь речь идет об административной ссылке, внесудебных делах, когда деятельность каких-либо людей оценивалась как вредная и они были командированы куда-нибудь на неопределенный срок — например, в Вятку.

6. Заведование тюремными учреждениями.

7. Информация об иностранцах (элемент контрразведки).

8. Информация о происшествиях и полицейская статистика, т. е. обычный контроль над уголовной и городской полицией. Николай I хорошо понимал, что тот, кто владеет информацией, владеет ситуацией.

Урок, преподанный декабристами, даром не прошел. Царь понял, что тогда он был застигнут врасплох только потому, что не владел информацией. Иногда говорят, что вся страна была опутана сетью сотрудников Третьего отделения. Надо сказать, что когда Третье отделение во времена Александра II было ликвидировано, в штате его сотрудников оказалось всего... около 70 человек. На всю Россию! Правда, был еще десятитысячный корпус жандармов — тоже на всю Россию, поэтому в каждом уездном городке обязательно было по одному жандарму.

Конечно, секретные сотрудники были и в тех организациях. Без этого трудно было бы представить жизнь какого-либо государства, но во всяком случае все это носило не тот характер, о котором у нас любят писать некоторые широко публикуемые пушкинисты.

В этой связи, конечно, совершенно недопустимо механическое восприятие тех штампов, которыми снабжены наши учебники. Пушкин не был сторонником республиканского образа правления — он был монархистом. То, что произошло на Сенатской площади, Пушкин воспринимал критически и уж во всяком случае не винил Николая I в жестокости

Когда он был возвращен из ссылки в Михайловское по приказу Николая I и доставлен прямо в Москву, во дворец, на коронационные торжества, беседа императора с опальным поэтом продолжалась с глазу на глаз, без свидетелей, около четырех часов. После чего император сказал придворным: «Господа! Вот вам новый Пушкин, забудем прежнего». Чтобы еще немного осветить эту тему, скажу, что Пушкин тут же написал знаменитые стансы 1826 года, которые начинаются словами: «В надежде славы и добра Гляжу вперед я без боязни: Начало славных дел Петра Мрачили мятежи и казни»

Аналогия прямая и нисколько не завуалированная. Кстати говоря, декабристы на Пушкина очень обиделись. И хотя в черновиках Пушкина часто встречается рисунок виселицы с пятью повешенными, но он же написал: «Повешенные повешены», т. е. хватит об этом.

Говорят, что он был в оппозиции императору Николаю. Ничего подобного: если бы это было правдой, то вряд ли Николай назначил бы Пушкина фактически на место Карамзина, историографа. Именно Пушкину было поручено написать историю Пугачевского бунта. Пушкин был первым, кто получил доступ к этим секретным документам. Путешествие Пушкина по местам событий, а также публикации его исследования и т. п., естественно, оплачивала казна.

Когда Пушкина, смертельно раненного, привезли на квартиру, то он написал письмо, короткую записку императору. Николай прислал ответ, в котором были такие слова: «Мой тебе совет: умереть христианином, о жене и детях ты не беспокойся». К этому времени Пушкин был в долгах настолько, что это трудно себе представить. Имение было заложено и перезаложено, жена и дети оставались без копейки.

И вот, существует собственноручная записка императора Николая о том, куда и сколько заплатить, тут же были изданы за счет казны все сочинения Пушкина в пользу его семейства. Казна не обогатилась на этом нисколько — это были огромные расходы. Дети были отправлены на казенный счет в лучшие учебные заведения, вдова получила пенсию, имение было выкуплено.

Что же касается любимого пассажа некоторых наших пушкинистов на тему, что Николай бесстыдным образом ухаживал за Натальей Николаевной, то это пусть будет на их совести. Доказательств нет никаких, а если Наталья Николаевна — первая красавица Петербурга — и бывала иногда при дворе, то это еще не повод для подобных подозрений. Хотя можно найти литературу совершенно непотребную, которая бесстыдно развивает эту тему.

6. Обзор внешней политики

Что еще относится к первому периоду царствования? Николай наследовал от Александра не только совсем забытые внутренние дела (и начал здесь с наведения элементарного порядка, причем не силовыми методами), но и запутанную внешнюю политику. Александр следовал той идее, которую он положил в основу Священного союза: принцип легитимизма, помощи государей друг другу и т. д. В это время {76} в Турции имел место геноцид против греков, и общественное мнение в России было настроено однозначно. Николай, с одной стороны, считал греков бунтовщиками против законных властей (как он писал в частных письмах к брату Константину), а с другой стороны, он начал войну против Турции.

В битве при Наварине соединенный русско-франко-английский флот уничтожил турецкий флот и внес определенный перелом в ход событий. На суше генерал Дибич нанес ряд поражений турецкой армии. Казалось, все клонится к определенному результату, но мир был заключен в Турции на очень умеренных условиях. Николай не хотел никаких перемен: в тот период он считал, что Турция должна существовать, и не стремился к обострению ситуации. Он полагал, что если предъявить здесь какие-то жесткие требования, то даже если они будут удовлетворены, это может вызвать некую нежелательную отдачу. Строго говоря, такой политике не откажешь в дальновидности. События, последовавшие 5–10 лет спустя, показали, что он был прав. (Впоследствии он изменил свое отношение к Турции, стал лелеять мечты о ее разделе, вытеснении с европейского континента, говорил о «разделе имущества больного человека», как он сам выражался. И, может быть, это и было началом его политических ошибок).

Далее император Николай, приехав в Польшу, принес присягу конституции, которая была дарована Польше его братом, хотя вряд ли это ему доставило большую радость. Он как будто бы формально продолжал линию императора Александра, но более сдержанно,

более осторожно. Когда в 1830 году грянула очередная революция во Франции, то эхом отдалась революция в Польше — знаменитое польское восстание. И здесь Николай уже не колебался. Поляки были в его глазах бунтовщиками против законной власти, против своей же конституции, и польское восстание было подавлено. Поскольку это были внутренние дела Российской империи, то правительства и Франции и Англии могли лишь созерцать то, что там происходит, отнюдь не вмешиваясь в этот процесс, даже дипломатически.

7. Внутренняя политика

Корнилов полагает, что подавление польского восстания — это определенный рубеж, после которого Николай переходит на позиции явного консерватизма в образе правления и мышления, и может быть, так оно и было. Но при этом надо помнить, что консерватизм в политике тогда еще не означал стагнации.

Конечно, не надо думать, что Николай не делал ошибок. Перед ним стояла масса проблем, в частности — проблема финансовая: казна была в очень тяжелом положении. Именно в этой области Николай I достиг блестящих результатов. Он не только сумел навести элементарный порядок в казначействе, но при нем рубль стал твердой валютой, получившей хождение по всему миру. О том, как это было сделано, я расскажу позже.

8. Крестьянский вопрос

Второй вопрос, который стоял перед императором Николаем: вопрос крестьянский. Николай думал о «крестьянском вопросе», как он его называл: в этом направлении последовательно работало десять комитетов. Один из самых высокопоставленных государственных деятелей, Киселев, возглавлял работу этих комитетов, и Николай называл его «начальником штаба по крестьянскому вопросу». Другое дело, что в царствование Николая этот вопрос так и не был разрешен. Многие видят в этом роковую ошибку Николая, другие полагают (и не без оснований), что вопрос сам по себе был настолько сложен, что решить его сразу не было возможности и что именно комитеты Николая фактически сделали возможными реформы Александра II. Надо было не только сформировать общественное мнение, но и подготовить тех людей, которые могли бы провести эту реформу. Принимая во внимание, что эта реформа затрагивала жизнь целой страны абсолютно во всех слоях, на всей ее территории, эта задача представлялась очень нелегкой. Может быть, сначала император и надеялся на какое-то решение этой проблемы, но уже ближе к концу царствования, он сказал, что не может решиться на отмену крепостного права. Заметьте: не может решиться — не значит, что не хочет.

Александр сумел ввести правило для лифляндской деревни и закон о «вольных хлебопашцах», который был принят на волне энтузиазма после Павла Петровича. Государственная власть учредила комитеты по крестьянскому вопросу, которые собрали колоссальную информацию, обобщили статистику, рассмотрели массу проблем. Между прочим, при императоре Николае происходили весьма интересные явления. Практически

все крепостное население, которое работало на фабриках, становится свободным. Это тоже о чем-то говорит. Это основные моменты второго периода царствования Николая.

Заканчивая обзор, скажу, что к третьему периоду относится роковая ошибка, связанная с подавлением венгерского восстания, когда революция, которая охватила Австрию и Венгрию, угрожала разрушить эту империю. Империя состояла из Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии, части Польши, Галиции, Сербии, Черногории, Боснии, Италии и т. д. и не была очень жизнеспособным образованием. Но логика Николая была очень проста: Венгрия рядом с Польшей, а что, если восстание опять перейдет на Польшу? Он сильно подорвал свой международный престиж. Впоследствии он горько раскаивался и говорил, что совершил страшную ошибку.

Вторая ошибка заключалась в том, что, исходя из забытого принципа легитимизма (Священный союз давно распался), он отказался признать императором Наполеона III. Когда тот утопил в крови восстание и стал президентом Французской республики, Николай его приветствовал, потому что всякое подавление бунтовщиков было приятно его сердцу. Но когда тот произвел себя в императоры, Николай усмотрел в этом нарушение принципа легитимизма. Это тоже не послужило улучшению политики.

А дальше просто: неверная оценка собственных военных возможностей, с одной стороны, и определенная дипломатическая комбинация, которую, я бы сказал, не усмотрел Николай в восточном вопросе, т. е. вопросе с Турцией, где святыни Палестины были только поводом, а отнюдь не причиной. Дальше, {77} как вы знаете, нападением русского флота на Синоп и уничтожением турецкой эскадры началась эта война, которая закончилась бесконечной 11-месячной осадой Севастополя и сдачей его союзникам, после чего наступило перемирие. Но к этому времени император Николай уже умер в 1855 году.

Таков обзор основных событий царствования этого человека. Остается добавить, что именно в это время у нас оформились движения «западников» и «славянофилов» — чисто идейные направления. Тогда же стали зарождаться среди «западников» социалистические учения. Именно на этот период приходится начало пропаганды Герцена. В конце 40-х годов началась деятельность кружка петрашевцев, следовательно, надо говорить и об этих вопросах.

Лекция 16

_1. — Финансовая реформа Е. Ф. Канкрин. 1а. — Личность Е. Ф. Канкрин. 1б. —
Подготовительные мероприятия. 1в. — Ход реформы. 2. —
Крестьянский вопрос. 3. — Кавказская война. 4. —
Строительство железных дорог. 5. — Армия.

1. Финансовая реформа Е. Ф. Канкрин

Сегодня речь пойдет о самой крупной реформе Николая I. Общее мнение, что русские финансы постоянно «поют романсы», я думаю, никого не удивляет. Напомню вкратце, что собою представляли финансы при Александре I

С XVIII века у нас фактически были две денежные единицы: серебряный рубль и бумажный рубль, имелся постоянно плавающий внутренний курс бумажных ассигнаций по отношению к серебряному рублю. При этом ходило еще множество самых разнообразных дензнаков: в XIX веке доходило до того, что ввозились значительные партии малопонятных монет, отчеканенных для пользования ими здесь. У нас фигурировали «ефимки» (это от иоаким-талера — первая часть попала к нам и стала называться ефимками, а вторая часть попала в Соединенные Штаты и стала называться «доллар»).

Внутреннее финансовое хозяйство России было очень сложным, поэтому его никак не удавалось упорядочить. При Александре I бесконечные войны подкосили денежное хозяйство, и бывали времена, когда за бумажный рубль давали 10 копеек, т. е. финансы государства стояли на грани краха. Расплачивались же с армией и с теми, кому полагалось платить, бумажными рублями. Дефицит покрывали при помощи печатного станка, и хотя в конце царствования Александра удалось сжечь бумажных знаков на какую-то солидную сумму, но все равно это было каплей в море и принципиально ничего не решало. Правда, в 1823 году, еще за 1,5–2 года до смерти императора Александра, новым министром финансов России стал Егор Францевич Канкрин, человек весьма интересный.

1А. ЛИЧНОСТЬ Е. Ф. КАНКРИНА

Он был сыном немца, переехал в Россию при Екатерине, учился за границей, закончил университет, занимался вопросами экономики и финансов, но вернувшись в Россию, брался за любую работу. Он успел побыть учителем, был чиновником, затем стал служить по интендантской части. В конце своей военной карьеры, т. е. в 1814 году, он заведовал фактически всем интендантством русской армии, и надо сказать, что русское интендантство было лучшим среди всех европейских армий того времени, во всяком случае среди союзных армий, т. е. ни в Австрии, ни в Пруссии, ни в Англии такого интендантства не было, настолько оно было разумно устроено. Это не значит, что там совсем не было казнокрадства, каких-то недочетов, но многое сделано было удивительно разумно и здраво.

При этом сам Егор Францевич не был казнокрадом, он был честным человеком, и бесспорная ученость, глубокие теоретические познания у него сочетались с удивительной практичностью. Уже в 1823 году он был очень заметной фигурой, и Александр назначил его на пост министра финансов. Канкрин возглавлял финансовое ведомство нашей страны 18 лет. Именно ему принадлежит честь не просто укрепления русского рубля, а фактически создания прочной финансовой системы.

1Б. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В основу своей финансовой политики Канкрин положил сначала принцип накопления стартового капитала. Он пошел на такую непопулярную меру, как устройство винных откупов. Что это значит? Продажа алкоголя облагалась государственными пошлинами у

нас всегда, уже в XVII веке был соответствующий питейный сбор. Но пока все эти поступления от винной монополии дойдут до казны, пройдет очень много времени, а казна была пуста. Деньги были нужны постоянно: шла война с Персией, шла война на Кавказе, успели повоевать в 1827–1829 годах в Турции. Кроме того, начинать финансовую реформу, не имея подручных средств, невозможно.

И Канкрин пошел на то, чтобы сдавать винные откупа. Делалось это следующим образом: например, известно, что в какой-то губернии или ряде губерний за год, два или десять лет от продажи алкоголя поступает в казну такая-то сумма, более или менее точная. Ее надо сосчитать, зная плотность населения, объем продаж и т. д. Желающим купцам предлагалось выкупить право на торговлю алкоголем на данной территории на определенный срок с условием уплаты всех денег сразу. Таким образом казна быстро получала весьма солидную сумму.

Казалось, в этом ничего дурного нет. Плохо было то, что откупщики начинали гнать водку очень низкого качества, добивались очень дешевого производства и, главное, продавали свою продукцию абсолютно бесконтрольно, мгновенно возвращая себе капиталы и чрезвычайно высокий доход. Эти же деньги, полученные таким неправым путем, использовались для подкупа чиновников. Доходило до того, что в некоторых учреждениях чиновники практически получали одновременно две зарплаты: одну от казны, а другую, большую — от откупщика. Зло было очень большим, бороться с ним было почти невозможно, но Канкрин, зная все это, тем не менее, на это пошел.

{78}

Вторым принципом был принцип экономии. Он просчитывал все и, просчитав, урезал расходы, оставляя только те статьи, без которых прожить было нельзя. Причем урезал он их не только на бумаге. Когда Николай I просил у своего министра финансов денег на какие-нибудь траты, Канкрин, у которого часто болела спина, подходил в императорском кабинете к печке, и грея спину, на все требования Николая отвечал: «Никак нельзя, Ваше императорское величество». Николай слушался. За 18 лет император Николай прошел прекрасную школу финансов и стал неплохо разбираться во всех денежных премудростях.

Третьим моментом деятельности Канкрин было очень любопытное использование тарифа. Тариф, как вы знаете, это фактически налог на ввоз и на вывоз. Выгодно поощрять свою собственную торговлю и наживаться на ввозе. Это и есть политика протекционизма, которую придумали еще раньше. Тариф 1810 года фактически удержал русские финансы перед войной 1812 года, позволив хоть как-то свести концы с концами. Тогда положительное сальдо составило чуть не 90 миллионов.

Канкрин подошел к этому вопросу более тонко. Если обезопасить внутреннюю торговлю и внутреннюю промышленность от экспорта совсем, то она не будет хорошо развиваться, поскольку что она ни произведет — все съедят и все купят. И тогда она становится заведомо неконкурентоспособной. С другой стороны, если сразу открыть ворота для импорта западных товаров, то отечественная промышленность не выдержит этого и лопнет. Поэтому он не установил жесткого тарифа — он его постоянно пересматривал. В течение всей своей деятельности он то увеличивал налог на отдельные статьи экспорта и импорта, то уменьшал его, всегда зная, в каком состоянии пребывает соответствующая российская отрасль. Фактически тариф таможенный, с одной стороны, помогал пополнять казну, а с другой — стимулировал развитие русской промышленности. Канкрин как ученый и финансист связал эти два явления воедино. Это было уже не простой фискальной политикой (обобрать как можно больше на налогах и тех и других), а

наоборот, стремлением заложить основу для развития промышленности. Это был единственно здравый подход.

Четвертым моментом, к которому он шел, была, собственно говоря, уже реформа российских финансов, но он ее начал только в 1839 году. Заметьте: спустя 14 лет после воцарения императора Николая. Все эти годы, несмотря на войны и разные события, русские деньги постепенно укреплялись, как и российская промышленность, как и торговля. И вот когда все эти процессы достигли определенного уровня, Канкрин счел возможным начать реформу непосредственно финансов.

1В. ХОД РЕФОРМЫ

У нас был плавающий курс, т. е. если в Петербурге давали за серебряный рубль одно количество ассигнаций, то в Москве другое, в Новгороде — третье, а в Одессе — четвертое. Люди, которые здесь хорошо ориентировались, неплохо зарабатывали, потому что кое-где можно было подешевле купить и подороже продать.

Канкрин, сделав расчет, установил совершенно жестко, что серебряный рубль приравнивается к 350 копейкам на ассигнации. Это было подтверждено законом, т. е. был введен фиксированный курс серебряного рубля. Поэтому все сделки, которые стали производиться с этого момента, могли производиться только при соответствующем расчете: плати чем хочешь — серебром, ассигнациями, но исходя из этого жестко фиксированного курса. Это сразу вышибло почву из-под ног всех спекулянтов, которые, ничего не производя, просто занимались скупкой и перепродажей ассигнаций и серебра. Это сразу дало очень положительный эффект.

Следующим шагом было законодательное уничтожение хождения бесконечных денежных знаков, которые неизвестно откуда появлялись на нашем пространстве. Некоторые из них были из благородного металла, некоторые — неизвестно из чего, какая-то самостийная чеканка. Все это прекращалось, отныне можно было рассчитывать только рублями.

Наконец, Канкрин решил создать золотой запас казны, которого до этого у нас просто не было — сколько собирали, столько и тратили. В такой системе прочной денежной единицы быть не может. Откуда этот запас взять? Тогда золотодобывающая промышленность у нас была не очень развита. И он пошел на очень интересный шаг: предложил всем желающим совершенно добровольно сдать на государственное хранение имеющиеся у них слитки благородных металлов или деньги, золотые и серебряные, или какие-то ювелирные изделия, а взамен получить так называемые депозитки. Одна депозитка приравнивалась к 25 рублям. В любой момент все эти депозитки можно было предъявить обратно в казну и получить свое золото. На депозитки был предъявлен колоссальный спрос, и в 1842 году за очень короткое время, всего за несколько месяцев, в казну было внесено на 25 миллионов рублей золота и выдано соответствующее количество депозиток. 1843 году внесли еще на 12 миллионов. Таким образом, за два года было выпущено на 40 миллионов бумажных денег, которые полностью обеспечивались золотом. Ясно, что депозитки стали твердой валютой.

В это время еще ходили старые ассигнации, и тогда было решено постепенно выкупить их по фиксированному курсу, а потом уже ввести новую денежную единицу. При этом Канкрин рассчитал: чтобы полностью гарантировать обмен новых кредитных билетов на золото, надо, чтобы золотой запас равнялся 1/6 выпущенной в обращение бумажной

массы, т. е. если вы хотите обеспечить постоянный обмен, то у вас, например, на 300 миллионов бумажных денег, находящихся в обращении, должны быть обеспечены 50 миллионов золотом, находящимся в казне. Расчеты показали, что совершенно свободный обмен гарантируется именно таким соотношением.

Итак, в казне оказалось 56 миллионов золотом, и, соответственно, можно было выпустить много кредитных билетов. Курс русского рубля стал прочен, он стал твердой валютой во всей Европе, с русскими рублями отныне можно было ехать в любую страну — Германию, Францию, Англию. Их всюду {79} принимали, поскольку знали, что за это можно получить золото. Это было колоссальное достижение, и потом уже в XIX веке курс русского рубля колебался очень незначительно.

2. Крестьянский вопрос

Второй реформой стала попытка разобраться с крепостным правом. У нас все говорят о Николае как о крепостнике, но это совершенно не так. Крепостное право, которое зародилось в XV столетии, получило свое классическое выражение в XVII столетии; в XVIII веке оно начало видоизменяться, а в XIX столетии уже переживало полный кризис.

После войны с Наполеоном многие помещики, конечно, разорились. Уже развивалась купеческая промышленность, которая вытеснила дворянские фабрики и заводы. Купцы всеми правдами и неправдами переводили своих крепостных в свободных людей, поскольку свободные рабочие работали гораздо лучше. Процесс этот шел очень интенсивно Николай, конечно, понимал, что это нонсенс — крепостное право, но не знал, как к этому подступиться.

Проблема была непростой. Освободить крестьян без земли было нельзя. Крестьяне считали эту землю своею, раз они ее обрабатывали, тем более что у всех было подсобное хозяйство. Это одна сторона вопроса. Если же отбирать землю у помещиков, то вряд ли будет довольно русское дворянство — не говоря уже о том, что при этом нарушался бы принцип частной собственности.

Была проблема с дворовыми людьми, которых можно было сделать лично свободными и выбросить на улицу, потому что они наделов не имели. А дворовых было очень много — это было фактически целое сословие. Наконец, было совершенно очевидно, что земледелие, скажем, в Костромской губернии сильно зависит от земледелия в Тамбовской, а земледелие в Тамбовской губернии ничего не имеет общего с земледелием в Малороссии.

Как решать эту проблему, было непонятно, везде была разная плотность населения с разной, как теперь называют, инфраструктурой. Так отхожие промыслы, которые были обычным делом, например, во Владимирской, Ростовской, Ярославской губерниях, совершенно были неизвестны на юге. Соответственно, барщинная система, преобладавшая на юге, была сравнительно не развита на севере, где преобладал оброк. Все эти проблемы не были сформулированы правильно отчасти еще и потому, что не было людей, которые могли все это охватить. Сознание людей еще отставало от требуемого уровня. И я думаю, что у нас появятся работы, посвященные деятельности

этих комитетов, потому что мы подробно ничего об этом не знаем. При советской власти об этом писали мало.

Систему, которая у нас складывалась на протяжении многих сотен лет, просто так изменить было невозможно. Екатерина II говорила в Наказе о крестьянах, Павел рекомендовал определенную барщину, Александр I ввел правило для крестьян Лифляндской и Финляндской губерний, а также закон о вольных хлебопашцах, и каждый последующий шаг был больше предыдущего. При Александре I на основании указа о вольных хлебопашцах была отпущена на волю первая партия крепостных крестьян, хотя, конечно, это было каплей в море на фоне многомиллионного населения. Но если Александр отважился только на указ о хлебопашцах, то Николай создал постоянно действующую структуру, которая должна была работать над этим вопросом. Было очевидно, что появляются люди, которые этим вопросом занимаются, которые понимают его важность для страны.

3. Кавказская война

Говоря о других политических явлениях, следует отметить, что творилось на Кавказе. Война там началась еще при императоре Александре I и была обусловлена ходом событий конца XVIII века, т. е. уже переговоры Ираклия с Екатериной сделали ее необходимой. Дело в том, что Грузия и Армения были отрезаны от России. Армянам постоянно угрожали и персы, и турки, и единственное, что могло их защитить, это присоединение к России Северного Кавказа.

Началась война, где нашим союзником выступала в первую очередь Грузия, а противником — народы Северного Кавказа, которые противопоставили нам, помимо свободлюбия, религиозную идею. Война закончилась при Александре II, когда князь Барятинский, бывший одноклассник Лермонтова по училищу, пленил Шамиля. Первым командующим на Кавказе был Ермолов, затем Паскевич, затем Воронцов, а потом Барятинский.

Война эта велась очень долго, и служба на Кавказе порой носила характер ссылки для некоторых вольнодумцев и безобразников. С другой стороны, военные действия в курортных районах Пятигорска и Кисловодска не производили очень уж тяжелого впечатления. Тактику и стратегию в этой войне определил еще Ермолов, и все случаи отступления от нее приводили к неудачам. Он вырубал леса, устраивал просеки в Чечне, которая была покрыта лесами. Мирные аулы не трогали, но если какой-то аул давал отпор, то в ход шло все — от взятия заложников до уничтожения всех, кто сопротивлялся, а иногда и всего аула. Жестокость была не принципом, а тактикой в определенной ситуации. И медленно, пядь за пядью покоряли это очень большое пространство — Чечню и Дагестан, продвигаясь ближе к Закавказью.

Кончилось все это тем, что когда были замирены и Чечня, и Дагестан, мы продвинулись к территории современной Абхазии, где военные действия тоже были очень быстро закончены. Эта война имела много любопытных черт. Например, сын Шамиля, который был взят в качестве заложника, окончил кадетский корпус в Петербурге и должен был вступить в брак с представительницей одного из аристократических семейств, а потом он предложил себя в качестве выкупа за плененных в этой войне и умер от чахотки. В этой

истории много и поэтического и трагического, как во всякой войне. Когда Шамиль попал в плен, его привезли в Петербург, а потом назначили постоянное место жительства и постоянный пенсioen. Он мог поехать в Мекку, он переписывался со своим победителем — Барятинским; их письма очень {80} интересно читать, потому что удивительными были отношения этих людей, которые не только не унижали достоинства друг друга, а наоборот, относились друг к другу с полным уважением. Они были достойными противниками.

Шамиль, патриот своей страны, имам (религиозный деятель), не отличался особым милосердием, и часто в разъездах по аулам его сопровождал палач, который сразу приводил в исполнение приговоры над тем, кто был неугоден имаму или нарушал законы шариата. А нарушать их приходилось довольно часто, поскольку хитроумные гяуры действовали не только обходительно, но и подкупательно, прибегая порой к классическим методам — в аул вкатывалась бочка водки. «Огненная вода» действовала иногда крайне радикально. Вкусивший этого напитка однажды жаждал вкусить еще, и после этого ни о каких боевых действиях уже речи не было.

Итак, Кавказ был завоеван позже — медленно, но верно. Александр II фактически это дело завершил.

4 Строительство железных дорог

Наконец, следует сказать еще о таком положительном нововведении, как устройство первой в России железной дороги. Сначала был построен пробный путь из Петербурга в Царское Село. Тогда всех волновала одна проблема: а не сойдет ли человек с ума при столь быстром передвижении? Многие считали, что поездка по железной дороге смертельно опасна, и лучше не рисковать. Лошадей было много, поездка в санях и колясках была привычным делом. Но когда оказалось, что поездка в Царское Село — вещь безопасная и интересная, было решено связать железным путем две столицы. Дорога получилась безумно дорогая из-за капитальных затрат — нужно было засыпать массу оврагов, пробить просеки, прорыть траншеи, построить мосты в очень неудобных местах. Зато в эксплуатации она оказалась очень дешевой и при этом необыкновенно удобной. И сейчас никому в голову не придет лететь в Петербург самолетом, потому что это займет в общей сложности 5 или 6 часов — как раз столько, сколько нужно для поездки на поезде.

5. Армия

Поразительным просчетом Николая, перечеркнувшим очень многие достижения, явилось отсутствие не то что какой-то реформы, а просто нормальной политики в армии. Армия деградировала: в ней сохранялась жесточайшая дисциплина, потрясающая плац-парадная выучка, но при этом она ни разу не была перевооружена, отвратительно снабжалась и была абсолютно не мобильна. К тому же она так разрослась, что в какой-то момент ею стало почти невозможно управлять. Все это привело Россию к поражению в войне, когда

пришлось воевать с такими экономически развитыми государствами, как Англия и Франция.

Эту войну мы называем Крымской войной, но правильнее было бы называть ее Восточной войной, потому что она велась и в Закавказье. Как раз успехи в Закавказье во многом и помогли сгладить неудачи в Крыму. Эта война полна для нас героическими воспоминаниями, потому что подвиг российских моряков, защитников Севастополя, никогда не будет забыт. По с другой стороны, потерпеть поражение у себя дома было очень странно и очень горько.

Думаю, что в этих событиях нашла свое отражение противоречивость царствования Николая I. Николай всегда хотел решить как-то крестьянский вопрос — и не смог. Так получилось и в Крымской войне. Бесспорный героизм, самопожертвование, стойкость и выносливость, которыми прославились защитники Севастополя, и при этом — полная неспособность изменить ситуацию кардинально.

На тему Севастопольской кампании и Крымской войны написано очень много интересных воспоминаний — например, «Севастопольские рассказы» Толстого, который был поручиком артиллерии, т. е. служил в пехотных войсках. Существует замечательная повесть Станюковича «Севастопольский мальчик» — бесхитрое повествование о том, что творилось в Севастополе в течение 11 месяцев осады. Наконец, существует трехтомник Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», и достоинство этой книги в ее редкой исторической достоверности. Сергеев-Ценский обработал колоссальное количество мемуаров, воспоминаний и в этом отношении книга сделана очень добросовестно.

Лекция 17

1. — Восшествие на престол Александра II. 2. — Манифест 19 марта 1856 г. 3. — Проекты освобождения крестьян. 4. — Рескрипт Назимову и начало Крестьянской реформы. 5. — Редакционные комиссии. 6. — Документы реформы. 7. — Судебная реформа.

В оставшееся время нам необходимо разобрать реформы Александра II и хотя бы обзорно просмотреть основные события конца XIX и начала XX столетий. Сегодня речь пойдет о крестьянской реформе, которая была первой реформой в ряду всех преобразований в царствование государя императора Александра Николаевича, или Александра II. Я не буду подробно рассказывать о личности этого выдающегося человека; напомним только, что воспитателем его был Василий Андреевич Жуковский, что он еще до восшествия на престол имел генеральский чин и не отличался никакими реформаторскими устремлениями. Наоборот, он был человек вполне сложившихся консервативных взглядов, очень хороший сын и образцовый семьянин.

1. Восшествие на престол Александра II

Когда император Николай умирал, он не оставил своему сыну политического завещания. Он просил прощения за то, что не все в государстве в порядке (он так и выразился: «Сдаю тебе команду не в добром порядке»), но говорил, что это не по злему умыслу. Надо сказать, что смерть императора Николая Павловича весьма поучительна. Это был человек очень верующий, и кончину его можно действительно {81} назвать благой. Мало кому из российских императоров доводилось умирать на руках любящей жены, любящего сына, в окружении близких друзей, исповедавшись, причастившись и в полном сознании.

Когда Александр взошел на престол, шла Восточная война, и успехи в Закавказье сводились на нет полными неудачами в Крыму. Войну нельзя было кончить сразу, потому что осада Севастополя продолжалась, и только осенью 1855 года, когда французам удалось штурмом овладеть Малаховым курганом и защитники Севастополя перешли по наплавному мосту на северную сторону бухты, военные действия затихли как бы сами собой. Операции в Евпатории не имели никакого значения, и эта пауза послужила сигналом для возобновления активной дипломатической деятельности. Сразу стало ясно, что Франция и Англия, особенно первая, согласны закончить дело мирными переговорами.

Российскую делегацию, которая отбыла в Париж на переговоры, возглавил Алексей Федорович Орлов — тот самый Орлов, который в 1825 году сумел умолить императора Николая пощадить его родного брата Михаила, одного из главных деятелей декабристов. Алексей добился своего, пообещав при этом всю свою жизнь положить на службу императору Николаю. Он сдержал свое слово. За несколько часов до смерти Николай I, характеризуя некоторых своих сотрудников своему сыну, сказал об Орлове: «Ты его службу знаешь, и говорить здесь ничего не нужно».

Алексей Федорович Орлов должен был возглавить российскую делегацию на переговорах по заключению мира. Ситуация была очень тяжелая: в результате военных действий мы потерпели военное поражение. Но Орлов в первые же свои встречи с французским императором Наполеоном III усмотрел и почувствовал, во-первых, наметившуюся трещину между Францией и Англией, а во-вторых, желание Франции обеспечить во время переговоров только свои интересы.

Практически суть этих переговоров была определена во время частных встреч Орлова с французским императором у него в кабинете. Существует легенда, что эти переговоры велись с глазу на глаз, и во время этой приятной беседы, естественно, в высшей степени деликатной, где ничего не конкретизировалось, Орлов задавал какие-то обтекаемые вопросы, а Наполеон III иногда прикрывал веками глаза. Таким образом, он подсказывал Орлову те ответы, которые были ему нужны. Когда переговоры начались в полном составе делегации под руководством министра иностранных дел Франции, то в одних случаях российская делегация неожиданно легко соглашалась, а в других не шла ни на какие компромиссы. И здесь французы делали вид, что они своим союзникам англичанам и австрийцам помочь ничем не могут.

Когда Парижский мир был заключен и подписан, он поразил всех своим содержанием. Во-первых, никаких контрибуций, репараций, претензий — об этом просто речи не было. Во-вторых, Россия лишалась права иметь флот на Черном море. Это звучало очень обидно, но ведь флота в этот момент у России уже не было. Россия не имела права держать укрепления на своих берегах — но их тоже в этот момент не было. Проливы объявлялись

открытыми для свободного плавания. Игра велась на малозаметных, но весьма существенных разногласиях Англии и Франции.

Напомню, что в Севастополе сражались 80 тысяч французов и 15 тысяч англичан. Англичане не поняли главного — того, что Наполеон III полностью удовлетворен победой, реванш был взят, а кроме того, у него были уже другие интересы. Его куда больше интересовали итальянские и австрийские дела, и Орлов на этом сыграл. Поэтому, когда был опубликован текст Парижского мирного трактата, в одной газете справедливо был поставлен вопрос: «А кто, собственно, победил в этой войне?» Из текста договора это было совершенно непонятно. Так Орлов сыграл выдающуюся роль в русской дипломатии, сумев чисто дипломатическими мерами свести почти к нулю тот моральный и материальный ущерб, который понесла Россия.

2. Манифест 19 марта 1856 г.

В Манифесте 19 марта 1856 года сообщалось об окончании войны, о заключении Парижского мира и говорилось о том, что уступки, которые сделала Россия, не столь важны в сравнении с тяжестями войны и выгодами мира. Заключался манифест замечательными словами: «При помощи небесного промысла, всегда благодеющего России, да утверждается, совершенствуется ее внутреннее благоустройство, правда и милость да царствуют в судах ее, да развивается повсюду с новой силой и стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью закона во всем равном и справедливом, всем равно покровительствующем да наслаждается в мире плодами трудов невинных».

Очень красиво это было сказано, но некоторые от этих слов испытывали шок. Что это за законы такие, которые «всем равно покровительствуют»? Россия была сословным государством, и дворяне могли судиться только с дворянами, а крестьяне — только с крестьянами. Что это за законодательство, которое всем будет «равно покровительствовать»? Реформы? Какие? Отмена крепостного права?

Генерал-губернатор Москвы граф Закревский был настолько встревожен, что, когда император был в Москве, он попросил его выступить перед собранием благородного московского дворянства и развеять недоумения, успокоить взволнованные умы, внести успокоение в мятущиеся души. Император согласился и выступил, сказав, что он не думает отменить крепостное право тотчас, одним росчерком пера, но что при настоящем положении оставаться, очевидно, нельзя и что лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, пока оно начнет отменяться само собой снизу. Он закончил указанием, что дворянство должно подумать о том, как бы это исполнить.

Императорская речь была совершенно неожиданной, ожидали совсем другого. Император задерживался в Москве, а текст речи был послан в Петербург, и когда министр внутренних дел Ланской прочитал эту речь, он не поверил, что все это было сказано императором. Поэтому когда император вернулся, его министр сразу испросил аудиенцию и почтительно вопрошал: неужели это все действительно было {82} сказано Его Величеством? Император подтвердил, что так оно и было, и что он об этом не жалеет. Ланской был умный и способный человек, который понимал необходимость реформ и начал работу.

3. Проекты освобождения крестьян

Министерские чиновники быстро разработали три варианта освобождения крестьян. Первый вариант был самым простым: объявить манифестом, что крестьяне свободны, но без земли — и дело с концом. Второй вариант был очень сложный, потому что крестьян надо было освобождать с землей, но землю при этом брать у помещиков, а им как-то возместить убытки. Где взять деньги? У крестьян их нет — значит, надо вводить какие-то займы, финансовые операции. Все это настолько сложно и опасно, что рассчитать все быстро невозможно. Третий вариант очень понравился самому министерству, потому что это обеспечивало людям работу и отсутствие больших затрат. Следовало постепенно перевести крестьян сначала в какие-то временно-обязанные положения, потом заменить барщину на оброк, потом сократить этот оброк, потом ввести какие-нибудь доплаты, переплаты, выплаты и так далее.

Первый вариант, конечно, не проходил совсем, потому что если освободить крестьян без земли, то по всей Российской империи поднимется крестьянский бунт. Землю, которую крестьяне обрабатывали, они считали своей, и объяснить им, что это не так, было очень сложно.

Когда эти три варианта представили императору, он сказал, что рассматривать их вообще не будет, потому что нужно ждать инициативы от дворянства, т. е. от владельцев земли и от владельцев крестьян. Александр предусмотрел, что если он начнет действовать исключительно силовыми методами, то тем самым он фактически может лишиться поддержки, которую всегда оказывало самодержавию дворянство. Просчитать в таком случае перспективы не представлялось возможным, но помнить о том, что все заговоры XVIII и XIX веков устраивались именно дворянами, нужно было всегда.

Резонанс был очень велик, стало формироваться общественное мнение. Дворянство разделилось на тех, кто не желал никаких реформ, и тех, кто считал, что реформы необходимы. Правда, те, кто считал, что реформы необходимы, не имели на этот счет никакой определенной точки зрения. Одни считали, что крестьян нужно освободить без земли, другие — что земли надо дать очень мало, третьи — что им вообще всю землю надо отдать, четвертые — что нужен выкуп и т. д. Во всяком случае, общественное мнение пришло в движение и какие-то определенные мысли стали формулироваться. В министерство внутренних дел пошли записки от некоторых помещиков, которые хотели освобождения крестьян, и от некоторых ученых профессоров, которые также считали это необходимым. Записки эти представляли собой довольно объемные проекты, которые надо было рассматривать. Особенно большую роль сыграла записка великой княгини Елены Павловны, которая была очень богатой помещицей Полтавской губернии. Она пригласила для составления записки известного экономиста Милютина, который впоследствии стал одним из видных деятелей реформы. Вручая записку своему царствующему племяннику, она сказала, что надо бы знать, чего хочет правительство, и получить указания, как действовать.

Записок шло все больше и больше, и вот в начале 1857 года был создан секретный комитет из 10 человек под председательством Алексея Федоровича Орлова. Он был старый человек, сформировавшийся в предыдущую эпоху, и никакие реформы, тем более

об освобождении крестьян, его не волновали. Он стал эти записки рассматривать. Но записки частных лиц — это не инициатива дворянства, это всего-навсего инициатива отдельных лиц. Вот если бы это сделал какой-нибудь губернский Съезд, тогда другое дело.

4. Рескрипт Назимову и начало Крестьянской реформы

Осенью 1857 года генерал-губернатор Литвы Назимов предложил своим литовским дворянам рассмотреть вопросы о введении так называемых инвентарных правил (для Прибалтики на протяжении всего XIX века издавали специальные правила землепользования для крестьян). На что дворянство ответило, что все равно, похоже, крепостное право скоро отменят. Зачем какие-то промежуточные правила — надо думать сразу об отмене крепостного права, но с сохранением всей земли за помещиками. Назимов поспешил в Петербург и подал этот проект. Но в комитете его рассматривали довольно долго, потратили три недели, и не пришли ни к какому выводу.

Александр, потеряв терпение, приказал одному из своих людей написать проект рескрипта Назимову и подписал его. Орлов сделал все возможное, чтобы этот рескрипт не был подписан, но тут произошло нечто странное: Александр с ним во всем согласился, но в последний момент выяснилось, что рескрипт уже отправлен по почте, и остановить его нельзя. Интересна тенденция: Александр ставит у дела людей очень консервативных, по-своему очень честных, преданных национальной идее, государству, но совершенно не желающих никаких реформ. Дело идет, и никакие консерваторы остановить его не могут.

Рескрипт был послан Назимову и, естественно, опубликован. В нем говорилось о том, что император и правительство предлагают учредить в каждой губернии губернские комитеты в составе выборных от каждого уезда дворян для рассмотрения проекта об освобождении крестьян. При этом говорилось, что вопреки желанию дворянства, освободить крестьян придется все же с землей.

Это был конец 1857 года. Литовское дворянство задумалось, всколыхнулись умы и в Великороссии. Первый губернский комитет на русских землях был образован в Нижнем Новгороде.

Затем последовали другие комитеты. И уже к концу 1858 года заработали губернские комитеты во всех губернских городах Российской империи, где имело место крепостное право (напомню, что в Сибири крепостного права не было никогда). В их состав от каждого уезда входили два депутата плюс еще два назначались правительством из местных помещиков, которые были известны своим стремлением провести реформу освобождения крестьян. Они непосредственно представляли интересы крестьян и фактически интересы правительства. Куда клонит правительство, было уже всем ясно.

{83}

5. Редакционные комиссии

Комитеты засели за составление проектов исходя из своих губернских нужд, т. е. губернских знаний и представлений. Проекты должны были идти в Петербург, поэтому были открыты Редакционные комиссии, во главе которых был поставлен генерал Ростовцев.

Если кто-нибудь из вас будет интересоваться биографией этого человека, то наверняка прочтет, что это был провокатор, предатель, доносчик, который предал декабристов, сообщив Николаю Павловичу все подробности заговора. В то время поручик Ростовцев, которому было 22 года, жил в одной квартире с Оболенским и знал о его убеждениях. Непосредственно перед восстанием Ростовцев ему сообщил, что он, Ростовцев, давал присягу на верность государю, что он не разделяет мыслей Оболенского и считает своим офицерским долгом обо всем доложить. Что он и сделал: он сумел добиться свидания лично с Николаем Павловичем, который еще не был императором, и рассказать ему о том, что в гвардейской среде существует заговор. При этом он не назвал ни одной фамилии. Вернувшись домой, он тотчас же все это передал Оболенскому, добавив, что фамилии он не называл. Представления об офицерской чести тогда были таковы, что Оболенский уважения к Ростовцеву не утратил, хотя большой любви к нему после этого, наверное, не испытывал.

С 1856 года Ростовцев работал над крестьянским вопросом, и был одним из самых знающих и добросовестных людей. Он соответствующим образом старался подбирать себе команду, и здесь надо упомянуть Николая Александровича Милютина, который был одним из главных делателей этой реформы. Их было два брата; один положил немало трудов на подготовку реформы для освобождения крестьян, а другой провел знаменитую военную реформу Александра II.

Редакционные комиссии, по логике вещей, должны были дожидаться, когда губернские комитеты пришлют свои проекты, свести их воедино, посчитать, чего желает российское дворянство, прийти к какому-то соглашению и привести все к общему знаменателю. Но когда Редакционные комиссии были открыты, то им от правительства была предложена программа действий, т. е. они должны были обрабатывать эти самые губернские записки исходя из следующих предложений правительства:

1. освободить крестьян с землей;
2. конечной целью освобождения считать выкуп крестьянами их наделов у помещиков в собственность;
3. оказать поддержку делу выкупа финансовыми операциями правительства;
4. избежать или сократить переходное состояние (допустим, что ты свободен, но уезжать с места еще не можешь и, скажем, должен платить оброк);
5. барщину уничтожить законодательным порядком не позже, чем через три года после опубликования закона об освобождении;
6. дать самоуправление крестьянам в их быту.

Легко заметить, что в общем это соответствует второму проекту Министерства внутренних дел — освобождение крестьян с землей на условиях выкупа. Здесь также следует заметить, что коль скоро обязательным условием было освобождение крестьян с землей, то, следовательно, все те проекты, которые предусматривали освобождение крестьян без земли, попросту не могли рассматриваться всерьез. Редакционные комиссии должны были не просто обобщить все то, что им пришлют, а переработать все на условиях, предложенных правительством. И они принялись за работу.

Через некоторое время до губернских комитетчиков дошло, что их проекты в Петербурге как-то странно превращаются не совсем в то, что они собой являли. Поползли слухи, а потом в Петербург даже поехали депутации, пошли какие-то петиции, дошло даже до того, что один из депутатов в крайне резкой форме потребовал обуздать бюрократов, созвать выборных представителей дворянства, на которых и должна опираться высшая власть России. Реакция Александра II на это была очень интересной: он объявил всем губернским депутатам, которые проявляли излишнюю инициативу, высочайший выговор. Надо сказать, что такие вещи бывали не часто. Депутаты были созваны в своих губерниях губернаторами, которые зачитали определение императора, а это значило очень много. Никаких репрессий не было, но депутатам дали понять, что ими очень недовольны. До них дошло, что не во всем виновата бюрократия. В это время, в феврале 1860 года, после очень тяжелой болезни умер Ростовцев. Болезнь болезнью, но если бы он не работал на износ в Редакционных комиссиях, он, бесспорно, прожил бы гораздо дольше. Вздохнули с облегчением те, кто не желал добра Редакционным комиссиям: наконец-то главный освободитель крестьян умер, может, что-то изменится.

Изменения последовали. Граф Панин, известный своими ультраконсервативными взглядами, был назначен на место Ростовцева, и все противники освобождения крестьян вздохнули с облегчением: «Наконец-то настоящий человек, свой человек, который все сделает как надо». Реакция сотрудников в самих Редакционных комиссиях была совсем другая: «Как, после Ростовцева — Панин? Человек, который способен все уничтожить и затормозить?» Милютин собрался было подавать в отставку, но все-таки пошел за разъяснениями к императору и попытался поделикатнее объяснить, что Панин совсем не тот человек, который может продолжить дело Ростовцева. Император выслушал его и ответил буквально следующее: «Вы Панина не знаете, а я знаю. Его убеждения — это точное исполнение моих приказаний». Действительно, у Панина была такая редкостная черта. Его собственный консерватизм остался при нем, он в точности выполнил то, чего требовал император, а император хотел освобождения крестьян.

Опять получилась чисто дипломатически созданная ситуация: формально в глазах всех крепостников дело возглавлял ультраконсерватор Панин, а дело шло. Тут было явное умение вести дело, умение организовать работу в очень сложных условиях, в которых находилась тогда Россия.

{84}

Редакционные комиссии проработали 20 месяцев, практически без всяких перерывов, а 10 октября 1860 года они были закрыты, потому что работу свою сделали. За это время они выработали проект 16 различных положений, обработали, опробовали и издали колоссальный статистический материал (указатели, справочники, журналы заседаний комиссий). Короче говоря, труды комиссии составили 18 толстых томов, плюс 6 томов статистических требований о всех поместьях, где было более ста душ крепостных крестьян, да еще 3 тома замечаний на работу губернских комиссий из губернских комитетов.

Как только Редакционные комиссии были закрыты, дело было перенесено в Главный комитет — так стал называться секретный комитет, который был образован для рассмотрения записок. В Главном комитете заседали 10 человек, Орлов по болезни там не председательствовал, а председателем был назначен великий князь Константин Николаевич, родной брат императора. Константин Николаевич полностью разделял мнение и желание своего венценосного брата и сделал все возможное, чтобы в Главном комитете была проведена работа так, чтобы все то, что наработали Редакционные комиссии, сохранилось. Мнения в Главном комитете полностью разошлись по некоторым вопросам. И здесь авторитет брата царя значил очень много, потому что можно было спорить просто с председателем комиссии, но с великим князем спорить было уже сложнее.

Константин Николаевич делал очень много своей личной инициативой, своей личной работой для того, чтобы все то, что наработано в Редакционной комиссии, почти без изменений прошло в Главном комитете. В последнем заседании Главного комитета принял участие император и выступил с небольшой речью. Он сказал, что он очень высоко оценивает деятельность Редакционных комиссий, но что теперь дело надо перенести в государственный совет, и он не допустит в решениях госсовета никаких проволочек — дело должно быть кончено к 15 февраля. А шел уже декабрь. «Этого, — высказал император, — я желаю, требую, повелеваю».

Объяснялся этот срок — 15 февраля — очень просто: посевную нужно было проводить уже в новых условиях. Таким образом госсовет был поставлен в достаточно жесткие условия, но шел еще декабрь, и оставалось два месяца. Как вы знаете, на это время падает конец Филипповского поста, и Новый год, и Рождество, и Святки, и Крещение. По вполне понятным причинам государственный совет, в котором заседали маститые сановники, на этот период закрывался: все разъехались по домам, по своим имениям и смогли собраться только к 28 января 1861 года, когда и возобновились заседания.

Совету нужно было уложиться в 10 дней. И за 2 месяца невозможно было прочесть 18 томов трудов и журналов Редакционной комиссии, а за 10 дней их трудно было даже пролистать. Тем более, что там были люди, которые не очень хорошо понимали друг друга. Александр поставил госсовет в такие условия, когда им очень многое приходилось принимать на слух. И там опять началась настоящая борьба.

На всех заседаниях госсовета председательствовал лично император, зафиксированы случаи (поскольку велся журнал заседаний), когда он присоединял свой голос к восьми против тридцати пяти и таким образом решал дело в пользу Редакционной комиссии. К 15 февраля не успели — успели к 17-му. А дальше, вы знаете, 19 февраля был издан знаменитый Манифест об освобождении крестьян. Текст манифеста написал святитель Филарет Московский, который, впрочем, не разделял очень многое из того, что было подготовлено в этой реформе, но когда император обратился к нему с просьбой составить манифест, он конечно, согласился.

6. Документы реформы

Но манифест — это только торжественное объявление монаршей воли. В самом манифесте никакого механизма приведения этого закона в действия содержаться не могло, оно содержалось в тех специальных, или особых и общих положениях, которые наработала Редакционная комиссия. Всего их приняли 17, и они составили законодательный комплекс 1861 года.

Итак, что это были за положения? Во-первых, они делились на общие положения и частные, или специальные. Первое общее положение называлось так: «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Здесь определялось правовое положение крестьян в России после отмены крепостного права. Это касалось абсолютно всех крестьян, которые были крепостными, поэтому, естественно, оно было общим.

Второе положение рассматривало вопрос о выкупе наделов, т. е. о способах и условиях, когда отведенные в постоянное пользование земельные наделы могут быть выкуплены крестьянами в собственность. Наконец, еще одно общее положение касалось дворовых людей, а их насчитывалось более миллиона — людей, у которых не было ни дома, ни двора, ни земли. Они жили при помещичьих усадьбах, занимались чем придется, и когда их освобождали лично, то фактически их выбрасывали на улицу.

Так вот, здесь говорилось о том, что они освобождаются безвозмездно, полностью, ничего не получая, но только через два года после издания Манифеста. Почему через два года? Потому что необходимо было как-то обеспечить их существование, чтобы за это время, продолжая жить за счет своих хозяев, они что-то себе подыскивали.

Наконец, было еще общее положение о местных учреждениях по крестьянским делам. Здесь говорилось о тех учреждениях, которые должны быть устроены в губерниях и уездах для того, чтобы привести жизнь на местах в какую-то форму, рассмотреть вопрос о земле, о наделах, о выкупах и т. д. Где-то это должны были быть мировые посредники, где-то — губернские съезды. Закладывалось будущее наших земских учреждений, но это были пока только общие положения.

А дальше шли положения, которые регулировали отдельные проблемы, применительно к местностям, территориям, или частям империи, а также в отношении определенных социальных слоев. Ряд {85} землепользовании Великороссии, Малороссии, Белоруссии или, например, Ставропольской губернии был разным. В Великороссии и Белоруссии было общинное землепользование и везде имелся общинный быт. Специальное местное положение касалось как раз Великороссии и Белоруссии, поскольку у них был одинаковый общинный быт и одинаковое общинное землепользование.

Другое местное положение касалось Малороссии, поскольку у них было подворное землепользование, туда же относились и литовцы. Малороссийские губернии относились к первому положению. Для Полтавской, Харьковской, Черниговской губерний было особое местное положение, поскольку там была своя специфика землепользования.

Еще одно местное положение касалось юго-западных губерний, которые раньше принадлежали Польше, где сложились специфические условия землепользования. Такое же отдельное положение получили литовские губернии, другое касалось мелкопоместных владельцев. Еще одно — для крестьян, которые отбывали повинность на помещичьих усадьбах. Еще одно положение было для крестьян горных и соляных промыслов. Наконец, особое положение было для казаков войска Донского. Еще одно было для крестьян Ставропольской губернии, для Бессарабской области и, наконец, для Западной Сибири (поскольку в Восточной крепостного права не было).

Итак, эти 17 общих и частных положений составили как раз то законодательство, которое и вводилось манифестом 19 февраля. Мы не будем детально рассматривать эти положения, а перейдем просто к положению о земельных наделах, поскольку это главный вопрос: сколько крестьяне могли получить земли. Вся территория России, где имело место крепостное право, была распределена по трем полосам: нечерноземная полоса, черноземная и степная. Для каждой полосы устанавливались свои нормы земельных наделов — минимальные, максимальные и, естественно, промежуточные. Так, для нечерноземной полосы устанавливалась минимальная норма 3 и 1/4 десятины, а максимальная — 8 десятин. Промежуточные нормы — 5, 6, 7 десятин.

В черноземной полосе было пять норм всего, и они были совершенно иные. Минимальная — 3 десятины, а максимальная — 4 и 1/2, т. е. максимальная норма в черноземье была в два раза меньше, чем в Нечерноземье.

Для степной полосы было четыре нормы с минимальной — 6,5 десятины, а максимальная — 12. Почему в Нечерноземье можно было получить довольно много земли по максимуму? Во-первых, земля эта неурожайная и чтобы что-то с нее получить, надо больше земли, а во-вторых, на эту землю не было особого спроса. Коль скоро она была неурожайная, то помещики были не прочь ее продать и на этом заработать. Кроме того, в нечерноземной полосе плотность населения была различной: где пусто, где густо. Одно дело — Владимирская или Ярославская губерния, и совсем другое — Вологодская.

На черноземной полосе все было наоборот: земля самая лучшая, и высокая плотность населения. Поэтому здесь все шло в счет. Что касается степной полосы, то земля там была прекрасная, но плотность населения настолько низка, что практически можно было очень сильно увеличить надел.

Как распределялись наделы? Учреждения, которые создавались, одним из общих положений должны были рассматривать ситуацию конкретно в каждом уезде, в каждом хозяйстве, в каждом поместье, и любая часть уезда могла быть рассчитана по той или иной норме, т. е. никакой уравниловки здесь быть не могло, и это очень важный момент.

Поскольку предстояли выкупные платежи, то нужно было установить и размер подати. Ну а раз подати, то вы должны четко понять следующую мысль: реформа освобождения крестьян от крепостной зависимости делала их лично свободными, но не давала им дворянских привилегий. И если дворянство оставалось сословием, которое не платило подати, то здесь подати платились — следовательно, налоговое обложение на крестьян распространялось, и, учитывая, что надо было еще платить выкуп, вопрос о том, какой должна быть подать, решался опять-таки отдельно.

Для этого всю страну разделили на четыре полосы: нечерноземную промышленную (иначе говоря, оброчную, где земледелия практически не было); нечерноземную барщинную (самую тяжелую, потому что здесь было земледелие и была барщина); черноземную (где была только барщина) и степную. В самых невыгодных условиях оказалась нечерноземная барщинная полоса. Наконец, сумма колебалась от восьми до десяти рублей с мужчины, везде по-разному. Но это было еще не все. В нечерноземной полосе помещики были готовы продать очень много земли и получить за это деньги, потому что эта земля не приносила дохода, а таким образом они могли его получить. Крестьяне же часто были не заинтересованы в том, чтобы получить так много земли, потому что не могли ее выкупить — они будут всю жизнь в долгу (и дети их, и внуки), потому что эта земля плохо родила хлеб.

В черноземной полосе, наоборот, барщина оказалась для мужиков выгодным делом. Коль скоро теперь они были лично свободны и должны были только отбывать барщину, то их наказывать за плохую работу было нельзя. Естественно, они стали сразу халтурить на барщине, помещичье хозяйство сразу стало приходить в упадок, а мужики были этим довольны, потому что они себя не обременяли. Поэтому помещики черноземной полосы были инициаторами полного и скорейшего освобождения крестьян и от барщины.

Здесь были свои тонкости. Все это кончилось тем, что было предложено в конце концов отойти до известной степени от тех предложений, которые дали Редакционные комиссии. Они как исходные пункты сохранялись, но при этом, если крестьянин получал полный надел, то он и должен был платить по полной программе. Но если он получал часть надела, то оплата должна была быть совершенно иной. Надел оценивался по-разному: а именно, скажем, та часть надела, где стоит дом и другие постройки, стоила {86} половину всего надела, вторая часть могла быть поделена еще на две, и они стоили меньше, а последняя вообще ничего не стоила.

Крестьянам предлагали взять либо все, либо часть, либо нищенский, т. е. минимальный, надел, но практически ничего не платить. Когда говорят, что вспыхнули бунты, волнения, это правда. Но дело все в том, что многие крестьяне, особенно в нечерноземной полосе, раздумывая над тем, что им предлагали, приходили к следующему: выплатить за надел невозможно. Вести какое-то серьезное земледелие в этой полосе вообще нельзя. Выгодно получить небольшой кусок земли, чтобы там можно было построиться, на огород и прочее хватит, и заняться промыслами, где-то работать, а за землю ничего не платить. Отсюда возникло понятие отрубов, нищенских наделов, которыми так любили спекулировать большевики. Действительно, очень во многих местах крестьяне получили меньше земли, чем у них было до реформы, но здесь нужно понять следующую вещь: отнимать земли у помещиков было нельзя, они должны были быть компенсированы какими-то деньгами. Эти деньги им нужно было получить от государства, которое, в свою очередь, должно было получить их когда-нибудь от крестьян. Выкуп земель затянулся до 1905 года, и, между прочим, революция 1905 года, которая была крестьянской революцией, отчасти была спровоцирована именно тем, что выкупные платежи так затянулись, что они висели мертвым грузом на шее крестьян, которые далеко не все могли их осуществить.

Такую реформу экономически страна потянуть сразу не могла, настолько она была обременительна. И в этой связи уместно говорить не о том, что реформа была неудачно проведена, а о том, что она все-таки была проведена, несмотря на то, что провести ее казалось невозможно. Вспомните, что Николай I, который желал этой реформы и как-то работал над ней, говорил, что, видимо, не сможет ее провести, т. к. она способна сотрясти государство настолько, что оно может погибнуть, и выражал свою мысль так: «Я, конечно, государь самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь».

Александр II решился и сумел с минимальными потерями провести страну через эту реформу, которая все перевернула вверх дном. И коль скоро крестьяне были освобождены и стали полноправными гражданами государства, то совершенно очевидно, что надо было проводить еще две реформы. В первую очередь — земскую, т. е. создать учреждения на местах, которые будут регулировать новые отношения между самими крестьянами, между крестьянами и помещиками, между крестьянами, помещиками и купечеством и т. д. Нужны были кадры людей, которые будут работать в земских комиссиях.

Земская реформа началась тут же. Нужно было создать выборную и исполнительную власть в губерниях и уездах, определить круг вопросов, которые они должны решать.

Сюда относились постройка мостов, дорог, устройство богаделен, школ, церквей, медицинская и ветеринарная помощь и т. д. Надо было собирать деньги на местах, фактически должна была идти речь о местных налогах, но это только земская реформа.

7. Судебная реформа

Во-вторых, судебная реформа должна была уравнивать все сословия, потому что в суде дворянское происхождение и крестьянское не имели теперь никакого значения. Привилегии, которое имело дворянство, не платя налоги, в суде не имели никакого значения. Судебная реформа была проведена. Вводились новые судебные уставы. Суд, который родился во время этой реформы, стал целой эпохой в России. Ничего подобного Россия не знала.

Во-первых, судьи становились несменяемыми, им назначались такие оклады, что они могли не брать взяток. Во-вторых, вводился состязательный процесс, т. е. интересы сторон отстаивали адвокаты как в гражданских процессах, так в процессах уголовных. Губернская власть влиять на суды не могла, желание губернатора для судьи ничего не значило, назначался суд присяжных.

Присяжными могли стать настоящие обыватели, люди, которые обладают недвижимым имуществом, которые имеют репутацию порядочных людей, которые лично не знают тех, кто участвует в процессе. Присяжные должны были сидеть на процессе и слушать — больше ничего. Когда процесс заканчивался, судья предлагал им ответить на вопрос: виновно данное лицо или не виновно? И если виновно, то заслуживает ли снисхождения? Для того, чтобы решить этот вопрос, они удалялись в специальную совещательную комнату, где находились до тех пор, пока не приходили к какому-то мнению. Затем старшиной присяжных объявлялся вердикт, допустим: виновен. Тогда судья говорил, что вина подпадает под такую-то статью уголовного кодекса, если шел уголовный процесс, и карается соответствующими мерами заключения или ссылки, а если заслуживает снисхождения, то давали помилование.

Суд делался гласный (т. е. можно было публиковать репортажи из зала заседаний суда) и открытый — на заседания суда мог прийти любой. Это стало очень популярно, российское общество зачастило в суды. Некоторые процессы освещались в самых крупных газетах, заключались пари. Единственное, что категорически нельзя было делать, это предвосхищать решение суда. За это на газету или журнал накладывался большой штраф, а кроме того, можно было угодить и в тюрьму, хотя и ненадолго.

Легко можно сделать вывод, что многое теперь зависело от адвоката, от его умения интерпретировать поступки своего подзащитного, провести перекрестный допрос, поставить вопрос противной стороне. Наконец, колоссальную роль играло красноречие адвоката, поскольку и чисто эмоциональное воздействие на присяжных заседателей всегда имело место.

Приведу один исторический анекдот. Известный Анатолий Федорович Кони был одним из самых популярных прокуроров и обвинителей. У него был хороший знакомый и постоянный оппонент — знаменитый Плевако, один из крупнейших русских адвокатов. Как-то судили одного священника — пьяницу. Дело было в провинции. Когда Плевако

спросили, сколько ему нужно времени на речь в защиту {87} обвиняемого, он сказал, что ему нужно 20 секунд. Это было невероятно. Но вот Плевако вышел и произнес всего несколько слов: «Господа, он отпускал вам ваши грехи всю вашу жизнь, неужели вы сейчас не отпустите его грех?»

Конечно, такие вещи происходили не часто, по фактически борьба обвинителя и защитника или борьба двух адвокатов в гражданском процессе требовала от адвокатов знания чисто специального — искусства речи, большой культуры, наконец, знания психологии. И не случайно с этого времени юридическое образование становится самым престижным в России. Естественно, если адвокат начинал выигрывать процессы один за другим, его приглашали все чаще, он получал колоссальные гонорары, поэтому сословие адвокатов стало очень престижным. С другой стороны, в это время возникла поговорка, что адвокат — это нанятая совесть, и такое действительно бывало. Если кто-то интересуется этой тематикой, читайте речи Плевако [[17. Плевако_Ф._Н._Избранные речи М, 1993]], а также двухтомные воспоминания Кони (один том — речи, а другой — мемуары «На жизненном пути») [[18. Кони_А._Ф._Избранные произведения в 2-х тт. М., 1959. или Его же. Избранные произведения. М, 1980]].

Высшей судебной инстанцией был Сенат. Многоступенчатой системы не было, кассацию можно было направлять только в одну вышестоящую инстанцию, причем, если доходило дело до кассации, то его не рассматривали заново, а проверяли соблюдение процессуальных норм. Если эти нормы не соблюдались, то назначался новый суд с новым судьей и новым составом присяжных заседателей (т. е. в высшей инстанции не судили). Наказания бывали разные, но в это время смертной казни у нас не было. Я имею в виду — за уголовные преступления. Что касается государственных преступлений, то они в судах не рассматривались.

Кроме того, существовала административная ссылка. Это был очень любопытный институт. Дело в том, что всех проблем суды решить не могли, и политическая борьба, которая началась в стране практически одновременно с этими реформами, а также активизация социалистических тенденций требовали иногда чрезвычайных мер. Тогда инициативу брала на себя государственная власть. Так, Чернышевский отправился в Сибирь административным путем, а не по суду. С точки зрения государства было естественно, что эти вопросы не решали суды. Суды были либеральны.

Административная ссылка помогала решить те проблемы, которые суд сразу решить не мог. Она была способом сохранения какого-то равновесия.

У этих реформ было очень много сторонников и столько же противников. Пожалуй, никогда реформы так яростно не критиковали, как это было в конце XIX века. Так, В. О. Ключевский высказывался на этот счет чрезвычайно резко: хорошо, когда реформы проводит Петр I, но беда, когда за них принимается Александр II. Я думаю, что он был не прав. Не все было идеально, не все получилось так, как хотелось, да и возможно ли было все продумать? Но то, что было тогда сделано, вызывает, на мой взгляд, глубокое уважение. В такой сложный исторический момент, как проведение реформ, критика бывает слишком пристрастна.

Александр II был великий реформатор, но он не был реформатором по призванию. Осознав, что реформы необходимы, он взял на себя труд и смелость их начать и продолжать, хотя всего завершить не смог. Это потребовало от него колоссального личного труда, личной энергии — можно сказать даже, что эти реформы сократили его жизнь.

Реформы вызвали к жизни такое явление, как народовольчество. В чем-то оно было неизбежно, но его нельзя было предусмотреть, ничего подобного в России никогда раньше не было. У нас были гвардейские заговоры, но они носили совершенно другой характер — это были заговоры монархистов. Социалистические учения, которые стали у нас постепенно распространяться благодаря Герцену, — это было нечто новое, и понадобилось немало времени, чтобы власти могли в этом разобраться.

Лекция 18

_1. — Военная реформа. 1а. — Всеобщая воинская повинность. 1б. —
Военное образование. 2. — Дипломатическая обстановка накануне Русско-
турецкой войны. 3. — Вступление России в войну в 1877 г. 4. — Берлинский
конгресс и результаты кампании. 5. — Генерал Скобелев. 6. —
Присоединение Средней Азии.

Сегодня у нас пойдет речь о военной реформе, затем мы немного поговорим о войне с Турцией и о присоединении Средней Азии.

1. Военная реформа

Армия в России формировалась посредством рекрутских наборов. Рекрутские наборы ввел Петр Первый, и это дало возможность создать профессиональную армию. Правда, у Петра и дворяне обязаны были служить фактически пожизненно, и это до определенной степени уравновешивало рекрутскую повинность, которая ложилась, в основном, на плечи крестьян — с той разницей, что дворян забирали на службу поголовно, а в рекруты — по столько-то человек с сотни. Пока в XVIII веке военные действия не требовали массовых армий, такая система была достаточно практичной. Но XIX век показал, что убыль солдат в военных действиях идет по нарастающей; уже в 1812 году стало ясно, что рекрутские наборы не могут обеспечить выход из ситуации, если война затягивается. Кроме того, рекрутские наборы давали армию постоянную, профессиональную, а, следовательно, ее необходимо было содержать и в мирное время.

{88}

Практика показывает: если содержать постоянную армию, надо совершенно четко знать, какой процент бюджета на нее можно тратить. Превысить этот процент нельзя, т. е. государство с фиксированным бюджетом может себе позволить содержать армию определенной численности, и не более того. В разных странах этот вопрос решается по-разному, поскольку формирование бюджета везде разное, к тому же это зависит и от геополитических проблем.

Дмитрий Милютин, родной брат Николая Милютина, который был одним из главных деятелей крестьянской реформы, стал военным министром Александра II и оставался на этом посту с самого начала до конца царствования этого императора. Он был очень образованным человеком, профессором Академии Генерального штаба, при этом имел и боевой опыт, некоторое время был начальником штаба Кавказской армии. Человек этот обладал, бесспорно, большой эрудицией и, начиная военную реформу, он приступал к ней постепенно.

Во-первых, сразу после воцарения Александра II были отпущены все ополченцы, которых успели набрать в предыдущее царствование. Затем сразу был снижен срок службы в армии: всегда служили 25 лет, теперь — 16. По тем временам это значило уже очень много. Все-таки обратно в мирную жизнь человек возвращался в 36, максимум — в 40 лет, а не за 50, когда жизнь была прожита.

Следующим этапом военной реформы была отмена телесных наказаний в армии. Эпоха Николая I вошла в историю как эпоха суровой дисциплины: розги, шпицрутены, линьки на флоте были совершенно обычным методом воспитания солдат и матросов, которых наказывали за малейшую провинность. Недаром эту систему называли палочной. Она уродовала психику солдат и офицеров, потому что такие методы наказания отнюдь не способствуют гуманному отношению к службе, как не способствуют и творческому отношению к своему делу. Отчасти этим было обусловлено состояние русской армии во время Крымской войны.

Были отменены телесные наказания, и молодое офицерство приняло это с большим энтузиазмом. В армии имел место внутренний (правда, не ярко выраженный) конфликт между теми, кто стоял за сохранение привычных методов воспитания, и молодежью, которая считала позором бить человека за какую-то провинность. Следующий этап военной реформы, что и было ее главным содержанием, — замена рекрутской повинности на всеобщую воинскую обязанность. Мы знаем, что такое всеобщая воинская обязанность, а тогда это было нечто новое.

1А. ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Впервые всеобщую воинскую обязанность применили в своей стране немцы. После того, как в 1806 году Пруссия была разгромлена Наполеоном, Наполеон заставил Пруссию подписать очень унижительный для нее мирный договор, где оговаривалось, что Пруссия не имеет права иметь армию больше 40 тысяч человек. Военный министр Пруссии генерал Шарнгорст придумал, как обойти это требование. Он действительно имел армию в 40 тысяч человек и не нарушал ни одной буквы мирного договора, но через 3 года почти все солдаты увольнялись в запас и набирались новые. Таким образом, спустя 6–8 лет в стране было уже около 120 тысяч обученных человек, и каждые 3 года это число увеличивалось на 40 тысяч. Франко-прусская война 1870 года убедительно показала необходимость введения такой системы.

Именно этот принцип и решил взять за основу Милютин, и когда в 1871 году был утвержден новый воинский устав, то в нем декларировалась всеобщая воинская обязанность. В армию призывались все молодые люди, отвечавшие по состоянию здоровья необходимым требованиям, достигшие 20-летнего возраста или немногим старше. Призывались они в армию на 6 лет. Если сравнить этот срок с 25 годами, то это было

большое облегчение. При этом предусматривалась система льгот: одни льготы были обусловлены семейным положением, другие — образованием. О них стоит сказать особо.

Льготы по семейному положению делились на три разряда. Первый разряд — это когда отсрочку от службы в армии получал единственный сын, единственный внук бабушки с бабушкой или единственный старший брат — кормилец малолетних сирот. Льготы второго и третьего разрядов могли получить следующие братья.

Эти льготы работали следующим образом: допустим, в данном уезде надо набрать в армию сто человек. Поднимают списки с учетом переписи населения и набирают только 80 человек, тех, на кого никакие льготы не распространяются. Потом призывают всех тех, кто относится к льготникам третьего разряда. Если набралось 20 человек, то и дело с концом — они идут в армию. Если их больше, то они тянут жребий и кто-то может остаться. Если их меньше, то призываются те, на кого распространяется льгота второго разряда. Льготники первого разряда (единственный сын, единственный внук, единственный брат-кормилец) могли быть призваны в армию только по Высочайшему повелению.

Любопытна система льгот по образованию. Человек, не имеющий никакого образования, служил 6 лет. Если он имел в активе только начальную школу, он служил 4 года — весьма существенная разница. Если он окончил городское или уездное училище, то служил уже 3 года. Среднее образование давало право на два года службы, высшее образование (университет) — на полгода, а вот тот, кто до призыва в армию успел окончить и гимназию, и университет, служил всего три месяца.

Логика здесь была очень понятной. Во-первых, государство всеми силами стремилось сохранить семью, а во-вторых, оно не хотело перекладывать на себя заботы о стариках, осиротевших детях и т. п.: пусть их кормит единственный сын, внук или брат. И, наконец, человек который успел окончить и гимназию и университет к 20–21 году, слишком дорог для государства, чтобы его призывать в армию. Такие люди нужны в медицине, науке, на государственной службе — где угодно. Государство практически сохраняло таких людей для общества. Те три месяца, которые они проводили в армии, напоминали военные сборы.

{89}

1Б. ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Но это было еще не все. Все солдаты, рядовые, которые попали в армию, обязаны были учиться в полковых школах, где преподавать должны были офицеры (то же было и на флоте). Они учили своих солдат считать, писать, читать, давали им начатки знаний по истории и географии. Служба в армии оказалась сразу весьма престижной: мужики, отдавая в армию своих детей, не обремененных познаниями, получали их обратно, во-первых, с какой-то военной специальностью, а во-вторых, людьми уже в какой-то степени образованными. Поэтому армия стала не таким уж неприятным местом, тем более, что вышколенные, дисциплинированные солдаты возвращались домой в возрасте 26 лет.

Затем было реформировано военное образование, и до сих пор некоторые военные спорят, хорошо это было сделано или нет. Упразднились корпуса и заводились военные гимназии. Последние также реформировались — значительно больше места там уделялось

образованию вообще. Шагистика и все с ней связанное, что непременно бывает в военных учреждениях, сводилось к минимуму. Вводились юнкерские высшие военные учреждения по специальностям: пехота, артиллерия, и инженерные войска. Оттуда офицеры выходили уже с образованием, соответствующим выбранной специальности, т. е. осуществлялась специализация офицеров. Это было очень большим достижением.

Одновременно шла работа по перевооружению армии. Крымская война показала, что Россия в военном отношении сильно отстала от запада, и поэтому началось спешное перевооружение армии, которое продолжалось много лет. Дело было очень сложное — во-первых, надо было создавать промышленность, а во-вторых, выяснять, что можно использовать в наших условиях, где это можно купить. В тех случаях, когда русские оружейники попадали в точку, они создавали системы, которым суждена была долгая жизнь, которые входили в историю. И таких систем, в общем, у нас было создано немало. Во многом такая деятельность военных инженеров, военных специалистов, создателей таких вооруженных систем начиналась именно тогда, хотя при этом использовалось много закупленного за границей.

Наконец, перестраивалась система управления армией в мирное время. Еще при Николае I армия делилась на корпуса, затем на дивизии и полки и т. д. В мирное время теперь ликвидировались армии и корпуса. Вся страна была поделена на округа, в каждом округе находилось то или иное число дивизий. Дивизия состояла из четырех полков. В мирное время командир округа был фактически высшим военным администратором данного округа, но при этом командир дивизии мог напрямую связываться с ним или с Генштабом, что сильно облегчало управление войсками. А в случае войны также без лишней путаницы на корпусном и армейском уровне это помогало составлять группировку на любом из необходимых направлений.

Не закончив еще реформу до конца, находясь в процессе формирования новых военных кадров, русская армия приняла участие в Турецкой войне 1877–1878 годов.

2. Дипломатическая обстановка накануне Русско-турецкой войны

Предыстория этой войны следующая. Значительные территории Сербии, Черногории, Боснии и вся Болгария находились в составе Турции. Практически все население этой территории было христианским, православным, и, следовательно, они испытывали притеснения и в национальном, и в религиозном отношении. Это был период упадка Турции. В таких случаях, как известно, подати выколачиваются особенно яростно, и это приводит к эксцессам. Сначала полыхнули восстания в Боснии, затем то же самое началось в Болгарии. В ответ последовало жестокое подавление восстания и зверские расправы с мирным населением. Турки ответили геноцидом, что они всегда и делали.

Черногория и Сербия объявили войну Турции, и их небольшую армию возглавил генерал Черняев, отставной русский генерал, который прославился к тому времени взятием Ташкента во время операций в Средней Азии. Сначала удача сопутствовала Черняеву, он сумел начать военные действия на территории собственно Турции, но потом турки их отбросили, и если бы не трехмесячная героическая оборона этой армии, то разгром был бы неизбежен. Но они сумели выиграть время, и осенью 1876 года император Александр II фактически, в ультимативной форме потребовал от турок прекратить как

зверства в отношении мирного православного населения, так и военные действия против армии Сербии и Черногории.

3. Вступление России в войну в 1877 г.

В это время, в начале 1877 года, в Константинополе заседала международная дипломатическая конференция, которая потребовала от султана прекратить зверства в отношении христианского населения и произвести необходимые реформы. Султан ответил отказом. Тогда 12 апреля 1877 года Александр II, находясь в Кишиневе, объявил Турции войну.

Определенная сложность войны заключалась в том, что ее нужно было вести на двух фронтах: в Закавказье и в Болгарии. До Болгарии надо было еще добраться, потому что от территории Болгарии нас отделяла Румыния, которая была в составе Турции.

Румынское княжество было составлено в 1857 году из Молдавии и Валахии, так называемых Придунайских княжеств. Население было в основном православным, оно было заинтересовано в хороших отношениях с Россией, поэтому Румыния тоже объявила войну Турции и открыла свои территории для прохода русских войск. Сложность ведения войны была в том, что, во-первых, армия находилась в процессе реформы, во-вторых, старший генеральский состав армии состоял из людей предыдущей эпохи, сформировавшихся в прошлом.

Первой проблемой оказалось форсирование Дуная. Дунай в этих местах — весьма широкая река, и эта операция представляла сама по себе уже чрезвычайно сложную экспедицию. В июле Дунай был форсирован, несмотря на попытки турок организовать оборону правого берега, а дальше русская стратегия свелась к следующему: передовому отряду надо было захватить Шипкинский перевал и удерживать там оборону. Основные силы русской армии двинулись на Плевну, вспомогательные — на Рундук. Таким образом русская армия расходилась по двум направлениям, а в центре оставался небольшой заслон. Если бы Шипкинский отряд был сбит, то турки вышли бы в тыл русских армий, отрезали бы их от Дуная и тогда поражение было бы неизбежным.

Отряд генерала Гурко в несколько дней преодолел переход до Балканских гор и занял Шипкинский перевал. Это хоть и невысокие, но горы, а следовательно — тропы, неудобные дороги, частое отсутствие воды. Летом — изнуряющая жара, зимой — ветер, обледенение, мороз. Турки очень быстро поняли свои ошибки, и, поскольку были сбиты с Шипкинского перевала, то повели атаку на Шипку. Первый период этой войны — это в сущности героические действия шипкинского отряда. Бывали моменты, когда у войск не хватало патронов: их просто не успевали подвозить, и приходилось штыками сбрасывать турок во время атак на склонах, отбиваться камнями. Бывали моменты, когда батальоны, спешившие на помощь, бежали вверх бегом, чтобы только успеть занять позиции. Несмотря на большие потери Шипка была удержана.

Под Плевной происходило нечто другое. Во-первых, медлительность принятия решений позволила войти в Плевну очень крупной турецкой армии, во-вторых, руководство приняло решение о штурме Плевны. Было три штурма: два — полностью неудачные, а третий, когда передовые отряды уже ворвались на обводы Плевны, не был поддержан. В

смысле потерь эти три штурма стоили очень дорого. Тогда был выписан из Москвы генерал Тотлебен — тот самый знаменитый инженер времен защиты Севастополя, который просто блокировал Плевну, и в ноябре Плевна была сдана турецким командованием.

Руцукское направление не играло особой роли, там просто удерживали определенное количество турецких сил. Наступала зима, но было принято решение именно к зиме форсировать действия. Начался переход через Балканы в зимних условиях. Операция эта по сложности не уступала форсированию Дуная и была с блеском проведена. После этого была разгромлена последняя армейская группировка турок в районе Шипки-Шейново, т. е. уже на южных склонах. Там выдающуюся роль сыграл Михаил Дмитриевич Скобелев. После этого русское наступление развивалось на южном направлении, мгновенно были заняты ряд турецких городов, в том числе и узловые: Филиппополь и Адрианополь. Турки были полностью деморализованы, фронта уже не было, и русское наступление докатилось до стен Константинополя, поскольку Сан-Стефано (городок, где остановились передовые русские части) находится на берегу Мраморного моря, откуда до Константинополя-Стамбула оставалось 7 километров. Тут турки и запросили пощады.

В Закавказье успехи тоже сопутствовали русским, и вот в феврале в Сан-Стефано был подписан прелиминарный, т. е. предварительный, мирный договор. Пока шли переговоры, русские офицеры ездили в Константинополь и прикидывали, где наступать и в каких кварталах вести боевые действия, если война продлится. Турки готовы были уступить все, что только можно. Россия получала в устье Дуная левый берег, создавалась единая Болгария, уступки были сделаны и в отношении Сербии и Черногории. Турция признавала полную их независимость и отдавала определенные территории в их пользу. Все сделано было неплохо, но, к сожалению, это не было окончательным результатом. Прелиминарный договор встретил резкую оппозицию двух держав, которые в войне не участвовали: Англии и Австрии. Англичане были взбешены тем, что русские войска стоят фактически на берегах Средиземного моря, а австрийцы вовсе не желали усиления России на Балканах.

4. Вступление России в войну в 1877 г.

На Берлинском конгрессе, который последовал за Сан-Стефанским мирным договором, русская дипломатия потерпела неудачу. Единой Болгарии не стало — стало две области: собственно княжество Болгарии и так называемая Восточная Румелия. Сербия и Черногория теряли часть земель, а Босния и Герцеговина отходили к Австрии, что привело в 1914 году к ужасным последствиям.

Интересно, что в Болгарии, которая от души приветствовала русских избавителей, очень быстро начались антирусские настроения. Тем не менее, если вы попадете в Болгарию, вы будете поражены количеством памятников, крестов, памятных мест, связанных с той войной. Имена генералов Гурко, Радецкого там живы в названиях мест, городов, площадей. На Шипке стоит монумент, а в столице самой Болгарии, в Софии, на главной площади возвышается храм Александра Невского — память об этой войне и о царе-освободителе, которого в Болгарии чтили всегда.

В России в Москве тоже было два памятника: один из них сохранился — часовня в память подвигов русских гренадеров под Плевной на Старой площади, за Политехническим музеем. Храм Казанской иконы Божией Матери, который был воздвигнут в честь побед в этой войне, находился на месте павильона метро «Октябрьская»-радиальная. Этот храм был построен в конце XIX века, при большевиках там помещался кинотеатр «Авангард», а потом, когда президент Никсон собрался посетить Москву, его снесли.

5. Генерал Скобелев

Скобелев после этого прожил сравнительно недолго. Пожалуй, вряд ли кто-нибудь из военных после Суворова пользовался такой известностью и популярностью. Он был очень образованный человек, говорил на многих языках, учился в университете. У него было поверье, что пока он в белом мундире, вражеская пуля ему не страшна. Поэтому во время боевых действий, когда Скобелев шел в передовых цепях, он всегда надевал белый мундир. Отсюда его прозвище — «белый генерал».

Умер он скоропостижно в отдельном номере ресторана «Англия» в Столешниковом переулке, во время какого-то обеда. С военными это бывает — люди, которые никогда не болеют во время войны, могут в одночасье умереть от сердечного приступа. Похороны его были национальным событием, гроб везли к его имению, к месту захоронения, на поезде. И там, где проходил траурный поезд, целые деревни выходили к железнодорожному полотну прощаться с покойным. Москва же украсилась замечательным памятником. Площадь на Тверской стала называться площадью Скобелева, и там был воздвигнут монумент, {91} изображавший «белого генерала», несущегося во весь опор на лошади в атаку в окружении солдат и офицеров. Потом площадь стала называться Советской, памятник уничтожили, теперь на этом месте стоит Юрий Долгорукий.

6. Присоединение Средней Азии

Теперь о Средней Азии. Средняя Азия в те далекие времена представляла собой три ханства: Ко-кандское, Бухарское и Хивинское. С трех сторон они были окружены песками, пустынями, с четвертой, южной, были горы. Территория, которую они занимали, была фактически междуречьем Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Они с успехом торговали с Россией: ковры, керамика, пряности, драгоценности, торговля эта была экзотическая, выгодная. При этом нападали на пограничные русские селения, уводили пленных, грабили. В подчинении этим ханствам находились все кочевые племена в округе: киргизы, туркмены. Узбеки вели в основном оседлый образ жизни, а таджики — это горцы. Поскольку южная линия русской границы базировалась на Орск, Оренбург, Семипалатинск, на западе — Красноводск, то оттуда и началось наступление в Среднюю Азию.

В 60-е годы Черняев, тот самый генерал, который впоследствии командовал сербскими войсками, взял Ташкент. Первоначально Кокандское царство не было полностью уничтожено, оно сохраняло известную автономию, но уже признавало зависимость от

России. После восстания в начале 70-х годов, которое разожгли фанатики-мусульмане, оно было полностью ликвидировано и преобразовано в Ферганскую область. Чуть позже началось завоевание Бухары. Бухарский хан также признал свою зависимость от России, Бухара также была взята и Бухарское ханство было разделено на две половины.

Затем, в начале 70-х годов, состоялся знаменитый Хивинский поход. В невероятно тяжелых условиях, преодолевая пески страшных среднеазиатских пустынь, русские отряды подошли к Хиве, и Хивинский хан сдался на милость победителя. Фактически была приобретена колоссальная территория, и русские войска, продвигаясь дальше, вышли к афганской границе.

Англичане забили тревогу, антирусские настроения в Англии резко усилились, потому что Англия хозяйничала в Индии, имела свои интересы в Афганистане и боялась, что русские придут туда. Но наши аппетиты так далеко не простирались — Средней Азии оказалось вполне достаточно, там стала устанавливаться русская администрация. Туркестанский военный округ возглавлял Кауфман, генерал, который командовал Хивинским походом, по городам встали русские гарнизоны. А раз русские гарнизоны, то и русские солдаты, русские офицеры, а у русских офицеров — семьи, жены и дети. Русские стали ставить церкви — сначала маленькие, затем побольше. Русские стали заводить больницы, школы, стали заниматься ветеринарной службой. Русские офицеры стали составлять карты и предпринимать исследования горных систем.

В то время, когда Средняя Азия была в составе России, там была создана цивилизация. При этом русская администрация никогда не трогала мечети, никакой насильственной христианизации не допускалось, никакой антимусульманской пропаганды не велось. Это было первое. Второе: стараясь прекратить кровную месть, кровавые столкновения отдельных племен и резню, которая там то утихала то вспыхивала, не трогали местных обычаев, не трогали базаров (базар там не только рынок, на котором можно что-то купить, но и политический клуб. Мнение базара — общественное мнение). При этом в больницах лечили и местное население без всяких ограничений, и если кто-то хотел учиться — пожалуйста, препятствий никаких не было.

Но была еще одна очень важная деталь, которую нужно знать: все эти ханы, эмиры и баи правили весьма жестоко. Помимо того, что там процветало настоящее рабовладение в восточном стиле, ханы еще и наводили порядки очень жестокими мерами. Это — Восток, и на Востоке это всегда было и, вероятно, всегда будет. В достаточно цивилизованном Иране отрубали руки за воровство, а на Филиппинах или в Сингапуре до сих пор за провоз наркотиков полагается смертная казнь.

Так вот, русские начальники это понимали, и за насилие в отношении белого гражданского населения, т. е. русских, или, не дай Бог, военного, применялись жесточайшие меры подавления. Сильный начальник — умный начальник, эта психология Востока полностью учитывалась.

Если говорить о том, что сделала русская администрация, русское население в этих странах и государствах, то можно называть много фамилий. И до сих пор вся система здравоохранения, вся система образования, все научные достижения, работа предприятий — это результат русской колонизации. Все наибольшие достижения в тех областях всегда связаны с русскими.

На следующей лекции нужно будет говорить о революционном движении: о народниках и террористах. Затем я попытаюсь дать основной обзор событий и тенденций конца XIX и

начала XX века. Что касается литературы, то по-прежнему лучшим пособием для вас является «Курс лекций по истории XIX века» Корнилова. У Платонова XIX век разобран конспективно. По царствованию Николая II у нас вообще нет никакой систематической литературы, поэтому я бы вам порекомендовал апологетическую, но хорошую книгу Ольденбурга [[19. _Ольденбург_С._Ф._Царствование Николая II. М., 1991.]] То, что эта книга апологетическая, понятно, потому что обстоятельства гибели царской семьи иначе описать нельзя. Там нет никаких попыток что-то замутить. Другое дело, что какие-то коррективы всегда нужно вносить, ведь история XX века у нас не написана, и неизвестно, когда будет написана.

{92}

Лекция 19

_1. — Покушения на Александра II. 2. —
Оценка внутренней политики Александра III. 3. —
Развитие России в конце XIX века. 4. — Аграрный вопрос. 5. —
Внешняя политика. 6. —
Дальний Восток и интересы России. 7. Начало революции 1905 г. _

Сегодняшнюю лекцию мы посвятим обзору событий конца XIX — начала XX столетий.

1. Покушения на Александра II

Обстоятельства воцарения Александра III были трагическими: его отец, великий русский государь-реформатор Александр II, был зверски убит террористами из «Народной воли» в Петербурге в результате очередного покушения. Покушений было много. Первый выстрел пытался произвести в Летнем саду Каракозов. Это было общедоступное место, и когда император прогуливался там с дочерью, подошел некто, навел на него револьвер и попытался выстрелить. Случайно проходивший мимо мещанин Комиссаров ударил террориста по руке, из-за чего покушение сорвалось. Второй (не по хронологии, а по значимости) попыткой было покушение Соловьева: император проезжал в открытой коляске; из толпы вышел человек, и стал стрелять в него из крупнокалиберного револьвера. Император выскочил из коляски и, продемонстрировав завидную реакцию, побежал — так, как это делают солдаты — все время меняя направление, зигзагами, что чрезвычайно затрудняло задачу террориста.

Третье покушение — знаменитое покушение Халтурина в самом Зимнем дворце. Террорист устроился во дворец истопником и, рассчитав, что одно из помещений, где он топит печи, находится прямо под императорской парадной столовой, стал запасать там взрывчатку. Накопив достаточное количество, он узнал через дворцовую службу, когда император будет обедать в этой столовой (ожидался приезд высокого иностранного гостя), и решил воспользоваться случаем. Он и произвел свой взрыв точно в то время, когда был назначен обед, но он не знал, во-первых, что поезд с иностранными гостями опоздал, а во-вторых, что между помещением, где он взорвал мину, и столовой

находилось еще одно помещение — комната отдыха для солдат дворцовой охраны. Их-то он и убил. В столовой же просто пол опустился на полметра в тот момент, когда там никого не было.

Надо еще напомнить, что были подкопы на улицах и другие покушения. И, наконец, фанатики из «Народной воли» просто учинили охоту за императором. Они расставили махальщиков и террористов с бомбами по всем мыслимым направлениям, где мог проехать император, засекли его на одном из них и бросили под карету императора сверток, в котором находилась бомба. Раздался страшный взрыв. Когда дым рассеялся, карета оказалась разваленной, но император уцелел. Террористы не знали, что карета изнутри окована толстым слоем железа, который и предохранил императора от ранения. Но был смертельно ранен кучер. Император, как полагалось военному, бросился к раненому. Подоспевшая охрана совершила страшную ошибку: вместо того, чтобы мгновенно изолировать императора и положить на мостовую всех, кто находился рядом, они в ужасе стали его расспрашивать, не ранен ли он. Император ответил: «Слава Богу, цел». В это время кто-то прохрипел: «Еще слава ли Богу?» — и швырнул очередной сверток. Раздался новый взрыв, и на этот раз император был смертельно ранен. У него был разворочен весь низ живота, почти оторваны ноги. Террорист (это был Гриневицкий) сам погиб от этого взрыва. Придя на какие-то мгновения в себя, Александр сказал, что хочет во дворец, домой. Он был туда доставлен и умер через несколько часов, не приходя в сознание.

В этот день император уже фактически подписал новый закон о привлечении представителей земств, специалистов из числа интеллигенции, а также людей, связанных с экономикой и капиталом, к управлению страной. Террористы об этом знали. Некоторые полагали, что они торопились с взрывом именно потому, что новый виток реформ окончательно выбивал почву у них из-под ног. И это было действительно так. С другой стороны, широкое население вообще ничего не знало о «Народной воле», поэтому никаких доброжелателей у этой организации не было. Социальный состав народолюбцев был довольно пестрым: дворяне, разночинцы. Всех их объединяло фанатическое желание убить русского царя.

Народолюбцы были арестованы, изобличены и казнены. При этом Лев Толстой протестовал против смертной казни. Либерализм в России, народившийся одновременно с реформами Александра II, пустил очень крепкие корни и быстро выродился в оппозицию правительству практически по всем вопросам. Либеральная интеллигенция усвоила, прямо скажем, примитивную способность критиковать все, что бы ни делала власть.

2. Оценка внутренней политики Александра III

Новое правительство Александра III, взяв принципиально иной курс, вызвало резкую оппозицию. Император повел борьбу против революционных, социалистических, либеральных брожений. Началось с университетов, где был введен в действие новый устав, практически сводивший на нет автономию: ректоры теперь назначались правительством, они получили право увольнять профессоров и т. д. В сущности, для всякого нормально мыслящего студента это не принципиальный момент, потому что в университетах надо учиться — все остальное имеет второстепенное значение. Но в те времена автономия студентов и ученых советов была животрепещущей темой.

Затем новые веяния коснулись печати, где произошли определенные перестановки и были введены ограничения. Стала расширяться сеть церковно-приходских школ, а вместе с тем была введена система классического обучения в гимназии, которая не казалась современникам полноценной, хотя свою роль и сыграла, потому что способствовала широкому распространению среди образованной публики знания языков. Те, кто сумел постигнуть премудрости греческого языка и латыни, легко справлялись с живыми языками.

Итак, внутреннюю политику нового императора можно характеризовать как консервативную. У нас очень любят называть эту политику реакционной. Она, бесспорно, была охранительной. Александр III был человеком весьма последовательным и твердым, он полагал, что самодержавие — это единственная система, благодаря которой существует страна, что у самодержавия есть естественный союзник внутри страны — дворянство. Но союзниками могли быть и другие сословия, поэтому он и вел соответствующую политику, которую либеральная интеллигенция считала реакционной. Самое интересное, что именно при этой реакционной политике расцветали наука, промышленность, торговля (как внутренняя, так и внешняя).

В чем же заключалась реакция? Если посмотреть на историю социалистических партий, которые в это время начинают возрождаться, то увидим, что их было очень много — вероятно, их не очень преследовали. Действительно, радикальные социалистические организации (подобные тем, какую составил брат Ленина Александр Ульянов), были разгромлены и террористы казнены. Это опять-таки было поводом обвинять правительство, хотя случай был абсолютно ясный.

3. Развитие России в конце XIX века

Нововведения коснулись и власти губернаторов. Самоуправление в городах и провинции было ограничено, но это не носило жестко принципиального характера. Более того: именно в этот период происходят очень значительные перемены в экономике России.

Как известно, даже самая удачная реформа не может дать результата сразу. Должно пройти какое-то время, должно смениться хотя бы одно поколение, должна повсеместно измениться ситуация. Реформа Александра II, которая проходила в 60-е годы, стала в 80–90-е годы давать свои плоды. Если взять торговлю, то внутренний и внешний оборот увеличился во много раз. Сбор зерна увеличился еще при императоре Павле, а здесь он вновь резко возрос, несмотря на резкое увеличение численности сельского населения. Добыча угля, руды, производство тканей — везде виден рост в несколько раз. Сейчас мы сказали бы, что экономика России развивалась опережающими темпами. В несколько раз увеличивается протяженность железных дорог, счет идет уже на десятки тысяч километров. Откуда все это взялось в «отсталой России»? В результате освобождения крестьян от крепостной зависимости на рынок было выброшено значительное количество дешевой рабочей силы — крестьян, которые не пожелали остаться на земле или могли быть сезонными рабочими. Дешевая рабочая сила всегда привлекает капитал: предприятия и строительство выгодно размещать там, где есть дешевая рабочая сила. Это послужило главной причиной быстрого развития капитализма.

4. Аграрный вопрос

Какие проблемы в экономике и сельском хозяйстве волновали общество при Александре III? У нас оставалась достаточно низкой средняя урожайность. Было немало земель с высокой урожайностью, но больше было таких, где она была низкой. В чем причина? Либеральная интеллигенция, от социалистов революционного толка до либеральных профессоров, объясняла это малоземельем и налогами (выкупными платежами и т. д.). Но даже малоземельные русские крестьяне владели большим количеством земли, чем их товарищи в Западной Европе. Если же взять налоги, то выясняется, что на минимальный урожай он высок, на средний — таков, что не производит особого впечатления, а на высокий просто смехотворен. Значит, дело было не в налоге, а в аграрной и технической отсталости. У нас продолжали пахать так, как делали это и 100, и 200 лет тому назад, нововведения появлялись не быстро. Нужно было создавать соответствующую индустрию, дорожную сеть. Провели железные дороги от центра к портам, но этого было явно недостаточно.

Мы обладали самым большим конским стадом — в Европе наверняка, а может быть, и в мире: сотни тысяч, если не миллионы, лошадей. Это обеспечивало потребности сельского хозяйства, но, тем не менее, было явно недостаточным. Соответственно, отставала и агротехника. Наконец, имело значение и то, что в деревне сохранялось общинное землевладение, которое было явным тормозом

К этому времени крестьянство стало расслаиваться на три большие и очень специфические группы. Вы, конечно, знаете о бедняках, середняках и кулаках, но, вероятно, точно не представляете себе, что же это такое. Бедняк — это крестьянин, который с трудом мог прокормить свою семью, т. е. ничего не производил для рынка. Средняки были, пожалуй, наиболее значительной и важной частью населения, потому что вели очень прочное собственное хозяйство и регулярно могли продавать излишки (которые могли быть больше или меньше). Средняки тянулись к тому же в сторону обеспеченных крестьян. Что касается кулаков, или зажиточных крестьян, то я бы предпочел второй термин. «Кулак» — это понятие, которое у нас не совсем правильно употребляется. Зажиточные крестьяне — это те крестьяне, которые производили на рынок. А кулаки — это, скорее, деревенские финансисты, которые могли держать мир в руках через ссуды, займы, ростовщические операции и т. д. «Кулак» было слово нехорошее, кулаком честили, бывало, мужики друг друга. Так вот, именно середняки и зажиточное крестьянство и создавали колоссальный хлебный запас России, который непрерывно увеличивался, несмотря на резкий рост населения. Достаточно сказать, что уже в эти годы мировые цены на хлеб устанавливались после осенней Нижегородской ярмарки. Тогда никакой сельскохозяйственной продукции США в Европе просто не знали, потому что она не выдерживала никакой конкуренции с русской. Любопытный штрих: несмотря на то, что в Европе немало всего производилось, но именно русские продовольственные товары особенно ценились, причем это касалось не только икры или семги, но и такой простой вещи, как сливочное масло. Его везли из Сибири в Европу, и оно имело особую ценность для европейцев, потому что в европейской части коров откармливали зерном (рожью и ячменем), а в Сибири их держали исключительно на травах, которые произрастали на бесконечных заливных лугах сибирских рек. Это обеспечивало сливочному маслу особые вкусовые и витаминные качества. Пожалуй, не было такого русского продукта, который не имел бы высокой репутации.

Но, как это ни парадоксально, в отдельных регионах возникали голодовки вследствие неурожая. Они не были смертельными, потому что туда можно было перебросить запасы хлеба, бывшие в стране. Происходили они по простой причине: при таких колоссальных расстояниях, как у нас, не везде мог быть одновременно хороший урожай, а кроме того, пути сообщения были скверными.

Правительство не принимало никаких продовольственных программ и даже не контролировало эту ситуацию, кроме случаев голода. И, может быть, делало ошибку, потому что если бы были сосредоточены какие-то усилия на решении наболевших проблем, то и развитие пошло бы быстрее.

5. Внешняя политика

Русская внешняя политика традиционно ориентировалась на Германию и Австрию. Несмотря на войны с Пруссией в 18 веке, на то, что с Австрией отношения бывали прохладными, русская политика в этом отношении была достаточно стабильной. Но в конце 19 века ситуация начинает меняться.

После того как в 1870 году Пруссия разбила Францию, объединила вокруг себя Германию и провозгласила Германскую империю, в центре Европы возникло сверхмощное и монолитное государство (разница между баварцами и саксонцами была абсолютно несущественной), которое не скрывало своих достаточно агрессивных намерений. Правда, пока во главе Германии стоял канцлер Отто фон Бисмарк, нам опасаться не было оснований, потому что у Бисмарка, великого недоброжелателя России, была, тем не менее, очень трезвая голова, и он завещал своим преемникам-дипломатам никогда не воевать с Россией. Он не любил Россию, он говорил, что неплохо было бы провести какой-нибудь социалистический эксперимент в России и посмотреть, что из этого выйдет, прекрасно понимая, что к добру это не приведет. Но воевать с Россией он не собирался, и это было принципом его внешней политики. Он трезво смотрел на вещи и понимал, что при всей агрессивности, монолитности и вооруженности Германии не одолеть Россию.

Бисмарк искал союзников поближе, и достаточно быстро сложился так называемый Тройственный союз: Германия, Австро-Венгрия и Италия. На Балканах ситуация складывалась так, что Россия практически потеряла там свое влияние, потому что Румыния нас не любила, Болгария в лице своих правителей была нами недовольна, и там было чрезвычайно сильно австрийское влияние; Турция не хотела нашего усиления и т. д. Фактически у России был единственный друг — правительство Черногории.

В этой ситуации Александр III круто изменил внешнюю политику. Несмотря на то что мирные договоры у нас сохранялись и с Германией, и с Австро-Венгрией, он повел дело к сближению между Россией и Францией. Оценить этот шаг не очень просто. Это была глобальная переориентация русской политики с глобальными последствиями. Дело в том, что немцы воспитывали поколение, которое, как они выражались, должно было закончить начатую работу, под которой они подразумевали победу над Францией в 1870 году. Франция, со своей стороны, ждала реванша, но с некоторым трепетом, понимая, что одолеть немецкого колосса она сама, пожалуй, не сможет.

Поэтому когда Александр III перестал доверять Германии, то в Париже и Петербурге зародилась мысль о том, чтобы поставить немцев между двух огней, или между молотом и наковальней, причем роль молота, а точнее сверхмощного гидравлического пресса (или, как тогда выражались, парового катка) должна была играть Россия. Началось все с предварительных переговоров, поездок военных атташе, официальных визитов и т. п. Официально меморандум о наших дружественных отношениях с Францией был опубликован только в 1895 году. До того никаких официальных подтверждений не было, хотя уже существовала военная конвенция, где было совершенно четко сформулировано,

кто и что делает в случае нападения третьей страны на союзника. Это определило русскую политику не только на два последующие десятилетия, но и, можно сказать, на всю первую половину 20 века, несмотря даже на то, что к власти в России пришли большевики.

Александр III, не любя ни кайзера, ни его дипломатов, заключил, тем не менее, так называемый договор перестраховки, который должен был удерживать Германию в определенных рамках, потому что официально мы оставались союзниками.

С Англией переговоры шли значительно сложнее, и союзниками Англии мы стали уже в начале XX века.

Внешняя политика подкреплялась отчасти и внутренней. В Прибалтике проводилась политика русификации. Состояла она в том, что немецкий язык вытеснялся русским, а местные языки не трогали. Если употреблялся немецкий язык, то требовалось употреблять русский, но если вы хотите издавать при этом эстонскую газету, латышский журнал или писать литовские романы — сделайте одолжение. Поэтому к началу советской власти в Прибалтике издавалась масса периодики и беллетристики на национальных языках, были национальные школы. На это русификация не распространялась. Не трогали также ни католическую, ни протестантскую церковь. Просто вытесняли германское влияние, справедливо полагая: или русское влияние — или германское. Другого быть не могло.

6. Дальний Восток и интересы России

Остается сказать еще о том, что имело место на Дальнем Востоке. Переселение в Сибирь начинается с того момента, когда начинает прокладываться Великая дорога — Транссибирская магистраль. Прокладывать ее начал граф Витте, и эта колоссальная дорога от Урала до Владивостока была проложена за смехотворно короткий срок в несколько лет. Она и сейчас является основной трассой. Трудно себе представить, но даже сейчас современный поезд идет от Москвы до Владивостока 6 или 7 суток.

Дорога эта прокладывалась весьма любопытно. Во-первых, стимулировалось переселение в Сибирь малоземельных крестьян. Они получали там весьма значительную землю и возможность вести хозяйство, для чего обязаны были отработать какое-то время на строительстве железной дороги. Но работать они должны были только в том месте, где поселились, а не ехать за железнодорожниками все дальше и дальше от дома. К строительству привлекались ближайшие деревни, но не насильственно: мужикам было {95} выгодно подвозить песок или работать лопатой. Когда рельсы прокладывались, и строители продвигались дальше, подключалось население следующей деревни — такова была традиция вообще при строительстве дорог, так было и в Сибири. Дорога эта прокладывалась фактически для двадцатого столетия, она стала основной магистралью, по которой пошли полезные ископаемые из Сибири.

Вторая проблема — внешнеполитическая. Русская торговля и промышленность начинают быстро обживать северную часть Китая, подходящую к границе, в частности Манчжурию. Русский элемент начинает проникать туда чрезвычайно активно, и до конца 1930-х годов, когда там появились коммунисты, русская эмиграция чувствовала себя в Харбине и других городах как дома. Вскоре в орбиту русских интересов попала и Корея, что привело к столкновению с Японией, поскольку это островное государство, не имевшее собственных источников сырья, претендовало на Корею как ближайшую к ней материковую землю. Это столкновение интересов и привело к Русско-японской войне.

Владивосток был замерзающим портом. Порт незамерзающий был получен в результате договора с Китаем, отдавшим нам в аренду на десятки лет Порт-Артур — незамерзающую гавань, правда, со сложностями прохода с внутреннего рейда на внешний и наоборот вследствие океанских приливов и отливов. Туда была подведена дорога, стал строиться русский торговый город Дальний.

Япония была молодым государством, полностью милитаризованным и готовым защищать свои интересы. У нас же кроме торговли и некоторой промышленности на Дальнем Востоке не было ничего, флот приходилось гнать вокруг всего земного шара (вокруг Африки, через Индийский океан и т. д.). Индустрии настоящей там не было, следовательно содержание армии и флота зависело от железной дороги или от морских путей, и это был слишком дорогостоящий вариант.

Не буду рассказывать историю этой войны — существует немало художественной и исторической литературы (роман «Крейсер «Варяг» Сергеева, «Порт-Артур» Степанова и т. д.), где достаточно точно излагается ход событий. Можно почитать и мемуары графа Витте, где автор превозносит свои дипломатические успехи: он сумел заключить мир с Японией, отдав Курилы и половину Сахалина. Эту войну вел фактически Забайкальский округ своими силами, и вел плохо. Реального представления о том, что происходит, не было ни в Генеральном, ни в Морском штабе. И как воевали (хотя там было немало героических страниц), так и вели дипломатические переговоры, не позаботившись узнать: а что, собственно, происходит с Японией? Япония, несмотря на все победы, находилась на грани экономического краха, и через несколько месяцев, японцы, вероятно, сами пошли бы на мирные переговоры.

На страну эта война произвела чудовищное впечатление, потому что вдруг началась массовая гибель солдат, начались поражения, к которым мы не привыкли. Национальное самолюбие было задето, началась критика и правительства, и генералитета, причем во многом справедливая. В Порт-Артуре погиб единственный настоящий флотоводец Макаров, который мог бы изменить ход войны, во всяком случае на море. Все это произвело впечатление ужасное и отчасти подготовило события 1905 года.

7. Начало революции 1905 г.

Кратко коснусь этих событий. Рекомендую посмотреть литературу на тему Кровавого воскресения (которой сейчас немало) и деятельности о. Георгия Гапона.

Гапон, как вы знаете, фактически был провокатором, приложившим немало сил, чтобы вывести народ на демонстрацию 9 января 1905 года. Народ не знал, зачем он идет, он был обманут, и это была классическая ситуация, которая всякий раз возникает в очередных социалистических катаклизмах. Как известно, Гапон впоследствии не избег печальной участи, когда его же товарищи обвинили его в соучастии с охранкой и казнили под Петербургом.

Положение рабочего класса в это время отнюдь не было трагическим. Россия была первой страной в мире, которая ввела рабочее законодательство. Ни в Америке, ни в Англии его не было, там действительно была жесточайшая эксплуатация, и если начинались

протесты, власти быстро наводили порядок. У нас после первых же чисто экономических забастовок стали регулировать ситуацию. Была введена фабричная инспекция, ограничен рабочий день, запрещен детский труд, введены ограничения на женский труд и т. п.

Присущая русским людям того времени благотворительность обуславливала то, что на наиболее сильных производствах и условия работы были, пожалуй, самыми хорошими. Работать приходилось тяжело, но и платили больше, и социальные условия стали меняться. Достаточно сказать, что на Трехгорке уже в начале XX века существовала система детских дошкольных заведений, врачебной помощи, социального страхования и пр. Одним из директоров «Трехгорной мануфактуры» был Вавилов — отец знаменитого генетика, в прошлом простой крестьянин. Конечно, так было не везде, но именно в России очень быстро поняли, что нельзя все время погонять, иногда надо и кормить. Когда у нас изображают рабочее движение как нечто монолитное, однообразное и настроенное против правительства, надо понимать, что на деле было не так. Одно дело экономические требования, другое — политические. В целом рабочие, не утратившие до конца связи с деревней, оставались монархистами. Если иметь в виду их религиозность, то здесь вообще не было проблем. Заводские церкви были везде, и они везде были полны. Может быть, именно поэтому именно Гапон и был использован для разложения рабочих.

Историю Кровавого воскресенья можно объяснить в двух словах. Губернатор Петербурга просто упустил ситуацию, императора в Петербурге не было. Поздно вечером стало известно, что наутро на улицы выйдут массы людей и двинутся к центру города. Гапон формально сообщал о своих намерениях, но на секретных совещаниях социалистов принимались совершенно иные решения (их программа известна: речь шла о провокации и попытке дискредитировать правительство). Надо было срочно принимать {96} решение: любое скопление десятков тысяч людей всегда может привести к непредсказуемым результатам — достаточно просто паники.

Власти Петербурга срочно должны были решить весь этот комплекс проблем. И в принципе они сделали все достаточно правильно, только немного опоздали. Были перегорожены все подходы к центру города. Войска были поставлены не в центре, а в удалении от него, чтобы не пустить туда колонны людей, отсечь их друг от друга. Это абсолютно правильно с точки зрения элементарной безопасности. Без крови не обошлось, потому что из толпы стали стрелять, и солдаты ответили тем же. Когда вы видите картинки, на которых демонстранты стоят у Зимнего дворца, а солдаты в них стреляют, то вы должны знать, что ничего подобного не было.

Император Николай II вообще не имел представления о том, что произошло, и когда ему доложили о количестве убитых, были тут же приняты меры: выплаты, пенсии, похороны за казенный счет и т. д. Администрация, которая все это допустила, естественно, понесла наказание.

Это была отвратительная грязная провокация. Сейчас опубликованы документы, которые это подтверждают. Но тогда цель была достигнута: социалисты завопили о Николае Кровавом, а либеральная интеллигенция захохла, запереживала: мы говорили, мы предупреждали, вот вам власти, вот вам императорская Россия. Если к этому добавить проблему выкупных платежей, которые продолжались уже 40 с лишним лет и висели на мужиках, плюс Русско-японская война — все это вместе производило достаточно неприятное впечатление. И в 1905 году русская деревня заволновалась.

Вообще революция эта шла в деревне, в городах ее по-настоящему и не было. В Москве на Пресне и по окраинам творились безобразия, но сюда был переброшен Семеновский

полк, который стал просто расстреливать революционных боевиков, взятых с поличным (а они действительно убивали и грабили), и вопрос был решен очень быстро. У Ключевского есть интересная запись в дневнике по поводу событий 1905 года. Он пишет: «Стреляют. Зачем? Вероятно, для того, чтобы не сдавать снаряды на склад». То есть на Кудринской шло побоище, а на Житной (где он жил) жизнь шла своим чередом.

А вот в деревнях запылали помещичьи усадьбы — мужики, особенно беднота, вымещали накопившееся недовольство. Выкупные платежи были отменены. Начались реформы, которые мы называем столыпинскими.

Примечания

1. _Платонов_С._Ф._Лекции по русской истории. М., 1993.
2. _Корнилов_А._А._Курс истории России XIX века. М., 1993.
3. Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. / сост. е._В._Анисимов._М., 1993. (Государственные деятели России глазами современников).
4. Например в кн: _Карамзин_Н._М._Записка о старой и новой России. М., 1991.
5. В кн.: _Соловьев_С._М._Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
6. Лекции LIX-LX. В кн.: _Ключевский_В._О._Исторические портреты. М., 1990.; Его же. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Т. 2.; Его же. Собрание сочинений в 9-и тт.
7. _Павленко_Н._И._Петр Великий. М., 1994. 3-е изд.
8. _Возгрин_В._Е._Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.
9. _Карташев_А._В._Очерки по истории Русской церкви М., 1992. Т 2. С. 543–544.
10. _Карташев_А._В._Очерки по истории Русской церкви М., 1992. Т. 2. С. 315–316.
11. _Карташев_А._В._Указ. соч. С 317.
12. _Верховской_П._В._Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916.
13. Кондиции // С пером и шпагой. М., 1986.
14. _Бердяев_Н._А._Истоки и смысл русского коммунизма М, 1990.

15. Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников убийства Павла I. М., 1990. репр.
16. _Карамзин_Н._М._Записка о старой и новой России. М., 1991.
17. _Плевако_Ф._Н._Избранные речи М, 1993
18. _Кони_А._Ф._Избранные произведения в 2-х тт. М., 1959. или Его же. Избранные произведения. М, 1980
19. _Ольденбург_С._Ф._Царствование Николая II. М., 1991.